

Индекс П8643

6
2023

РОССИЯ XXI 2023 6

РОССИЯ XXI

6.2023 ноябрь-декабрь

Теория и практика политических игр

Олег Волобуев, Валентин Шелохаев

О типологии политических партий _____ 6

Россия в мире

Олег Александров, Нина Большакова

Кинематограф как инструмент «мягкой силы» в международных отношениях: особенности советского, американского и российского подходов _____ 22

Ресурсы нации

Сергей Козлов

«Накапливая... наше культурное богатство»: Александр Петрович Мертваго (1856–1918?) _____ 48

Марина Попова

Николай Васильевич Шелгунов и его размышления лесоводстве _____ 82

Страницы истории

Светлана Архипова

Риторика «Поучения» Владимира
Мономаха: историко-педагогическое
исследование _____ 100

Наталья Семенова

«Необходимость неоспоримая»:
чиновники особых поручений
в системе губернаторской власти
Российской империи в первой половине
XIX в. _____ 130

Наталья Черникова

Второе издание Крестьянской реформы.
1881 год _____ 146

Редакционная почта

Евгения Лупанова

«За морем Сократы
добронравны»? _____ 176

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Партия – это безумие многих
ради выгоды единиц.

Джонатан Свифт

Партия есть организованное общественное мнение.

Бенджамин Дизраэли

**Олег Волобуев,
Валентин Шелохаев**

О ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

УДК
93/94

Предмет исследования – определение приоритетных критериев систематизации и классификации многопартийности в России начала XX века. Рассматривается генезис и эволюция политических партий, подчеркивается роль инициативного меньшинства в их создании и функционировании. Обоснован вывод о том, что различные группы инициативного меньшинства, осмысливая конкретную социально-историческую ситуацию в стране, разрабатывают свои модели, пути и средства переустройства общества. На этой основе формируется система политических партий, которые конкурируют друг с другом в публичном политическом поле, ища опору в массах. В статье дано авторское определение понятия «политическая партия», предложены критерии отнесения партии к тому или иному типу.

The subject of the study is the determination of priority criteria for systematization and classification of multi-party systems in Russia at the beginning of the twentieth century. The genesis and evolution of political parties is examined, the role of the initiative minority in their creation and functioning is emphasized. The conclusion is substantiated that various groups of initiative minorities, comprehending the specific socio-historical situation in the country, develop their own models, ways and means of reorganizing society. On this basis, a system of political parties is formed, which compete with each other in the public political field, seeking support among the masses. The article gives the author's definition of the concept of "political party" and proposes criteria for classifying a party as one or another type.

Ключевые слова: генезис и эволюция политических партий; партийная система; инициативное меньшинство; модели, пути и средства общественного переустройства; типология партий и ее критерии.

Key words: genesis and evolution of political parties; party system; initiative minority; models, ways and means of social reconstruction; typology of parties and its criteria.

E-mail: volobuevov@yandex.ru; iom07@mail.ru

Если попытаться осмыслить наработки современных политологов, историков, социологов по проблемам типологии политических партий, то исследователь будет буквально обескуражен множеством определений понятия «политическая партия» (более двухсот), а также разнообразием характеристик их типов. В литературе наблюдается тенденция к тому, чтобы ограничить число интерпретаций упомянутого термина. Это, разумеется, похвально, но сути проблемы не проясняет и неприемлемо для подлинно научного исследования. Все вышесказанное относится и к проблеме типологии политических партий, которая представляется не менее (если не более) расплывчатой. В нашей статье предпринята попытка дать собственное определение понятию «политическая партия», увязав авторскую трактовку этого явления с типологией партий.

От «старого» к «новому» порядку: роль инициативного меньшинства в становлении политических партий Прежде чем перейти к изложению двух логически связанных между собой теоретико-методологических проблем, обратим внимание читателя на общую характеристику процесса генезиса, эволюции и функционирования политических партий как исторического явления. Политическая организация современного общества стала порождением Нового времени. Точкой отсчета переходного процесса от «старого» к «новому» порядку явилась Французская революция 1789 г., давшая толчок к трансформационным подвижкам в сферах права и законодательства, созданию новых государственных и общественных институтов и структур. Эта революция породила качественные сдвиги и в области интеллектуальной мысли, что, в свою очередь, способствовало ее дальнейшей «направленческой» дифференциации. Объективные потребности общественного развития обусловили расширение интеллектуальной и социальной базы для западноевропейского инициативного меньшинства, активно включившегося в процесс осмысления не только уходящего в прошлое, но и формирующейся новой исторической реальности, а также образа будущего. Поиск путей социального прогресса сопровождался формированием новых общественных и политических институтов и структур, включая политические партии.

Партии, проецируемые инициативными меньшинствами, предлагают общетеоретические модели и основанные на них программы совершенствования общества, а также механизмы достижения намеченных целей. На основе выборов формируются парламенты и партийные правительства победившего в избирательных кампаниях большинства. Поскольку

исторический процесс вариативен, то от правящих партий стало зависеть, в каком направлении он будет развиваться в той или иной стране, а также какое влияние это может оказать и на геополитику. Как заметили в одной из своих статей В.В.Шелохаев и К.А.Соловьев, у каждой политической партии есть право на свой образ прошлого и будущего [9, с.85]. Следовательно, есть право предлагать обществу свою картину мира и модель преобразования/совершенствования страны в доминанте ее развития и преодоления кризисных явлений.

Система политических партий формируется на фоне сложившейся в каждой стране конкретно-исторической обстановки тогда, когда возникает потребность в осмыслении стоящих перед обществом и государством задач дальнейшего развития, необходимость поиска путей выхода из объективно нарастающих проблем. Согласно концепции и терминологии Арнольда Тойнби, такую кризисную ситуацию можно охарактеризовать формулой: «Вызов – Ответ» [7]. Острота ситуации может определяться как внутренними факторами (социально-экономическими, этноконфессиональными, политическими и др.), так и внешними (военные угрозы и др.). Следует особо подчеркнуть,

что поиск адекватных ответов на вызовы времени требует понимания национальных интересов [2; 3] в связи с суммированной оценкой кризисных симптомов и в целом положения в стране, анализом причинно-следственных цепочек, имеющихся ресурсов государства и возможных рисков. Иначе говоря, речь идет о моделях переустройства, или же снятия/смягчения социальных противоречий общества [8, с.113–382]. При этом, разумеется, инициативным меньшинством учитывается (или, по крайней мере, должна быть принята им во внимание) вариативность ситуаций, зависящих от совокупности объективных и субъективных факторов. Разумеется, теоретическая возможность учета этих факторов не всегда и во всем может совпадать с реальной, динамично меняющейся общественно-политической обстановкой. Опыт протекания российского революционного процесса

в России в начале XX века убедительно продемонстрировал эффективность или неэффективность прогностических возможностей различных партийных направлений инициативного меньшинства. Этот опыт показал, насколько могут быть хрупки разного рода теоретические прогнозы, разработчикам которых оказалось не под силу учесть чрезвычайную изменчивость ситуации в стране и подвижки в массовом сознании [1].

Понятие «политическая партия» в историческом контексте

Интеллектуальное конструирование моделей и путей переустройства общества, как правило, основано на предпочтительных ориентациях – или на историческое прошлое, или на футуристические построения неведомого будущего. Разумеется, вполне определенные группы инициативного меньшинства, руководствуясь «здравым смыслом», пытались сконструировать и то реальное «настоящее», которое, по их мнению, соответствовало потребностям текущего исторического момента. Тем не менее две первые парадигмы были задействованы гораздо чаще. Так, например, при марксистском подходе мировидение будущего имеет теоретическое обоснование в прошлом человечества (теория смены общественных формаций и классовой борьбы) и прогнозировании будущего бесклассового общества. Следовательно, понятие «политическая партия» всегда «вмонтировано» в соответствующий исторический контекст.

Из исторической реальности вытекает (и ею также обусловлено) предлагаемое нами следующее определение понятия «политическая партия»: «Политическая партия – это группа единомышленников, которая на основе разделяемых ими исходных мировидческих, мировоззренческих и мироощущенческих принципов разрабатывает и предлагает общественному вниманию собственную модель преобразования страны, стратегию и тактику ее практической реализации, оптимальную организационную структуру, а также набор методов, обеспечивающих достижение политической власти».

Представляется, что это определение, имеющее, на наш взгляд, общесоциологический и общеполитологический характер, может быть использовано при изучении не только российских политических партий, но и вообще партий как исторического явления Нового времени. Нами выделены базовые элементы, присущие всем без исключения типам партий. Обозначен и системообразующий элемент. Это – инициативное меньшинство, которое на основании разделяемых им мировидческих, мировоззренческих и мироощущенческих представлений разрабатывает теоретические моде-

ли общественного переустройства, а затем транслирует их в общественное и массовое пространство. Исходя из общетеоретических установок и программных положений, интеллектуальное инициативное меньшинство разрабатывает соответствующую стратегию и тактику, а также организационные принципы партийного строительства, определяет формы и методы воздействия на разные уровни сознания – узко-общественное и массовое.

В нашем определении подчеркивается основная стратегическая задача партии – борьба за политическую власть, овладение которой (временное или постоянное) должно обеспечить необходимые рычаги для реализации соответствующей модели переустройства общества.

Разумеется, акцентируя общесоциологический и политологический характер понятия «политическая партия», авторы статьи не исключают, а, наоборот, предполагают, что сам процесс генезиса, формирования и функционирования политических партий имеет национальную специфику. Именно в рамках конкретного национального пространства, с учетом его закономерностей и особенностей, предполагается реализовать разработанную партиями модель (или модели) и субмодель (или субмодели) общественного переустройства, основные параметры которых (в большей или меньшей степени) отражают интересы общенационального развития той или иной исторической общности и учитывают настроения, насущные интересы и чаяния соответствующих слоев общества, которые партия считает своей социальной опорой.

Совокупность базовых свойств, указанных в определении «политическая партия», обуславливает логический выход на типологию партий, которые подразделяются на три основных блока (консервативные, либеральные, социалистические), соответствующие трем основным мо-

**«Расколы», «отколы»
и перерождение: к вопросу
о пластичности партий**

Совокупность базовых свойств, указанных в определении «политическая партия», обуславливает логический выход на типологию партий, которые подразделяются на три основных блока (консервативные, либеральные, социалистические), соответствующие трем основным мо-

делям общественного переустройства. Однако это не означает, что, действуя на политической арене, партии исключительно замкнуты на себя и отгорожены от других частоколом идеологических табу. История российской многопартийности демонстрирует пластичность партий – как в рамках соответствующих моделей общественного переустройства, так и в стратегических и тактических целях и задачах, а также во взаимосвязях и взаимоотношениях с другими партиями в конкретном национальном политическом пространстве. Российская многопартийность продемонстрировала динамизм всех трех типов партий по всем их базовым параметрам, показала «лаг» их способности (или неспособности) приспосабливаться к быстро меняющейся общественно-политической ситуации.

Проиллюстрируем эти общие рассуждения на конкретных примерах. Так, при консервативной фиксации настоящего прошлое используется подобно лекалу для вычерчивания будущего. Существует, например, лежащее на поверхности различие между ориентациями большевистской партии на социалистическую революцию (и мировую, и в рамках отдельного государства) и поздней КПСС – на концепцию развитого социализма в СССР и длительное сосуществование двух мировых систем – социалистической и капиталистической. В первом случае налицо революционная доктрина и практика, во втором – и мировидение, и социально-политическую практику следует однозначно определять как «приземленную» и консервативную. Ибо они основаны на стремлении правящей элиты (партийного руководства) не допустить новаций в политическом и экономическом строе. Отсюда вытекает логический вывод: и отдельные политические партии, и вся система партий не статичны, а подвержены постоянным изменениям, включая «расколы» и «отколы», а также перерождение.

Общеизвестна эволюция западноевропейских социал-демократов, которую можно проследить от Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля

до Олафа Шольца и Бориса Пикториуса. Консерватизм можно заметить во многих партиях, прослеживая их извилистый путь «переодевания» и «переобувания» на разных этапах исторического пути. По мере того, как руководство, идеологии и программы партий стареют и ветшают, они с логической неизбежностью втягиваются в консервативный застой.

Место партии в политической системе: диапазон критериев

Итак, первый критерий для определения места той или иной партии в политической системе – это отражение в идеологии и программе

социально-исторической ориентации отношения к переустройству общества в целом. Принципиально отрицательное отношение – консервативная группа (идеология «старого порядка»). Модель, существенно меняющая общество парламентскими или иными мирными средствами, – круг реформистских партий с идеологией эволюционных преобразований существующего строя. И третья группа – партии революционные, нацеленные на новые, идеальные, с их политических позиций («отречемся от старого мира» и «мы наш, мы новый мир построим»), общественные отношения, созидание.

Второй критерий – это когда инициативное меньшинство, пока еще склонное к фрагментарности мировидения, ищет свой конкретный ответ на исторический вызов, выражающийся в необходимости обрести идеологическую цельность и стать на путь партстроительства¹, который лежит в сфере насильственных трансформаций (политических, экономических, социальных, культурных). Такое мироведение в форме идеологии или уже существует, включая в себя частично и новые интерпретации, или вырабатывается политическими мыслителями в странах, где возникла потребность в партиях. Конкуренция в моделях будущего ведет к созданию идеологизированных политических доктрин и программ, где обозначены цели организованного общественного движения. Так, в России в рамках мировидения социалистического будущего возникли неонароднические и марксистские партии. Причем марксизм был заимствован из Западной Европы, а неонародничество явилось развитием идей

¹ *Нарастание радикальных настроений в обществе, преимущественно среди молодежи, не всегда выливается в партстроительство. К примеру, у протестного студенческого движения в Германии 1960-х гг. был популярен лозунг «Помайте то, что ломается». Одним из теоретиков революционной молодежи 60-х был философ Герберт Маркузе со своим пониманием «нового тоталитаризма». Часть молодежных активистов в дальнейшем вошла в СДПГ, а небольшая часть – во «Фракцию Красной Армии» (RAF) с ее крайним крылом – террористической группой Баадера–Майнхоф.*

А.И.Герцена и других российских лево-демократических мыслителей и публицистов. Впрочем, последним также была не чужда западноевропейская мировоззренческая идеологическая компонента (например, марксизм).

Следующим критерием в системе политических партий являются средства достижения программных целей. В зависимости от целей и средств рождающиеся партии, как мы уже отметили, делятся на три политических кластера – консервативный, либеральный (реформистский) и революционный (в России начала XX в. он был социалистическим). Внутри обозначенных рамок могут существовать и субмодели, отражающие многообразие и вариативность тенденций общественного развития. В консервативном кластере можно выделить строго охранительные параметры, оберегающие основы общественно-государственного устройства от каких-либо изменений и новаций. Вместе с тем в нем по ряду характеристик (в частности, использование новейших научных и технологических достижений) прослеживается стремление консерваторов быть, говоря современным языком, в тренде времени.

В реформистском кластере отчетливо просматриваются радикальное и умеренное крыло (кадеты, либерально-центристские партии и октябристы). В революционном кластере можно обозначить ультрареволюционные и умеренно-радикальные тенденции. В РСДРП – это большевики и меньшевики, в неонароднических партиях – правые и левые эсеры, а также энесы. Возможны и кажущиеся парадоксы, такие, например, как публицистическая концепция «консервативной революции». В Германии 1920–1933-х гг. видными фигурами в создании этого течения общественной мысли были писатель и публицист, автор книги «Рабочий: господство и гештальт» Эрнст Юнгер (кстати, лауреат Нобелевской премии), литературовед, специалист по Ф.М.Достоевскому Артур Меллер ван ден Брук, историк и публицист Эмиль Францель [4, с.215–246].

**Еще один подход
к классификации партий**

Критерием дополнительной классификации партий по социальной направленности, кроме выделенных доминантных ориентиров (целей, средств, идеологии), может служить отношение к функционально

приоритетным структурам общественной жизни. Соответственно, важно ответить на вопросы: чьи интересы защищают и на какие социальные страты опираются партии? Каким, по их мнению, должно быть государственное устройство? Как должны решаться этнонациональные вопросы? Каково место религиозных конфессий в жизнедеятельности общества?²

Мировой и общероссийский опыт убедительно показал несостоятельность классового марксистско-ленинского подхода – жесткой «привязки» политических партий к каким-либо определенным социальным стратам. Это, скорее, дань идеологии, чем реальность, имевшая место, в частности, в России, где все-таки подавляющее большинство партий претендовало на выражение «общенародных интересов». Дело в том, что в конкретной российской исторической действительности, когда перед страной стояли по преимуществу «общенародные задачи», узкостратовая социальная ориентация шла вразрез с партийной тактикой. Так, РСДРП, указывая в идеологии и программе на приоритетную роль в общественном движении рабочего класса, не могла игнорировать другие трудящиеся классы. ПСР идеологически, программно, стратегически и тактически делала ставку на триединство социальных акторов – крестьянства, рабочих, трудовой интеллигенции. При анализе данной проблемы исследователи должны различать этапы общественного движения, логика смены которых предполагала определенную корректировку в стратегических и тактических курсах той или иной партии.

По отношению к государству партии могут быть, прежде всего, этатистскими и анархическими. Последние направлены на разрушение государства как орудия классового угнетения. Этатистская же идеология, прежде всего, сконцентрирована на укреплении роли государства в общественной жизни. Для нее характерен патерналистский подход. Этатистская идеология, например, была базисной для созданной Мустафой Кемалем Ататюрком Народно-республиканской партии в Турции. Заметим, что монархические партии являются этатистскими уже по своей природе. Что касается либеральных партий, то они не могут быть отнесены к этатистским по их идеологическим приоритетам. В фокусе классического либерализма всегда находится Личность (права гражданина как первооснова общества), интерпретируемая в духе лейбницеvской философской монады. Либералы, с одной сто-

² *Об отношении партий к проблеме этносов и конфессий см.: [8, с.133–159].*

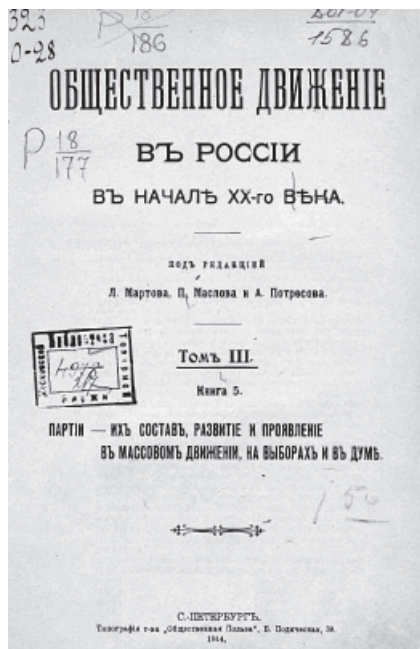
роны, видят в государстве гоббсовского Левиафана, с другой – для них важна функция государства как защитника от экстремистских покушений на правовое поле, обеспечивающее социальное равновесие и стабильность общества (что особо подчеркивалась «веховцами»). Однако в политической практике либеральных партий могут делаться ставки и на расширение роли государства как все регулирующего центра.

Роль этнического и религиозного факторов

Системы политических партий можно группировать также по этническому и религиозному основаниям.

При группировке партий по этническому критерию мы зачастую пользуемся устаревшей научной терминологией, поэтому позволим себе небольшое отвлечение. В настоящее время в международном лексическом общении понятие «нация» выступает как политоним, т.е. служит обозначением совокупности граждан одного государства вне зависимости от их языково-культурной принадлежности. Отсюда появилось и название «Организация Объединенных Наций», т.е. учреждение, созданное для политического и экономического сотрудничества всех государств мира, его членов (понятие «нация-государство»). Чтобы не путаться в таких понятиях, как «национальные интересы» (интересы государства), «национальная политика» (по отношению к разноэтническому составу граждан), желательно пользоваться в ряде случаев терминами «этнонациональное», «этносоциальное», «этнокультурное». Уточним свою позицию. Этнонациональными партиями являлись в императорской России, такие, например, как армянская Дашнакцутюн, еврейские Бунд и Поалей-Цион, партии и организации старофиннов и младофиннов. Дашнакцутюн ставил своей целью воссоздание исторического армянского этнонационального государства, еврейские социалистические партии развивались в русле рабочего движения, зачастую в симбиозе «социализм-сионизм» [6, с.227–346]. Заметим, что грузинские меньшевики, встав временно у власти, вели политику, приведшую к вооруженному конфликту в южной Осетии, и эта политика была осуждена уже в то время Бернским Социалистическим Интернационалом.

На протяжении всей истории человечества политические кризисы и войны не раз возникали или по религиозным причинам, или вследствие обстоятельств, спрятанных под конфессиональным одеянием. Под конфессиями в нашем тексте подразумеваются внутригосударственные и внегосударственные объединения верующих в рамках одной религии, но имеющих вероисповедальные отличия (православные, католики, про-

тестанты). В настоящее время, как отмечают авторы статьи о мусульманских политических партиях, термин «исламская партия» прочно закрепился в арабском политическом дискурсе [5]. Проблема выбора для этих партий – это различные способы организации власти в странах, где формирование мусульманской общины происходило в рамках исторически устоявшихся государственных границ. Но главное в их политической доктрине – это признание всеобщности коранических идеалов как ценностей, принципов и образцов жизнедеятельности уммы.

В развитие конфессионально-го сюжета обратимся, например, к российским консервативным партиям начала XX века. Речь

идет о Союзе русского народа и Союзе Михаила Архангела, программы которых начинались с «возвеличения Церкви Православной», связанной неразрывно и жизненно с Русским государством и с самодержавием, которое «всегда должно быть Православным». На наш взгляд, эти партии можно называть мононациональными в условиях их существования в многоэтнической империи. Однако вряд ли можно квалифицировать их как партии сугубо религиозные. Показательно, что на длительном отрезке истории ряд моноэтнических и моноконфессиональных партий не выдвигает вероисповедальность как идеологию на первый план в своих декларациях и программах.

Заключительные тезисы

Наиболее обоснованная, с нашей точки зрения, классификация партий – это их деление по отношению к существующему обществу на три кластера: консервативный, реформистский (либеральный) и революционный (социалистический). Во всех трех кластерах могут быть партии, имеющие как разную, так и одинаковую идеологию. Партии с либераль-

ной идеологией могут быть не только реформистскими, но и консервативными. Более того, представители неолиберальной идеологии не сбрасывали со счетов (при определенных обстоятельствах и соотношении общественно-политических сил) использование насильственных революционных методов. Так, российская либеральная оппозиция восторженно оценивала Февральскую революцию и ее завоевания. В годы Гражданской войны правое крыло российского либерализма в целях свержения ненавистных «большевистских узурпаторов» поддержало насильственные методы, широко применявшиеся в рамках Белого движения. Партии марксистского направления могут быть и революционными, и реформистскими и, на что указывалось выше, консервативными.

Перемещение партий из одного кластера в другой связано с их эволюцией. Революционная партия, захватив власть, может сменить место в системе: теперь она будет защищать свое доминантное место и отстаивать произведенные ею изменения в политических и социальных структурах (которые могут мешать дальнейшему развитию страны) от оппозиционных поползновений. Демагогия, бывшая средством радикальной борьбы с конкурирующими силами, перерождается в демагогию охранительного направления.

Приведенная выше основная (трехчленная) схема в конкретных условиях той или иной страны допускает и другие приоритетные критерии классификации: идеологические, классовые, этатистские, этнополитические, религиозные. Они лишь в самом общем виде намечены в нашем тексте и потому нуждаются в корректировке применительно к разным странам в разное историческое время.

Вместе с тем при всем множестве исследовательских интерпретаций понятия «политическая партия» мы предлагаем придерживаться следующих исходных критериев. Во-первых, бесспорным представляется (а это подтвердил более чем вековой мировой опыт, в том числе и общероссийский), что политические партии (как целое) являются творческим порождением инициативного меньшинства. Во-вторых, это инициативное меньшинство разделяет различные мировоззренческие, мировоззренческие и мироощущенческие принципы, которые берутся им за основу теоретической модели и основанной на ней программы, а также стратегии и тактики. В-третьих, инициативное меньшинство озабочено созданием оптимальной партийной структуры, обеспечивающей достижение политической власти с использованием набора самых разнообразных средств и методов. Дискуссии среди интеллектуального меньшинства о путях достижения политической власти не снимали и не снимают глав-

ной проблемы: без доступа к властным рычагам политическая партия не может достичь своих целей. Именно этим критерием руководствовались все основные российские политические партии в период между Февралем и Октябрем 1917 года. Мировой опыт убеждает и в том, что если партия, захватившая власть или получившая ее на выборах (так называемые парламентские партии), начинает утрачивать связь с динамично развивающимся историческим процессом, то она с логической неизбежностью превращается в тормоз/препятствие дальнейшего общественного развития. Опыт Гражданской войны и эмиграции в истории нашей страны убедительно показал, что политические партии (в широком понимании этого слова) оказались мало приспособленными для деятельности в экстремальной ситуации, когда стала выстраиваться политическая система большевистской диктатуры, делающая ставку не на соглашение и коалицию с другими партиями, а на подчинение их своему диктату. В условиях формирующейся большевистской диктатуры, нацеленной на установление единой партийной системы, другие партии оказались вытесненными из политического пространства – по выражению Л. Д. Троцкого, были отправлены в корзину истории. Однако последующий исторический опыт показал, что монополия одной политической партии на исторической арене рано или поздно приводит ее к стагнации и той же печальной участи. Для подлинного раскрытия творческих потенций политических партий требуется наличие конкурентной среды, позволяющей большинству сделать правильный выбор во время электорального процесса.

В конце 1980–х и особенно 1990-х годов в России начался настоящий «партепад»: количество «больших» и «самых маленьких партий» превысило все разумные пределы, продемонстрировав, что новый виток многопартийности в России выявил «болевые точки», характерные и для начала XX века. Инициативное интеллектуальное меньшинство продемонстрировало те же ментальные недостатки, присущие российской интеллигенции: нетерпимость к оппонентам и монологизм, стремление к диктату, претензии на обладание «истиной в последней инстанции». Все это вместе взятое демонстрирует непреложный факт: отсутствие в России тогда и сейчас развитого и структурированного гражданского общества, т.е. той базовой основы, на которой единственно возможно открытое и конструктивное взаимодействие политических партий, совместно ведущих разработку модели переустройства общества в соответствии с целями и задачами, стоящими перед страной в данный исторический момент. Современная эпоха настоятельно требует перехода

от идеологических партийных моделей к текущей и перспективной политике «здорового смысла», который и должен стать базовой основой для нового типа политических партий.

Переход к политике «здорового смысла» не означает отказа вообще от конструирования новых партийных моделей. Но он предполагает, исходя из целевых ориентаций, критический подход к формулированию задач и к выбору путей и средств их решения с учетом внутривнутриполитического и внешнеполитического балансирования в динамично меняющейся обстановке реформирования общества.

Библиографический список

1. Волобуев О.В. Прогнозы историка: Первая мировая война в публицистике Н.А.Рожкова // Россия в Первой мировой войне: Балканский аспект. Итоги и перспективы. Материалы Международной научной конференции (Тула, 5–7 февраля 2013 г.) / Под ред. Е.И.Самарцевой, В.И.Дружинина, А.А.Романова. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. С. 122–127.
2. Волобуев О.В., Шелохаев В.В. [Введение; Заключение] // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М.: РОССПЭН, 2000. С. 3–10, 388–389.
3. Волобуев О.В., Шелохаев В.В. Национальные интересы России: исторический аспект // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. №3. С.103–108.
4. Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Вып.1. Сб. научн. трудов / Отв. ред. А.Ю.Минаков. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 261 с.
5. Кудряшева И.В., Козинцев А.С. Исламские партии между небесным и земным: трансформация понятия «партия» в мусульманском мире // Полития. 2021. №4. С. 63. – Электронный ресурс. – URL: [http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2021-4\(103\)%20\(1\)-63-80.pdf](http://politeia.ru/files/articles/eng/Politeia-2021-4(103)%20(1)-63-80.pdf)
6. Общественное движение в России в начале XX-го века / Под ред. Л.Мартова, П.Маслова, А.Потресова. Т.III. Кн.5: Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1914. 643 с.
7. Тойнби А. Постигание истории: Избранное / Под ред. В.И.Уколовой, Д.Э.Харионовича; пер. с англ. Е.Д.Жаркова. М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
8. Шелохаев В.В. Многопартийность в России в начале XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 672 с.
9. Шелохаев В., Соловьев К. Политические партии России начала XX века. Особенности явления и перспективы изучения // Россия XXI. 2019. №5. С. 84–101.

Кинематограф – опасное изобретение. Его безумными лентами можно опоясать всю Землю, и стоит только поднести спичку...

Рене Клер

Кино – это всегда выход
из положения. Там каждый
о чём-то может помечтать.

Эрих Мария Ремарк

**Олег Александров,
Нина Большакова**

**КИНЕМАТОГРАФ
КАК ИНСТРУМЕНТ
«МЯГКОЙ СИЛЫ»
В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ:**

**ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО,
АМЕРИКАНСКОГО И
РОССИЙСКОГО ПОДХОДОВ**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
327

Авторы рассматривают отечественный и зарубежный опыт использования кинематографа как инструмента мягкой силы государства. Выявляются особенности американского подхода, анализируется советский опыт. Описывается современное состояние российского кинематографа и изучается комплекс проблем, ввиду которых этот ресурс мягкой силы не востребован в решении важных внешнеполитических задач. Оцениваются перспективы использования кинематографа как способа формирования позитивного образа страны и его распространения за рубежом. Авторы приходят к выводу, что нацеленность российских кинопроизводителей на коммерческую выгоду является главной причиной, по которой художественная ценность фильмов значительно снижается. Отмечается недостаточная реализация «воспитательной» функции современного отечественного кинематографа. Методом анализа является сравнительно-аналитический подход, контент-анализ.

In this article the authors consider the domestic and foreign experience of using cinema as an instrument of soft power of the state, reveal the peculiarities of the American approach, analyse the Soviet experience, describe the current state of Russian cinema and study a number of causes due to which this soft power resource is not implemented in the most effective way, evaluate the prospects of using cinematography as a way of forming a positive image of the country and its dissemination abroad. The authors conclude that the focus of Russian film producers on commercial gain is the main reason why the artistic value of films is significantly reduced. The authors note the insufficient realisation of the "educational" function of contemporary Russian cinema. The method of analysis is comparative-analytical approach and content analysis.

Ключевые слова: мягкая сила; кинематограф; кинопрокат.

Key words: soft power; cinematography; film distribution.

E-mail: aleksandrov-oleg@yandex.ru; Nibol@mail.ru

Межгосударственные отношения представляют собой сложное, многослойное явление. Современный мир в равной степени характеризуется и военно-силовым противоборством, и экономической конкуренцией, и диалогом различных культур. Разнообразные идеи и представления определяют облик тех или иных государств и цивилизаций, они сближают либо отдаляют страны и народы, на их основе формируется мировоззрение новых поколений. В условиях глобального информационного общества, которое предполагает высокую степень открытости, обостряется борьба за умы и сердца, за влияние на ход социально-политических процессов, за возможность отдельных стран, включая Россию, защищать свое культурно-цивилизационное пространство от вторжения враждебных идей и разрушительных смыслов.

XX век стал свидетелем триумфа кинематографа как одной из важнейших сфер культуры. Как и искусство в целом, киноиндустрия стала играть важную роль и в жизни отдельной страны, и в международных отношениях. Кинематограф превратился в эффективный инструмент продвижения культуры и идей страны, способствующий улучшению ее образа за рубежом, привлечению инвестиций и туристического потока. Многие страны имеют национальные киноиндустрии, финансово поддерживаемые правительствами.

Международные кинофестивали, такие как Каннский, Венецианский или Московский, предоставляют возможность странам продемонстрировать свою кинопродукцию мировой аудитории, а также развивать контакты с другими кинематографическими сообществами. Кино в международных отношениях может играть важную роль в формировании общественного мнения о других странах и культурах. Фильмы могут влиять на мнение людей о политических лидерах, известных исторических персонажах, в красках изобразить военные баталии прошлого, способствовать созданию или развенчанию «образа врага». Кроме того, кино может служить инструментом дипломатии, помогая улучшать отношения между государствами и привлекая внимание к важным мировым проблемам.

Целью статьи является изучение роли кинематографа как инструмента «мягкой силы» государства, а также анализ эффективности кинематографа для решения важнейших геополитических, культурно-просветительских, социальных и культурно-информационных задач. Авторы стремились дать оценку состоянию отечественного кино, его способности продвигать и защищать традиционные ценности российского общества как внутри страны, так и за рубежом.

Большинство деятелей культуры, киноведы, а также широкие зрительские слои довольно критично оценивают современное состояние отечественного кино. Главной гипотезой нашей статьи является идея о том, что неудовлетворительное состояние отечественного кинематографа во многом является результатом культурной экспансии западных ценностей, которые не только сформулировали совершенно иную культурную повестку современного российского кино, но и привнесли кардинальные перемены во все стадии современного кинопроцесса. Российское руководство с 1991 г. проводило курс на вхождение страны в систему западных институтов и интеграцию в мировую рыночную экономику. Оно ориентировалось на Вашингтон в вопросах внешней и внутренней политики. В настоящий момент, когда произошла переоценка прежней политики и ставится задача укрепления суверенной российской государственности, отечественный кинематограф может принести немалую пользу на пути решения этой задачи.

Но способно ли современное российское кино решать важнейшие воспитательные задачи? Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, потребуются совершить небольшой исторический экскурс и посмотреть, в каких условиях и по какому пути развивались два сильнейших кинематографа XX века – американский и советский. Также следует провести анализ теоретических основ концепции «мягкой силы» применительно к кинематографу.

Кино как инструмент «мягкой силы» и публичной дипломатии

Впервые концепт «мягкой силы» был предложен американским политологом Джозефом Наем в 1990-х гг. Эта концепция была из-

начально изложена в книге “Bound to Lead: The Changing Nature of American Power”, но более подробное развитие идея получила в 2004 г., когда была издана книга “Soft Power: The Means to Success in World Politics”. Джозеф Най, знаковый представитель неолиберализма, определил «мягкую силу» как способ достижения геополитических целей через культурные, экономические и политические воздействия, а не через применение силы или угрозы силой [21]. Основная идея «мягкой силы» заключается в том, что она основывается на взаимном понимании и доверии между странами и народами, а не на принуждении или насилии. Этот инструмент может быть использован для продвижения, укрепления и развития базовых гуманитарных принципов, таких как укрепление безопасности, поддержка демократии и защита прав человека.

О роли государственной политики, проводимой в сфере культуры, рассуждали многие ученые. В их числе итальянский неомарксист, Ан-

тонио Грамши, создатель концепции «культурной гегемонии». Задолго до семантического и логического обособления «мягкой силы» в политической литературе Антонио Грамши определил особый «ненасильственный» способ влияния государства в лице правящего класса на гражданское общество [15].

Еще одной предпосылкой к появлению самостоятельного термина «мягкая сила» стал вклад Эдварда Карра, британского ученого, специалиста по проблематике международных отношений. Он впервые выделил три типа «силы», которые используются государствами, а именно: экономическая сила, военная сила, а также сила «над мнениями», которая подразумевает завуалированное давление государства на формирование общественного мнения [5].

«Мягкая сила» может быть реализована через различные инструменты, такие, как культурный обмен, экономические отношения, образование, научно-техническое сотрудничество, дипломатия и т.д. Стоит отметить, что «мягкая сила» является теоретической концепцией, реализация которой осуществляется на практике благодаря публичной дипломатии [4]. Главной задачей последней является расширение пространственного диалога, осуществляемого за счет реализации мер, направленных на информирование, изучение и сближение с зарубежной аудиторией. Публичная дипломатия способствует установлению долгосрочных отношений между странами и народами на основе взаимного понимания и уважения.

Один из видов «мягкой силы», а именно культурная дипломатия, используется государствами для поощрения культурных обменов, организации выставок, концертов, проведения фестивалей, что в целом способствует развитию диалога и дружеских отношений между народами. Разнообразие инструментария «мягкой силы», имеющегося в распоряжении государств, позволяет сделать вывод о том, что существует множество способов мирного воздействия на характер международных отношений. Главный вопрос кроется в эффективности, последовательности и частотности использования государствами подобных практик, от которых напрямую зависит конечный результат. Под «результатом» в данном контексте понимается достижение изначально заданных государствами целей, которые могут быть крайне разнообразны. К их числу относятся: укрепление имиджа государства и его влияния в мировом сообществе, расширение экономических, политических и культурных отношений с другими странами, поддержка международной безопасности и стабильности, решение конфликтов и установление мирных отношений с другими странами. Под-

держка демократических ценностей и прав человека в мировом масштабе, повышение престижа и авторитета страны на международной арене.

Повторим, впервые потенциал кинематографа как инструмента «мягкой силы» был отмечен Джозефом Найем в статье “Soft Power: The Means to Success in World Politics”. Автор доказывает, что посыл одного и того же фильма может восприниматься аудиторией в разных частях света по-разному [22]. Най также утверждает, что фильмы являются эффективным способом убеждения аудитории. Например, по мнению ученого, фильмы, показанные американцами китайскому народу с целью укрепления правовой системы, будут намного полезнее речей «о верховенстве закона» ввиду специфики кино – его наглядности и доступности [22].

Действительно, кинематограф – это не только уникальный способ познания мира, но и сильнейшее оружие, способное управлять восприятием человека. Фильмы могут повышать осведомленность о социальных проблемах, вызывать эмоции и вдохновлять зрителей на действие. Согласно теории канадского философа Маршалла Маклюэна, все медиа-источники, в зависимости от возможности человека сохранять концентрацию и критически оценивать реальность, подразделяются на два типа: «горячие» и «холодные». Кино, по его мнению, считается «горячим источником», так как зрители погружаются в атмосферу кинокартины, порой отчуждаясь от реального мира, и пытаются проследить замысел фильма, принимая предлагаемую реальность за аксиоматическую. Это, по мнению ученого, происходит из-за воздействия на бессознательно-архетипный слой нашего сознания [20]. Краткосрочные рекламные ролики, представляющие «холодные» медиа, не запрашивают такого длительного периода концентрации, поэтому отрефлексировать полученную информацию и подвергнуть ее сомнению становится намного проще. Этот психологический трюк уже взят на вооружение многими странами. Например, в северокорейском кинематографе давно введена практика «воспитательного кино», которое направлено на укрепление патриотизма, традиционных ценностей и развитие моральных качеств зрителей. Также государство умело имплементирует идеологические положения в кино, тем самым наращивая внутренний авторитет и распространяя идею о верховенстве Родины. Последние фильмы, появившиеся в северокорейском прокате, такие как «Колеса счастья», «Обещание» или «Бегом до самых небес» повествуют об упорных и стоических героях, которые готовы отдать свою жизнь во имя безоблачного будущего процветающей партии. О том, до какого предела идеологизированы эти картины, наглядно свидетельствует строчка из песни «Колеса счастья»: «Есть у меня мечта, но это не маленькая и эгоистичная мечта, которая принесет счастье

семейному кругу, это великая цель – работать на счастье Родины в период ее наивысшего экономического подъема» [11]. Так, посредством кинематографа государство способно реализовать задачи, которые связаны с внутриполитическим или внешнеполитическим курсом страны.

Кинематограф является мощным инструментом формирования определенного образа, в частности образа страны, который по мере своего распространения может закрепиться в общественном дискурсе, тем самым приобретая статус «новой правды». Оно способно создавать идеальные, искаженные или реалистические образы людей, мест и событий. Кино может влиять на наши представления о культуре, истории, политике и социальных проблемах.

Один из ярких примеров использования кино для пропаганды идеологии – бессмертная классика, советский фильм «Броненосец Потемкин» (1925) Сергея Эйзенштейна. Фильм повествует о доблестном подвиге революционеров, поборовших тиранию и классовую несправедливость. Знамя Революции, будучи главным смысловым акцентом, в черно-белом фильме было раскрашено вручную. На большом экране фильм выглядел настолько правдоподобно, что напуганные британские власти запретили демонстрацию фильма в стране. Впервые картина увидела свет в кинотеатрах Великобритании только в 1950-е годы.

Кино неразрывно связано с феноменом «исторической памяти», поэтому многие государства стремятся повысить степень осведомленности публики посредством демонстрации художественно-исторических фильмов. В связи с этим в российском кинопрокате одной из самых востребованных и популярных тем являются кинокартины, посвященные Великой Отечественной войне. В послевоенные годы, в частности именно такие картины, как «Повесть о настоящем человеке» (реж. Александр Столпер, 1948), «Судьба человека» (реж. Сергей Бондарчук, 1959), «А зори здесь тихие» (реж. Станислав Ростоцкий, 1972), позволили сохранить память о великом военном

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

и гражданском подвиге советского народа и воспитали целое поколение на идеях советского патриотизма.

Образовательные и воспитательные функции советского кино

Как известно, в основании советского кинематографа лежал декрет В.И. Ленина от 27 августа 1919 г. «О национализации кинодела в Советской

России». Перед «важнейшим из искусств» была поставлена задача формирования «нового» человека. В это время по всей стране начинают открываться первые национальные киностудии. Середина и вторая половина 1930-х гг. – время выхода на экраны картин, в которых был представлен образ человека новой формации. «Юность Максима» (реж. Григорий Козинцев, Леонид Трауберг, 1934), «Семеро смелых» (реж. Сергей Герасимов, 1936), «Цирк» (реж. Григорий Александров, 1936), «Трактористы» (реж. Иван Пырьев, 1939), «Светлый путь» (реж. Григорий Александров, 1940) – в этих и других фильмах той эпохи изображены не только новые герои социалистического мира, но и показан процесс становления их личности. В начале 1920-х гг. в Советском Союзе было создано Госкино – государственное управление кинематографии, которое контролировало производство фильмов и их содержание. В это время, начиная с 1930-х и заканчивая началом 1960-х гг., в советском кинематографе господствует стиль социалистического реализма, главная цель которого – отражение реалий строительства социализма, его достижений, а также воспитание нового советского человека.

Государство являлось главным цензором и формировало кинорепертуар для советской публики. Известно, что И.В. Сталин лично просматривал некоторые фильмы, определяя их дальнейшую судьбу. Так, вторая часть картины Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» получила от вождя нелестные оценки, режиссер был обвинен в искажении исторических фактов, а фильм отправлен на доработку. Критические оценки от советского руководства в виде разгромной

рецензии в газете «Правда» получил и фильм «Закон жизни» (1940, реж. Александр Столпер). Кинокартина была снята с проката за пропаганду аморального образа жизни.

Как и советская система в целом, советский кинематограф прошел несколько знаменательных фаз в своем развитии. Если для советского кинематографа 1920-х гг. характерны картины историко-революционные, то уже в предвоенное десятилетие было снято немало фильмов, посвященных важнейшим сюжетам русской истории. Советское кино 1930-х гг. перестает быть сугубо пролетарским, так как его героями становятся представители разных сословий, в том числе и дворяне. Наряду с комедийным жанром, развивается художественно-историческое кино. Выделяется военно-патриотическая кинокартина «Чапаев», снятая братьями Васильевыми в 1934 году. Такого колоссального успеха не было ни у одного фильма того времени. Многие зрители смотрели его неоднократно. На сеансы ходили целыми заводами и фабриками, а возглавлявшие толпу гордо несли транспаранты с лозунгами «Мы идем смотреть Чапаева!» и «Чапаев – замечательный фильм!».

«Ах, как он шагает, этот мальчик (Наполеон. – авторы фильма)! Пора его унять. Пора, а то поздно будет. Ты смотри, куда он держит путь – Италию он взял, Австрию... – эту и брать нечего, сама под ноги ляжет. И вот

куда падет его новый удар – Россия... Но тщетно двинется на Россию Европа, она найдет здесь ненависть лю- тую, доблесть великую и свой гроб!» Вот какие слова вложили в уста Александра Васильевича Суворова режиссеры фильма «Суворов» (1940 г.) Всеволод Пудовкин и Ми- хаил Доллер. Эти же режиссеры го- дом ранее создали запоминающееся историческое полотно «Дмитрий Донской», повествующее об одном из судьбоносных событий русской истории. В историко-патриотиче- ской киноленте 1938 г. «Александр Невский» (реж. Сергей Эйзенштейн) великий русский князь и полководец произносит знаменательные слова «Кто к нам с мечом придет, тот от ме- ча и погибнет. На том стояла и бу- дет стоять Русская Земля!».

Как видим, кинематограф предвоенных лет, обращаясь к историческим сюжетам, оказывал влияние на образование и воспитание молодого поколения.

Эпоха историко-героического советского кино началась в середине 1930-х гг., а закончилась в эпоху хрущевской «оттепели». В линейке послевоенных произведений стоит особо выделить картину «Адмирал Ушаков» (1953), посвященную жизни и подвигам великого русского флотоводца. «Корабли штурмуют бастионы» (1953) – вторая часть дилогии Михаила Ромма, посвященной легендарному русскому адмиралу. Еще одной замечательной картиной позднесталинской эпохи стал фильм «Герои Шипки» (1954). В этой картине, посвященной реальным истори- ческим событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг., прославляется славянское братство и героизм русского народа. Центральный образ генерала Скобелева блистательно воплощен Евгением Самойловым. Ре- жиссеры фильма отдали должное великому русскому полководцу, умев- шему побеждать по-суворовски, то есть не числом, а умением.

В период Великой Отечественной войны кинематограф использовался для поднятия патриотического духа страны. Такие фильмы, как «Ма- шенька» (реж. Юрий Райзман, 1942), «Жди меня» (реж. Александр Стол-

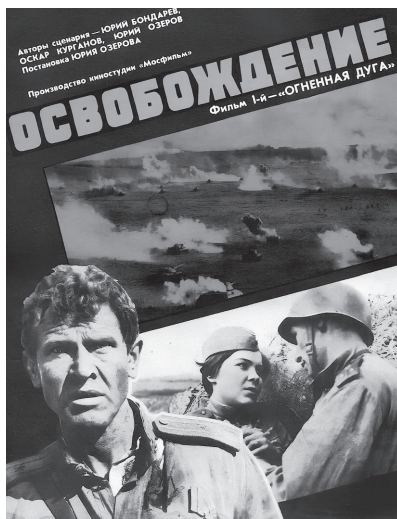
пер, 1943), «Парень из нашего города» (реж. Александр Столпер, 1942), «Два бойца» (реж. Леонид Луков, 1943), «В шесть часов вечера после войны» (реж. Иван Пырьев, 1944) призваны были вдохновлять советского человека на подвиг, укреплять его веру в победу над фашизмом.

Среди богатого кинематографического наследия советской эпохи особняком стоят фильмы, посвященные Великой Отечественной войне и подвигу советского народа. Среди множества великих картин на военную тему выделяется масштабная киноэпопея Юрия Озерова «Освобождение», съемки которой продолжались 6 лет – дольше, чем шла сама война. Нередко киностудии приходилось работать в обстановке, максимально приближенной к боевой. Когда фильм был, наконец, снят, режиссер-фронтовик Юрий Озеров признался: «Похоже, мы Европу освободили дважды» [10].

Кинохроника, документальные фильмы и художественные фильмы СССР – национальное достояние, которое необходимо для сохранения исторической памяти и воспитания подрастающего поколения нашей страны. Это тем более актуально в наши дни, в условиях углубления культурно-информационного противостояния.

Кинематограф – мощный культурно-политический инструмент в руках государства, однако в современных российских реалиях он не используется как инструмент «мягкой силы». Отечественный прокат насыщен второсортными зарубежными картинами и отечественным суррогатом. Кино практически перестало быть источником правдивой информации о России, ее настоящем и прошлом. А единичные фильмы, посвященные событиям отечественной истории, трактуют их настолько однобоко, что подобные киноподелки не могут принести ничего, кроме вреда имиджу страны («Штрафбат» (реж. Николай Досталь, 2004), «9 рота» (реж. Федор Бондарчук, 2005), «Сволочи» (реж. Александр Атанесян, 2006)). Начиная с 1990-х гг., в российском кинопрокате стало безраздельно доминировать американское кино.

Подобная ситуация характерна не только для нашей страны. Согласно подсчетам кандидата юридических наук А.С.Бакумова, 72% мирового эк-

ранного времени принадлежит именно кинематографу США [3]. Обусловлено это тем, что большее количество стриминговых сервисов и платформ дистрибуции цифрового контента (Netflix, HBO Max, Disney Plus и т. д.) принадлежит именно американским частным лицам. Во-вторых, большая часть кинофильмов, произведенных в США, ориентирована на массового зрителя, чем обусловлена их универсальность, широкий охват, и, как следствие, ошеломляющая популярность. К культуре «блокбастеров» приобщились миллиарды зрителей по всему миру. Такие картины, как «Титаник» (реж. Джеймс Кэмерон, 1997) и «Привидение» (реж. Джерри Цукер, 1990), повсюду были встречены с восторгом. Третья причина – бессмертный канон голливудского образца, которому и по сей день пытаются подражать кинопроизводители ряда государств. Ярким примером тому служит хиндиязычный Болливуд. По мнению американского социолога Дианы Крейн, во многом популярности Голливуда способствовало именно явление глобализации: молниеносность распространения информации, ликвидация условных границ, акселерация технологического прогресса и использование интернета [17]. Кроме того, в условиях глобализации именно английский язык стал языком международного общения, поэтому фильмы американских компаний пользовались большой популярностью.

Голливуд и пропаганда американского образа жизни

Что же представляет собой процесс создания американского кино? Какую роль в этом процессе играет государство и существует ли в рамках американской модели цензура? Ответы на эти вопросы важны не только с точки зрения анализа процесса кинопроизводства в США, но и с точки зрения понимания того, подходит ли американская модель для тех воспитательных и образовательных задач, которые уже стоят на повестке дня в России, отстаивающей перед коллективным Западом право на самобытность и самоценность национальной культуры и суверенность своей государственности.

Главным слагаемым успеха американского кино, безусловно, являются финансовые возможности национальных киностудий, которые во многом превосходят возможности национальных киноконцернов других стран. Кроме того, кинематограф в США, как и на Западе, является инвестиционно привлекательной отраслью.

Необходимо отметить, что в США государственная политика в сфере кинематографа имеет специфический характер. В США государство не является заказчиком кинокартин и не выделяет средства киностудиям. Целью американской системы является стимулирование отдельных регионов

и компаний. Потому кинематограф в США развивается за счет специальных мер поддержки кино, таких как:

1. Различные гранты (grants);
2. Возврат средств наличными (cash rebates) – правительство конкретного штата возмещает киностудиям часть затраченных средств на производство фильма;
3. Частичное освобождение от уплаты налога на прибыль (tax credit) – компания освобождается от уплаты налога на прибыль (в среднем на 20–30%);
4. Освобождение от уплаты налога с продаж (sales tax exemption);
5. Бесплатное предоставление локаций (fee-free locations) – у киностудий есть возможность использовать места для натуральных съемок без уплаты государственной пошлины [7].

В США участие государства в финансировании кинопроизводства минимально. Американское правительство не выделяет средства, не устанавливает квоты, не осуществляет заказы и не цензурирует готовые картины. В роли цензоров выступают крупные некоммерческие организации, как, например, Ассоциация кинокомпаний, объединяющая шесть самых крупных на сегодняшний день голливудских кинопроизводств. Таким образом, в США отбор кинокартин осуществляется за счет механизма «самоцензуры».

С другой стороны, ни для кого не является секретом, что Голливуд представляет собой достаточно политизированную корпорацию, в которой влияние на идейное содержание картин осуществляется через неформальные механизмы, такие, как встречи деятелей американского искусства с представителями Госдепартамента. Консультантами многих американских картин являются представители спецслужб. Наконец, американские режиссеры вынуждены учитывать менталитет американского общества, частью которого является идея о уникальности США, преимуществе американского образа жизни, моральном лидерстве США и т. д. Весь этот комплекс идей и неписаных правил в совокупности формирует некий идеологический каркас, который ограничивает рамки творческого процесса.

Поэтому неудивительно, что большая часть кинопродукции США выдержана в духе государственной риторики и транслирует идеи американского превосходства и уникальности. По мнению младшего научного сотрудника сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований, У.З. Артамоновой, именно «симбиоз» между Голливудом и Вашингтоном определяет сильную патриотическую линию в американских фильмах. Благодаря кинопроизводителям, акцентирующим идеоло-

гический аспект в своей продукции, государство имеет возможность использовать эффективный инструмент публичной дипломатии [2]. В свою очередь, государство защищает интересы Ассоциации кинокомпаний по вопросам коммерческих соглашений, интеллектуальной собственности, и т. д. Кроме юридической помощи, государство также снабжает Ассоциацию кинокомпаний кадрами, которые способствуют развитию диалога между кино и политикой. Отдельные государственные органы также осуществляют консультации для кинематографистов.

Несмотря на парадокс, заключающийся в отсутствии цельной государственной политики США в области кинематографа, количество фильмов, воспевающих патриотические начала, все равно растет в геометрической прогрессии. Существование такого феномена можно объяснить влиянием нескольких факторов. Во-первых, определенную роль играет механизм кадровой ротации, существующий в различных структурах США. Бывшие политики США нередко занимают руководящие должности в сфере киноиндустрии. Так, например, первым президентом Ассоциации кинокомпаний стал Уильям Харрисон Хейс, 46-й Генеральный почтмейстер США, председатель Республиканского национального комитета. Затем, с 1996 по 2004 гг., руководство Ассоциацией осуществлял Джек Валенти, советник президента Линдона Джонсона. Примечательно, что на сегодняшний день главой организации является Чарльз Ривкин, бывший заместитель госсекретаря США, а также бывший представитель США во Французской Республике и Княжестве Монако. В целом, большая часть сотрудников, осуществляющих руководящую деятельность в киноассоциации, обладают основательным опытом работы в правительстве. Среди них есть как бывшие госслужащие, так и дипломаты различных рангов. Кроме того, в США исторически существует «теневая» поддержка кинематографа. Так, например, пропагандистские кинокартины пользовались особым покровительством Гарри Трумэна, 33-го президента Соединенных Штатов, придававшего особое значение публичной дипломатии США.

Таким образом, очевидно, что американский кинематограф непосредственно связан с политикой. Однако официального подтверждения этому не может быть по определению, так как связь государственной политики и кино всегда порождает цензуру, а цензура, в свою очередь, – немислимый для демократического общества элемент, подрывающий воспеваемый в США принцип «свободы слова».

Как бы то ни было, национальный кинематограф США активно используется для продвижения американской культуры и идеологии во всем мире и является одним из наиболее эффективных инструментов публичной ди-

пломатии. Американские фильмы широко распространены и популярны, что позволяет США влиять на мировую общественность и формировать привлекательный имидж страны. По мнению В.М.Халилова, автора исследования «Современное американское кино и неолиберальная идеология», киноиндустрия США активно формирует у зрителей представление о ценностях и идеалах сегодняшней Америки, «исключительности» этой страны [14].

Суть упомянутой национальной идеи сводится к тому, что у США, как утверждают многие американские консерваторы, особая миссия и уникальное место в мире. Действительно, изображение супергероя, так называемого «сверхчеловека», давно стало тем образом, с которым отождествляет себя американская нация. Дана Хеллер в своей работе “The Selling of 9/11: How a National Tragedy Became a Commodity” описала образ супергероя как «физическое воплощение универсальности, неразрывно связанное с американской империей в эпоху глобализации» [18]. Подобные многочисленные образы, продвигаемые с помощью сильнейших маркетинговых стратегий, отлично вписываются в дискурс американского неолиберального общества и позволяет нации уверовать в свою уникальность, неповторимость и могущество.

В последнее время, наряду с идеей американской «исключительности», в продукции киноиндустрии США находят отражение приметы социальных трансформаций. Речь идет прежде всего о новом понимании института семьи. Однополые браки вытеснили привычный нуклеарный подход к образу семьи на киноэкране. По словам исследовательницы Клер Дженкинс, «некогда господствующая модель семьи, состоящая из отца и матери, их детей, перестает быть ведущей в Голливуде» [19]. В американском обществе наблюдаются колоссальные сдвиги в понимании того, что такое «семья», поскольку привычный образец, сложившийся в послевоенной Америке и представляющий патриархальную, «белую» семью, в которой отец обязательно является кормильцем, теряет свою актуальность в сегодняшнем американском кинематографе. Экранные семьи несут «педагогическую функцию» и транслируют в массы новые общественные установки [13]. В числе фильмов, содержащих элементы подобной повестки, можно отметить популярный подростковый сериал «Эйфория» (реж. Сэм Левинсон, 2019), который в откровенной форме обучает подрастающих представителей нации «разнообразию» и «инклюзивности». Следовательно, продиктованные обществу новые устои будут с молодых ногтей восприниматься как норма, отклонение от которой или ее отторжение в дальнейшем будет расцениваться как девиация.

Однако изменение взгляда на привычный концепт семьи не единственное нововведение, появившееся в социальном устройстве США. Проблема меньшинств никогда не была так актуальна, как в последнее десятилетие. Пристальное внимание к теме связывают прежде всего со вступлением в должность главы государства первого темнокожего президента США Барака Обамы, который и включил в повестку дня проблему «темнокожего населения», «безотцовщины», а в 2015 г. легализовал однополые браки. В фильме «2012» (реж. Рональд Эмерих, 2009) Барак Обама стал прототипом темнокожего президента

Уилсона, прогрессивного лидера либерального толка, который готов пожертвовать всем ради спасения и процветания американской нации.

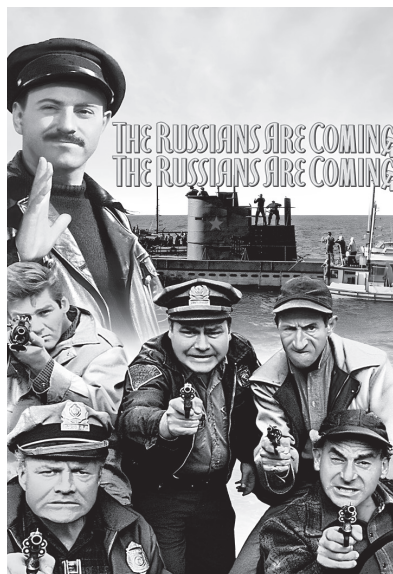
Новый виток борьбы за «равенство», сокрушительные акции “Black Lives Matter” и очередная волна «инклюзивности», захлестнувшая американское сознание, дали свои плоды. На прилавках магазинов появились темнокожие куклы Барби, а темнокожая актриса, Холли Бейли, была выбрана на роль Русалочки в одноименном мультфильме (реж. Роб Маршалл, 2023), что вызвало как восторженные отзывы со стороны темнокожего населения, так и волну критики. Русалочка, живущая в подводном мире, по определению не может иметь темный цвет кожи, поскольку это результат пигментации – попадания солнечных лучей на эпидермис. Это свидетель-

ствуует о том, что на сегодняшний день американский кинематограф игнорирует необходимость внутренней цензуры и слепо следует за спросом публики и материальной выгодой.

Большую роль в любом национальном кино играет репрезентация остального мира. Это помогает отследить то, какие настроения по отношению к представителям других стран господствуют среди населения. В американской кинопрактике долгое время, начиная со времен холодной войны, доминировала идея о том, что «русский» непременно является врагом и обязательно должен быть отрицательным героем. Это было негласное правило кинематографа того времени, поскольку от холодной войны обе стороны конфликта унаследовали, как утверждает историк К. А. Юдин, культурную дихотомию, основанную на принципе отчужденности, «мы–они» [16]. Это породило массу стереотипов, которые позже были инкорпорированы в кинофильмы.

В разгар Карибского кризиса в США в прокат вышла картина «Манчжурский кандидат» (реж. Джон Франкенхаймер, 1962), в которой американец, ветеран Корейской войны, попадает в плен и становится участником коммунистического заговора. Подобный политический дискурс, когда все «советское» по определению считалось негативным, породило массу параноидальных кинокартин. В результате, пытаясь противостоять истерии, распространившейся в американском обществе, некоторые режиссеры начали высмеивать укоренившееся представление. В качестве примера можно привести комедийную картину Нормана Джуисона «Русские идут! Русские идут!» (1966), сюжет которой сводится к тому, что в море у вымышленного берега Массачусетса из-за перебоев с навигационной системой всплывает советская подводная лодка. Экипаж не успеваеет остаться незамеченным, и американцы начинают бить тревогу, поскольку думают, что СССР решил начать войну.

Образ «плохого русского» был слегка смягчен лишь в период пребывания у власти в СССР лояльного к Америке Михаила Горбачева. Так,

на американском экране в фильме «Красный скорпион» (реж. Джозеф Зито, 1988) появился героический спецназовец Николай, который упорно борется против советского влияния в Африке. Вслед за ним Арнольд Шварценеггер, популярный американский актер, в фильме «Красная жара» (реж. Уолтер Хилл) исполняет роль благонаправленного советского милиционера, который противостоит преступникам. Примечательно, что съемочной группе было разрешено отснять часть эпизодов в Москве, что на тот момент отражало беспрецедентные сдвиги в советско-американских отношениях.

Интересно проследить, как Голливуд в конце 1990-х гг. модернизировал «образ врага». Поскольку

после развала СССР идея «советской угрозы» перестала быть актуальной, то продюсерам фильмов политического жанра пришлось расширить географию поиска нового врага. К примеру, фильм «Служители закона» (реж. Стюарт Бейрд, 1998) подводит зрителя к мысли о том, что новым врагом американского общества становится китайская мафия, ворующая американские секреты по заданию китайского правительства.

Несмотря на некоторое смещение акцентов, в американском кино за русскими по-прежнему закреплены амплуа отрицательных героев, что свидетельствует о живучести антироссийских стереотипов у голливудских сценаристов либо о наличии тайного или явного политического заказа. На смену «агентам КГБ» пришли представители «русской мафии» и «русского олигархата». В современном американском кинематографе Россия – экзотическое пространство, в границах которого может произойти все, что угодно. Как правило, это небезопасное пространство, дикое и самобытное. Подобное отношение американского населения к России подтверждает исследование, проведенное Pew Research Centre [23]. Нелестные отзывы, продемонстрированные жителями США и Канады, являются не только следствием политических шагов американского и канадского истеблишментов, но и отражают эффективность кинемато-

графа как орудия пропаганды. Отметим также, что Соединенные Штаты используют кинематограф для продвижения своих экономических интересов. В фильмах часто изображаются американские компании и технологии в лучшем свете, что расширяет их возможности и укрепляет позиции на мировом рынке.

Подводя итог анализу роли кинематографа в политике США, необходимо отметить, что кино является самым эффективным инструментом американской публичной дипломатии, которое позволяет продвигать национальные ценности, установки и идеологию не только в рамках собственной страны, но и экспортировать эти идеи за рубеж. С помощью кинематографа американские элиты успешно формируют представления общества о других странах и народах. Благодаря развитой киноиндустрии, заинтересованности государства в национальной кинематографической политике, имеющимся у киностудий финансовым ресурсам и выгоде от глобализации, американское кино оказывает колоссальное влияние на состояние общественного сознания в мире, представляя США в выгодном свете.

Современное состояние российской киноиндустрии и ее перспективы

В 1990-е гг., после распада СССР, кинематограф России столкнулся с проблемами финансирования и конкуренцией западных фильмов.

Отмена государственной монополии на кино, отсутствие цензуры и четкой политики в сфере кинематографа – все это привело к тому, что страну заполнили частные видеосалоны, в которых показывали разнообразные фильмы: от бессмертной классики до полной безвкусицы. Снимать кино мог любой, кто находил источник финансирования. В результате серьезных внутригосударственных преобразований в 1990-е гг. кинематограф перестал существовать как самостоятельная отрасль. Связь ее составных элементов (киностудия – прокат – кинотеатр) была нарушена, а финансовый кризис только усугубил положение. Из-за дефолта 1998 г. финансирование кинопроизводства резко сократилось. Таким образом, государственное воздействие на кино в этот период было минимальным, поскольку само государство переживало период глубокой фрустрации.

Ситуацию удалось исправить только к 2001 г., когда руководство государства, пытаясь возродить кинематограф из пепла, создало ОАО «Российский кинопрокат», целью которого являлось увеличение числа российских фильмов в отечественном кинопрокате. Именно в этот период усиливается контроль государства за творческой деятельностью ведущих

киностудий страны, таких как «Ленфильм», «Мосфильм», «Союзмультфильм», «Свердловская киностудия». Развитию двухстороннего диалога государства и кино также способствовал относительный экономический подъем в середине «нулевых», что привело к росту финансовых возможностей кинокомпаний. Постепенно государство начало оказывать кинематографу финансовую поддержку, и к концу десятилетия появились первые госзаказы. Общая тенденция в период 2000-х гг. была такой: министерству финансов удалось сбалансировать экономику киноиндустрии, однако обратной стороной успеха стало то, что фильмы лишились качественного смыслового и идейного наполнения. Новым приоритетным критерием оценки кинокартины и знаком ее «качества» стала не ее художественная ценность, а ее окупаемость. Киноиндустрия стала жертвой рыночных механизмов, что значительно понизило уровень российского кино.

На сегодняшний день в России задействованы все секторы киноиндустрии. Основными из них являются кинопроизводство, представленное различными киностудиями, кинопоказ и кинодистрибуция. Кинопроизводство осуществляется за счет использования мощностей государственных и частных кинокомпаний, а кинопоказ и кинодистрибуция от политики государства не зависят и действуют в рамках частного сектора экономики. В России, в отличие от США, кинематограф открыто финансируется государством. Объем государственных дотаций в области кинематографа увеличивается с каждым годом, что свидетельствует о признании значимости данной отрасли культуры. Так, в 2023 г. запланированная сумма на поддержку отечественной кинематографии составляет 11,01 млрд руб. (7,6 млрд руб. выделены Фонду кино) [12]. Функции контроля распределены между Министерством культуры, которое финансирует дебютное, детское и документальное кино, и Фондом кино, который субсидирует фильмы, предназначенные для массовой аудитории.

Каждый год Министерство культуры РФ публикует приоритетный список тем для фильмов, которые оно будет готово профинансировать. Так, в 2023 г. тематический список включал следующие категории:

1. «Неоколониальная политика стран англо-саксонского мира. Деградация Европы. Формирование многополярного мира»;
2. «Популяризация службы в Вооруженных силах России. Единение общества вокруг поддержки армии (фронтовые бригады, добровольцы, волонтеры). Усиление статуса профессии военного на примерах исторических событий и новой истории»;
3. «Историческое кино. Уроки истории, уроки памяти. Противодействие попыткам фальсификации истории. Миротворческая миссия России»;

4. «Формирование жизненных ценностей и ориентиров на этапе взросления. Дезориентация в общественном пространстве, перенасыщение информации, формирование собственного мышления»;
5. «Противодействие современным проявлениям идеологии нацизма и фашизма. Популяризация героизма и самоотверженности российских воинов в ходе специальной военной операции» [9].

Расширение тематики фильмов отражает новые вызовы, на которые приходится реагировать современной России. Однако есть основания сомневаться в эффективности этой меры, поскольку отечественное кино выпускается в столь небольшом объеме, что не в состоянии конкурировать с американской кинопродукцией, занимающей львиную долю рынка в РФ. Попытки законодательно ограничить вал второсортного американского кино не привели к успеху. Так, еще в 2018 г. Владимир Мединский поддержал предложение Карена Шахназарова, генерального директора киноконцерна «Мосфильм», о сокращении проката американских фильмов. Однако против подобной меры высказалась Федеральная антимонопольная служба РФ.

На сегодняшний день существует ряд системных проблем, которые тормозят развитие российского кино, а, значит, и ограничивают его использование в качестве инструмента «мягкой силы». Первая проблема заключается в чрезмерном коммерческом характере российского кино. Целеполагание кинематографистов зачастую не выходит за рамки освоения бюджета, а творческая составляющая принесена в жертву материальной выгоде. Сегодня в России фильм считается успешным, если он собрал кассу вне зависимости от его содержания и даже вне зависимости от зрительского успеха. Многие режиссеры не стремятся создавать качественные фильмы, которые могут стать бессмертной классикой, их главная цель – получить как можно больше средств.

Еще одним ярким недостатком российских картин является чрезвычайно большая доля скрытой рекламы, встроенной в сюжет многих отечественных картин. Например, в фильме «Елки. Последние» (реж. Тимур Бекмамбетов, 2018) только за первые 7 минут фильма можно встретить навязчивую рекламу четырех брендов, спонсировавших создание фильма, – «Эльдорадо», «Сбербанка», «РЖД» и существовавшего на тот момент в России «МакДональдса». Несмотря на это, подавляющее большинство фильмов, финансируемых Фондом кино, не окупаются в прокате. Зрители получают некачественный продукт – дорогостоящий в плане производства фильм, который к тому же обладает сомнительной художественной ценностью.

Вторая системная проблема российского кинопроизводства заключается в полном отсутствии детского и юношеского кино, осуществляющего важную воспитательную функцию. Этот вид киноискусства ярко отличал советский кинематограф и не имел аналогов за рубежом [8]. Впоследствии самостоятельное, обособленное от других жанров детское кино было заменено «фильмами для семейных просмотров», которые пришли в Россию из США. Это вряд ли можно назвать равноценной заменой, поскольку кино в этом случае выступает как досуговый элемент сближения семьи, но его воспитательная функция утратила свое первостепенное значение [6]. Кризисное состояние детского кино было отмечено российскими властями. Так, 3 апреля 2023 г. Президент РФ подписал указ о полном государственном финансировании детских и юношеских фильмов [1]. В документе определяется понятие «фильм для детей и юношества» и содержание подобных картин, которое должно способствовать духовному и нравственному развитию детей.

Третья, и, пожалуй, самая главная проблема, отражающаяся не лучшим образом на уровне российского кино, заключается в том, что государственные требования (в т. ч. идейного характера) к качеству выпускаемых фильмов явно недостаточны. Сегодня на российские киноэкраны выходят фильмы, отражающие духовную нищету общества, его маргинальные, нелицеприятные стороны. На экранах можно увидеть образы серых русских провинций, их угрюмых и вечно пьяных жителей, прочувствовать состояние безнадежности и отрешенности от мира, фрустрации и скорби. Фильмом, который стал прародителем такой «серой» волны, безусловно, является «Левиафан» (реж. Андрей Звягинцев, 2014), в котором трагически изображена борьба человека против укоренившейся системы, вседозволенности чиновников и общественной несправедливости, существующей в России. В подобных картинах образ государства представляется крайне непривлекательным и отталкивающим. И это при том, что фильм снят на средства, выделенные государством. За рубежом «Левиафан» был высоко оценен, а в США картина удостоилась премии «Золотой Глобус» в номинации «Лучший фильм на иностранном языке». Появление подобного рода картин на российских экранах позволяет предположить, что содержание подобной кинопродукции и те образы России, которые она транслирует вовне, явно вписываются в определенный политический заказ. Только вот идейным заказчиком здесь выступает отнюдь не российское государство.

Весьма сомнительным выглядит и государственная поддержка картин, предназначенных для узкого круга зрителей. Немалое количество

артахусных фильмов снято благодаря госфинансированию, однако подобные фильмы не только не воспринимаются массовой зрительской аудиторией ввиду сложности их стилистических приемов, но и, как правило, не способствуют формированию и распространению позитивного имиджа России.

Подводя итоги, следует все же отметить появление в отечественном прокате отдельных кинолент, которые вселяют некоторый оптимизм. В 2010-х гг. на экраны вышли фильмы о достижениях советских спортсменов, отражающие боевой дух, силу воли и стремление к победе. Первым примером подобного рода, встреченным зрителями с большим интересом, стала картина «Легенда №17» (реж. Николай Лебедев, 2013). До сих пор этот фильм остается одним из самых кассовых в истории российского кино. Блестящий успех «Легенды №17» и дотационная политика Министерства культуры привели к тому, что схожие по идейной направленности фильмы начали сниматься и о других знаменитых отечественных спортсменах.

Подчеркнем, однако, что обратной стороной этого успеха стало однообразие сюжетов, в которых от фильма к фильму менялся только вид спорта, а посыл оставался прежним. В числе таких спортивных драм «Движение вверх» (реж. Демьян Гильманов, 2017), «Лев Яшин. Вратарь моей мечты» (реж. Василий Чигинский, 2019), «Один вдох» (реж. Елена Хазанова, 2020), «Чемпион мира» (реж. Алексей Сидоров, 2021). Существенным недостатком упомянутых картин является и то, что эти фильмы подражают голливудским шаблонам съемки и порой искажают исторические реалии.

Таким образом, российское кино сохраняет перспективы постепенного восстановления прежних позиций на отечественном кинорынке, однако этот процесс обещает быть довольно длительным. Никак не обойтись без последовательной и долгосрочной политики государства по поддержке отечественного кино, причем контроль над качеством выпускаемой кинопродукции должен быть значительно усилен, включая контроль над смысловым содержанием и ценностными установками картин, претендующих на господдержку. Для российского кинематографа настало время глубоких реформ не только содержательного, но и институционального характера. Только при соблюдении этих условий российский кинематограф может сыграть важную роль в качестве одного из узловых элементов публичной дипломатии. У великой страны должно быть великое кино.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 03.04.2023 г. №105 ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70847> (дата обращения: 23.10.2023)
2. Артамонова У.З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-kinematograf-kak-instrument-publichnoy-diplomatii-ssha> (дата обращения: 29.04.2023).
3. Бакумов А.С., Евсеев А.П. Кинематограф США первого десятилетия XXI столетия: идейно-политические аспекты // Вестник национального юридического университета им.Ярослава Мудрого. Серия: Философия, философия права, политология, социология. 2013. №3 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematograf-ssha-pervogo-desyatiletiya-xxi-stoletiya-ideyno-politicheskie-aspekty> (дата обращения: 28.04.2023).
4. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2017. №1. С. 131–147.
5. Габриелян А.А. История возникновения и развития концепции «мягкой» силы: применимость на евразийском пространстве. // Центр стратегических оценок и прогнозов, 2015. URL: <https://www.csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-konczepczii-myagkoj-sily-primenimost-na-evrazijskom-prostranstve-6436> (дата обращения: 23.10.2023).
6. Детское и юношеское кино: проблемы и перспективы развития: альманах / гл.ред. Т.В.Мирошник. М.: Твор. объединение «Слово и образ», 2016. С.49.
7. Иванова В.В. Совершенствование системы государственной поддержки РФ на примере опыта США // Интернет-журнал «Экономические исследования». 2012. №3 (12). URL: <http://www.erce.ru/internet-magazine/magazine/31/486/> (дата обращения: 29.04.2023).
8. Князюк О.В., Сенникова В.В. Конструирование идентичности в детском кинематографе: опыт кино СССР и практика современной России // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Культурология и искусствоведение. 2022. №46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-identichnosti-v-detskom-kinematografe-opyt-kino-sssr-i-praktika-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 26.04.2023).
9. Минкультуры России определило приоритетные темы господдержки кинопроизводства в 2023 году // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: https://culture.gov.ru/press/news/minkultury_rossii_opredelilo_prioritetnyye_temy_gospodderzhki_kinoproizvodstva_v_2023_godu/ (дата обращения: 23.10.2023).
10. Пешкова Виктория. По-пластунски пропахали // Историк. 2023. 23 июля. URL: <https://историк.рф/news/1610> (дата обращения: 23.10.2023).

11. Семенов Максим. О чем снимают кино в Северной Корее // Афиша Daily: информ. – справочный портал. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/cinema/o-chem-sni-mayut-kino-v-severnoy-koree/> (дата обращения: 23.10.2023).
12. Сколько государство вложит в российское кинопроизводство в 2023 году // Кинопоиск: информационно-справочный портал. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4007715/> (дата обращения: 23.10.2023).
13. Халилов В.М. Семейные ценности в кинематографе США // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. Вып. №12. С.95–108. URL: <https://usacanada.jes.su/s268667300007692-1-1/> (дата обращения: 03.05.2023).
14. Халилов В.М. Современное американское кино и неолиберальная идеология // США & Канада: экономика, политика, культура 2019. Вып. №2. С.125. URL: <https://usa-canada.jes.su/S032120680003769-9-1> (дата обращения: 20.04.2023).
15. Шевченко М.А. Концепция культурной гегемонии А.Грамши в рамках теории массовой коммуникации // Скиф. 2019. №5 С.159–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kulturnoy-gegemonii-a-gramshi-v-ramkah-teorii-massovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 06.04.2023).
16. Юдин К.А. Кинематограф в контексте советско-американских отношений накануне и в период «холодной войны» (вторая половина 1920 – начало 1950-х гг.) // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematograf-v-kontekste-sovetsko-amerikanskih-otnosheniy-nakanune-i-v-period-holodnoy-voyny-vtoraya-polovina-1920-nachalo-1950-h> (дата обращения: 31.03.2023).
17. Crane D., Kawasaki K., Kawashima N., ed. *Global Culture: Media, Arts, Policy, and Globalization*. New York, Routledge, 2002. P.34.
18. Heller Dana. *The Selling of 9/11: How a National Tragedy Became a Commodity*. Basingstroke: McMillan, 2015. P.113.
19. Jenkins C. *Home Movies, The American Family in Contemporary Hollywood Cinema*. London & New York: I.B. Tauris, 2015. P.209.
20. Marshall McLuhan. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York and London. The MIT Press, 1994. P.27.
21. Nye Joseph S. *Bound to lead: the changing nature of American power*. New York. Basic Books, 1990. P.52.
22. Nye Joseph S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York. Public Affairs, 2004. P.12.
23. *Publics Worldwide Unfavorable Toward Putin, Russia* // Pew Research Center: информационно-справочный портал. URL:// <https://www.pewresearch.org/global/2017/08/16/publics-worldwide-unfavorable-toward-putin-russia/1> (дата обращения: 05.03.2023).

Поиск истины важнее,
чем обладание истиной.

Альберт Эйнштейн

Леса никогда не бывают
безмолвны для тех, кто
понимает их язык.

Джеймс Фенимор Купер

Земля – единственный источник богатства, и лишь сельское хозяйство его приумножает.

Франсуа Кенэ

В лесных делах не может быть равнодушия. Народу нашему вечно жить на этой земле.

Леонид Леонов

Сергей Козлов

**«НАКАПЛИВАЯ...
НАШЕ КУЛЬТУРНОЕ
БОГАТСТВО»:**

**АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ
МЕРТВАГО (1856–1918?)**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
94(47).083

Рассматриваются хозяйственно-просветительская деятельность и социокультурные взгляды выдающегося аграрника-новатора конца XIX – начала XX в. А.П.Мертваго. Особое внимание уделяется рационализаторским начинаниям А.П.Мертваго (тесно связанным с деятельностью его наставника А.Н.Энгельгардта), а также его самобытным социокультурным воззрениям, относящимся к истории и культуре России.

The economic and educational activities and socio-cultural views of the outstanding agrarian innovator of the late XIX – early XX century A.P.Mertvago are considered. Special attention is paid to the rationalization initiatives of A.P.Mertvago (closely related to the activities of his mentor A.N.Engelhardt), as well as his distinctive socio-cultural views related to the history and culture of Russia.

Ключевые слова: пореформенная Россия; аграрная рационализация; просвещение; традиционная русская ментальность; А.П.Мертваго.

Key words: post-reform Russia; agrarian rationalization; enlightenment; traditional Russian mentality; A.P.Mertvago.

E-mail: sa-kozlov@yandex.ru

Имя помещика-рационализатора, экономиста, публициста, издателя и общественного деятеля А.П.Мертваго довольно редко встречается в современных научных трудах, причем даже в тех исследованиях, которые посвящены аграрной истории дореволюционной России. В последние годы, однако, интерес к его идейному и практическому (хозяйственно-рационализаторскому) наследию возрос [47; 2; 50; др.], что, возможно, отчасти связано с переизданием в 2015 г. некоторых его трудов [23]. Между тем в конце XIX – начале XX в. и личность, и деятельность этого незаурядного аграрника были хорошо известны как в среде «сельских хозяев» (в основном, помещиков-новаторов), так и в русском обществе в целом, что во многом объясняется как его творческими связями с выдающимся ученым и рационализатором XIX столетия, смоленским помещиком и просветителем А.Н.Энгельгардтом [см. о нем: 60; 55; 9; 16; 48], так и содержательными печатными трудами [28; 32; 24; и др.], быстро ставшими популярными.

Александр Петрович Мертваго родился 8 августа 1856 г. в Казани в старинной дворянской семье, которой принадлежало небольшое поместье в Казанской губ. Род Мертваго (здесь и далее – согласно родословному преданию) происходил от царевича Благодена (Бильгитдина) из Золотой Орды, который выехал во второй половине XIV в. на службу в Рязань к великому князю рязанскому Олегу Ивановичу. Его потомки сохранили титул царевичей, а при Иване IV сироты одного из них были названы детьми Мертваго, после чего и они, и их потомки и стали носить фамилию Мертваго. Один из предков А.П.Мертваго, Бумак Дмитриевич, был головой в Большом полку в 1576 г.; другой, Степан Павлович Мертваго – головой у пеших стрельцов в Астрахани в 1621 г.; еще один Мертваго, Прокофий Семенович был известен как воевода в Юрьеве-Польском

Герб дворянского рода Мертваго.

в 1669 г. [46, с.517]. Анисим Леонтьевич Мертваго был ранен в походе против С.Т.Разина в 1671 г. С конца XVII в. Мертваго стали известны как думные дворяне; в источниках упоминаются в качестве стольников [5, с.260]. Этот род был внесен в VI часть родословной книги Казанской [4, с.53], Московской [35, с.275], Нижегородской и Самарской губерний [см. также: 3].

Мать А.П.Мертваго – Мария Николаевна Мертваго (урожденная Дебрейс)

О детских и юношеских годах А.П.Мертваго сведений сохранилось немного. Его матерью была богатая дворянка из Казани Мария Николаевна Мертваго, урожденная Дебрейс (1823–1860), с этим семейством был хорошо знаком молодой Л.Н.Толстой; отцом – дворянин Петр Дмитриевич Мертваго (1813–1879), в 1840-х гг. служивший адъютантом при казанском военном губернаторе. После смерти Марии Николаевны ее сестра, Екатерина Николаевна Дебрейс взяла на себя заботу о воспитании шестерых малолетних детей, лишившихся матери: Александра, Бориса, Софии, Дмитрия, Николая и Марии.

Александр Мертваго вначале учился в пансионате и приготовительном классе при Императорском училище правоведения в Санкт-Петербурге (одном из наиболее престижных высших учебных заведений до-революционной России), а затем во 2-й Казанской гимназии (не окончив, однако, гимназического курса). Уже с юных лет Мертваго проявил интерес к сельскому хозяйству [28, с. 5]. Вначале он несколько лет «хозяйничал» в казанском имении отца, помогая ему в непростых вопросах, касающихся управления помещьем. Отбыв обязательную воинскую службу рядовым Лейб-гвардии Семеновского полка, Мертваго не остался в гвардии, а вернулся в родительское имение. В 22-летнем возрасте он был уже страстным почитателем А. Н. Энгельгардта и с 1878 г. даже работал у него в течение трех лет в с. Батищево Дорогобужского у. Смоленской губ., внимательно изучая передовое хозяйство в качестве «простого работника» и получая «за полное жалованье июль, август – 6 рублей, сентябрь – 5, остальные месяцы – по 3 рубля» [28, с. 17; см. также: 23, с. 113–134]. Такой жизненный выбор был необычен для довольно обеспеченного дворянина: так, в 1879 г. Мертваго получает 1554 десятины земли при с. Корноухове и в пустоши Табай Казанской губ., а также мукомольную мельницу и винокуренный завод. С 1880 г. он являлся также надворным советником (высокий гражданский чин 7-го класса в «Табели о рангах», соответствовавший воинскому чину подполковника в армии). Между тем интеллектуальные и духовные запросы Мертваго были довольно широки: так, зимой 1880 г. он не только являлся вольнослушателем Петербургского университета, но и был близок к некоторым революционным кружкам, даже попав под негласный надзор полиции [47, с. 1331], под которым находился вплоть до 1886 г.

В 1881 г. Мертваго выезжает за границу. Он с интересом изучает аграрную практику Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии; трудится простым поденщиком в зарубежных хозяйствах и на фермах [см. также: 24; 23, с. 163–215]. Мертваго, также в качестве работника, изучал огородничество на огородах в окрестностях Парижа, зимние же месяцы посвящал слушанию курса естественных наук в Сорбонне.

Вернувшись в Россию в начале 1882 г., Мертваго приступает к аграрной и просветительской работе в Смоленской губернии, неустанно пропагандируя передовой опыт.

Для того, чтобы лучше представить дальнейшую хозяйственную деятельность Мертваго, остановимся на той крайне противоречивой экономической и социокультурной обстановке, которая сложилась в России к моменту начала его практической аграрной деятельности.

Великая реформа 1861 г., хотя и предоставила крестьянам *личную свободу* (потенциально возможную предпосылку для «раскрытия» индивидуальной предприимчивости), вместе с тем *не решила* коренных аграрных и социальных проблем страны. В современной научной литературе отмечается, что «рынки земли и труда функционировали в условиях отсутствия необходимой инфраструктуры (для первого была нужна надежная система межевания и кадастра, для второго – свобода передвижений, эффективная полиция и доступные суды)» [54, с. 125].

Как подчеркивал в конце XIX в. сам Мертваго, «крепостное право отозвалось сильно на характере крестьянина, оно обезличило его, лишило инициативы, ослабило силу воли, но все эти результаты видны нам, наблюдающим деревню со стороны, а не самим крестьянам» [32, с. 172; см. также: 20].

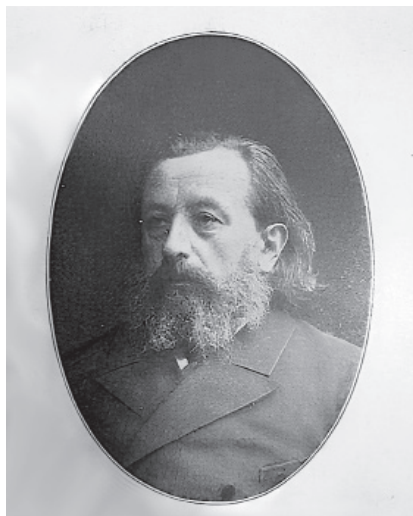
Наиболее наглядной и эффективной как для крестьян, так и для помещиков оказалась хозяйственно-просветительская работа, проводимая на местах: в отдельных имениях помещиков-рационализаторов. Самый заметный общественный резонанс получила именно деятельность А.Н.Энгельгардта в с. Батищево Смоленской губ. (в настоящее время – деревня в Сафоновском районе Смоленской обл., в 2008 г. насчитывавшая всего 21 жителя); не случайно Мертваго отправился «простым работником» именно к нему [см. также: 56; 48; 50; 15].

Почему же именно Смоленщина стала главным «объектом притяжения» для этих выдающихся аграрников-новаторов пореформенной России? Да, сыграли свою роль традиции (прежде всего, семейные и хозяйственные [см. также: 48]: как вспоминал Мертваго, «мои предки, за малыми исключениями, все жили самостоятельно, хозяйственною жизнью; все это не могло не отразиться на мне...» [28, с.9]. Значимым фактором стало и то обстоятельство, что в Смоленской губ. еще в дореформенную эпоху сформировались устойчивые традиции аграрной рационализации; с 1858 г. действовало Смоленское общество сельского хозяйства. Многие проявления Архаики по-прежнему торжествовали развитие местных сельскохозяйственных отраслей, однако внедрение новаций постепенно набирало ход [см.: 42; 43, с. 33–94 и др.]. При этом, как отмечает исследователь Б.М.Романов, «новационная деятельность смоленских помещиков не была слепым копированием западноевропейского опыта, а проводилась с учетом местных особенностей, материальных возможностей владельцев, их готовности пойти на определенный риск ради повышения эффективности своих хозяйств в будущем» [43, с. 93].

Наставник

Остановимся кратко на деятельности А.Н.Энгельгардта – главного наставника Мертваго. Некоторые аспекты этой темы уже нашли отражение в отечественной историографии [9; 48; 49; 15; и др.]. Пристально изучались и знаменитые письма Энгельгардта «Из деревни» [6; и др.]. В то же время социально-хозяйственная значимость рационализаторской и просветительской деятельности талантливого ученого и «сельского хозяина»-практика, все еще не нашла комплексного отражения в научной литературе. Между тем из-под пера Энгельгардта вышел целый ряд других содержательных работ (прежде всего, книга «Фосфориты и сидерация» 1891 г.), в которых поднимались злободневные для второй половины XIX в. социальные и хозяйственные вопросы землевладения и землепользования.

Практическая работа Энгельгардта в области рационализации сельского хозяйства, проводимая им в Батищево с 1870 г., включала в себя как традиционные методы восстановления доходности хозяйства, так и ряд новаций. Особенно важными были меры, связанные с изменением устаревшей системы землепользования: увеличение клина пахотных земель, введение травосеяния, рационализация трудовых операций, переход к многополью.

А.Н.Энгельгардт. Фотография. Время неизвестно

Деятельность А. Н. Энгельгардта как сельского хозяина-новатора опиралась на глубокий научный фундамент (особенно в области естествознания), внимательное изучение традиционного культурно-хозяйственного быта Центрального Нечерноземья, подвижническую работу по преобразованию рутинного уклада деревенской и усадебной жизни [см. также: 59]. Последнее обстоятельство приобрело особую значимость в условиях пореформенной эпохи. Оставшиеся в деревне помещики, как правило, проявляли хозяйственную беспечность, расходуя выкупные платежи и не занимаясь вопросами улучшения хозяйства [см. также: 44; 23, с. 303–338; 61]. Как отмечал в 1873 г. сам Энгельгардт, «теперь в поместьях остались по преимуществу барыни, которые и ведут хозяйство» [60, с. 45]. При этом он признавался, что «говорить с помещиками о хозяйстве совершенно бесполезно, потому что они большею частью очень мало в этом деле смыслят» [60, с. 45]. Характерно, что даже те мелкопоместные землевладельцы Смоленской губ., которые пробовали заниматься агрономией, все равно неминуемо разорялись: оторванные от реальной хозяйственной практики «книжные» знания приносили мало пользы [60, с. 66–67; 44, стлб. 1574]. Огромный ущерб помещицкому хозяйству приносили потравы полей со стороны местных крестьян, что являлось следствием не только скудных экономических ресурсов русской нечерноземной деревни, но и недостатка инициативного, *хозяйственно-го* начала у того или иного землевладельца. 1871–1875 гг. можно условно выделить в качестве первого этапа рационализаторской деятельности А. Н. Энгельгардта. Основным содержанием его стало осуществление конкретных хозяйственных начинаний в границах батищевского имения. Необходимо отметить, что эта работа проходила в непростых условиях. Результаты экстенсивного хозяйствования были налицо: площадь запашек уменьшилась более чем наполовину, ухудшилась обработка земли, «скотоводство же пришло в совершенный упадок» [60, с. 101]. «Проезжая по уезду и видя всюду запустение и разрушение», Энгельгардт с горечью сравнивал эту неприглядную картину с войной и «нашествием неприятеля» [60, с. 101].

Придя к выводу о необходимости в корне изменить систему своего хозяйства, помещик прежде всего внимательно изучил местные условия, уделив особое внимание вопросам рыночной конъюнктуры.

Несмотря на трудности, Энгельгардт, являвшийся хозяином крайне запущенной усадьбы (включавшей в себя около 560 га земли, из них лишь 80 га пахотной), за короткий срок организовал вполне рентабельное хозяйство. Значительная часть работ стала производиться батраками

и поденщиками. Начинается возделывание льна на пустошах и облогах, а с 1873 г. вводится 15-польный севооборот с посевом клевера и льна. Используется и передовая сельскохозяйственная техника. Все эти меры позволили быстро перестроить архаичное трехпольное хозяйство. Рационализаторский опыт Энгельгардта нашел подробное освещение в отечественной экономической печати.

Не менее важен был и другой элемент аграрной рационализации Энгельгардта, а именно: реальная возможность эффективной перестройки хозяйства при доступных средствах с помощью упорного интенсивного труда, что становилось мощным стимулом для других мелко- и среднепоместных землевладельцев средней полосы. Именно эти идеи и нашли в дальнейшем яркое отражение в рационализаторской деятельности А.П.Мертваго [см. также: 50].

Батищево. Красный двор и домик, где умер А.Н.Энгельгардт. Фото 1890-х гг.

С 1876 г. наступает второй, завершающий этап практической деятельности исследователя-рационализатора. Продолжается успешная работа в области рационализации землепользования. Особенно значимыми были мероприятия по применению минеральных удобрений, и, прежде всего, фосфоритной муки.

Однако для самого Энгельгардта на передний план выступает уже «общественная» составляющая собственной рационализаторской дея-

тельности: работа, направленная на реализацию и пропаганду социально-хозяйственного и социокультурного (в нашем современном понимании) эксперимента: *превращения села и сельской округи Батищева в «культурно-хозяйственное гнездо», пример для подражания помещиков-землевладельцев и крестьян Центральной России*. Так, ряд аграрных новаций А.Н.Энгельгардта (минеральные удобрения и др.) с успехом использовались его дядей, Александром Платоновичем Энгельгардтом в смоленском имении Мачулы Ельнинского у.

Рационализаторские опыты самого Энгельгардта в Смоленской губ. и их освещение в печати самим автором позволили многим русским землевладельцам Центрального Нечерноземья, а вслед за ними нередко и крестьянам, перестроить хозяйство на рациональные рельсы.

В дальнейшем эту хозяйственную работу успешно продолжил А.П.Мертваго, перенявший от своего учителя и наставника своеобразную культурутрегерскую «эстафету». Позже он так вспоминал о своих намерениях, когда он лишь начинал свою многолетнюю хозяйственную деятельность: «Я хотел жизни самостоятельной не только в материальном отношении, но и в нравственном; я желал независимости и видел независимость только в деревне; в мечтах у меня рисовалась картина не помещичьей жизни... а жизни американского фермера, работающего вместе с работником...» [28, с.9; см. также: 23, с.99–112].

Как отмечали современники, именно благодаря опытам А.Н.Энгельгардта, а затем и А.П.Мертваго по применению удобрений и разработке пустошей наметился положительный сдвиг в переходе от экстенсивного хозяйствования, приводящего к неоправданному оскудению природных ресурсов, к хозяйству интенсивному: «Теперь, когда снова приходится приниматься за разделку пустошных земель, нам, воспитанным на уверенности, что "навоз и у Бога крадет", – писал Мертваго, – приходится думать над применением этой поговорки и к безнавозному хозяйству, чтобы не растратить накопившегося в земле богатства непроизводительно и не обратить наши пустоши надолго в пустыню, как то делали наши предки. Эта задача может считаться почти разрешенною, т.к., благодаря опытам удобрения фосфоритом, мы можем создавать на пустошах... прочное зерновое хозяйство...» [33, с.247].

Со второй половины 1870-х гг. Энгельгардт успешно разрабатывает и другие конкретные механизмы решения насущных аграрных проблем центрально-нечерноземной России, а именно: просветительские начинания (тесно связанные с идеями народников), переход крестьян к артельному хозяйству, и другие [подробнее см.: 9; и др.]. Особый на-

учный интерес вызывает опыт организации в Батищеве в 1877–1883 гг. так называемой «школы хозяйствования», в которой обучалось около 80 российских интеллигентов [см.: 49]. Этот уникальный социально-хозяйственный эксперимент вызвал большой интерес у современников; его подробно описал и А.П.Мертваго [28, с.35–78 и др.; 23, с.244–256 и др.].

Были организованы и другие сельскохозяйственные колонии интеллигентов [см. также: 7, с.40, 118, 133, 168–171 и др.; 1, с.140–193 и др.]. Однако в целом попытки организации интеллигентских общин в деревне потерпели неудачу, прежде всего, ввиду недостатка средств, а также социокультурных особенностей самой российской интеллигенции, подавляющее большинство представителей которой оказалось не готово к полноценному «диалогу» с русской деревней: «Общей почвы с народом не находилось» [64, с.568; подробнее см.: 63], – вспоминал позже Н.А.Энгельгардт. Что же касается Батищева, то здесь сыграл свою роль и такой фактор, как разногласия среди самих приехавших трудиться «в народ» интеллигентов-горожан, причем «раздор начинали женщины» [64, с.568].

Как подчеркивает А.В.Тихонова, «социальный эксперимент, предпринятый А.Н.Энгельгардтом, оказался утопическим с характерными функциями: проектирующей (образ будущего), критической (недовольством существующим положением дел и уходом от реального общества), компенсаторной (мечтами, надеждами, наполняющими новым смыслом настоящее)...» [49, с.39].

Усадебный дом бывшей усадьбы Энгельгардтов в Мачулах. Современный вид (2015 г.)

Практические опыты Энгельгардта в области рационализации традиционного для региона землепользования, несмотря на неудачу его «общественных экспериментов», имели важнейшее социально-хозяйственное и социокультурное значение. Была создана и проверена на практике система нового рационального хозяйства, приспособленная к условиям средней полосы России; достоянием широких кругов общества стал глубокий анализ народного крестьянского менталитета, а также насущных нужд и потребностей крестьянского и помещичьего хозяйства [см. также: 55; 59; 15].

Во многом благодаря неутомимой подвижнической деятельности Энгельгардта, превратившего Батищево в «центр инноваций» (Ю.Н.Шорин), к концу 80-х – началу 90-х гг. XIX в. произошел перелом в отношении всего российского общества к нуждам сельского хозяйства страны. «В последнее время наша пресса дружно заговорила о сельскохозяйственных нуждах своей родины, – отмечали современники. – Находящийся в пренебрежении, всеми забытый, этот колоссальной важности вопрос, выдвигаясь все более и более вперед, благодаря своему захватывающему живому интересу, занимает довольно видное место среди нашей печати» [17, с.583]. Именно этот результат деятельности выдающегося российского ученого и рационализатора был наиболее значим.

Аграрные начинания Мертваго Приехав в 1882 г. после длительного пребывания во Франции (где он изучал «огородное дело») домой, в Россию – в Рузский у. Подмоскovie, Мертваго был ошеломлен состоянием местного хозяйства. «Масса брошенных нив; отсутствие скота, выпаханые земли – вот что я нашел здесь» [32, с. 162], – писал он спустя десятилетие, отмечая резкий контраст неприглядной российской «глубинки» с состоянием сельского хозяйства Франции, Бельгии и Германии. Но более всего его поразила «необходимость бегства» русского крестьянина «от своей земли в город на заработки», поскольку население «не может прокормиться, т.к. в его наделе нет выгона, нет покоса, нет леса и вдобавок оно прикреплено к этому наделу как к позорному столбу...» [32, с. 162].

В этих условиях меняются хозяйственные и мировоззренческие ориентиры самого землевладельца: «Для меня, – отмечал Мертваго, – главной целью было уже не создание самостоятельной жизни, а создание такой жизни, при которой меня бы не мучила совесть» [32, с. 163].

Мертваго ярко описывает в своих воспоминаниях наивные попытки молодого интеллигента изучать русское сельское хозяйство [32, с. 12–16 и др.]. «Я наивно думал, – писал он, – что всему можно научиться по книжкам, что хозяйство не требует солидного образования; верил, что есть какая-то "агрономия", которую можно купить за несколько рублей, прочесть и начать вести по ней хозяйство» [32, с. 13]. Целых 15 лет (в том числе опыт обучения в батищевском имении Энгельгардта) понадобилось ему для того, чтобы уяснить на практике необходимость **соединения** «книжного знания» с опытом реальной деревенско-усадебной хозяйственной жизни [28, с. 10–13]. Уже будучи опытным сельским хозяином, Мертваго признавался, что «приехал в деревню, не умея никогда работать, не живши с крестьянами и зная их только по литературе» [28, с. 11].

Тем не менее рационализатору все же удалось добиться неплохих результатов в области аграрной рационализации: недостаток знаний и практических навыков с трудом, но был компенсирован желанием найти общие «точки соприкосновения» с местным крестьянством.

Однако подобных примеров было сравнительно немного. Основной контингент сельских хозяев региона составляли, по признанию специалистов, «люди, не годные для чиновничества, брак в бюрократическом строе» [28, с. 7].

В результате сложилась парадоксальная ситуация: характерной чертой типичного частного землевладельца конца XIX в. являлось, прежде всего, «отсутствие интересов в хозяйстве». «Хозяйством никто не интересуется, – с горечью отмечал Мертваго, – и если начинаются разговоры о хозяйстве, то они вертятся на ценах хлебов и рабочих и на жалобах на невозможность хозяйничать. Чужое хозяйство никого не интересует... Таков преобладающий тип русского хозяина, хозяйничающего не от того, что хозяйство его интересует, а только потому, что пить-есть надо, а теплых мест не хватает» [28, с. 7]. «Настоящие хозяева» – рационализаторы-преобразователи (такие, как А. Н. Энгельгардт, С. Ф. Шарапов и Д. А. Путята) являлись лишь «светлыми точками на мрачном фоне русского хозяйства», как с горечью и болью писал А. П. Мертваго, «они случайны и потому с их смертью пропадут и их хозяйства» [28, с. 7].

Именно **отсутствие преемственности** в рационализаторской работе являлось одним из главных препятствий на пути позитивного процесса аграрной рационализации пореформенной России. В результате нередко терялся драгоценный опыт, накопленный в течение десятилетий тем или иным местным рационализатором.

«Вооружить» сельских хозяев центральных губерний эффективными методами рационализаторской работы могла лишь передовая аграрная наука. Ученые России приложили много усилий для решения этой нелегкой задачи. Прежде всего отметим деятельность таких выдающихся специалистов-аграрников, как А.И.Стебут [см.: 12; 40, с.90–93], М.В.Неручев, П.А.Ильенков, К.Е.Линдеман, А.П.Людоговский, Н.И.Анненков, Ф.Бар. Благодаря их самоотверженным усилиям были сделаны серьезные успехи на пути соединения аграрной теории и практики. Выделим также заслуги Д.И.Менделеева, В.И.Вернадского (примечательно, что первый научный труд будущего выдающегося русского ученого, опубликованный в 1888 г., носил название «О фосфоритах Смоленской губернии»), А.М.Бутлерова и К.Д.Кавелина (президента ИВЭО в 1882–1884 гг.).

Но есть и сотни других примеров подобной культуртрегерской работы, о которой зачастую были мало осведомлены даже специалисты-аграрники. Главными побудительными причинами ее для землевладельцев, вводивших различные аграрные новации, стали, наряду с необходимостью повышения доходности имений за счет рационализации, стремления, связанные с **преображением** русской деревни и ее обитателей.

Вместе с тем усилия Мертваго, с весны 1883 г. начавшего вести «огородное хозяйство» рядом с энгельгардтовским имением в Батищеве, первоначально встретили весьма настороженное отношение со стороны местных крестьян. Лишь помощь рационализатора в лечении лихорадки, доставившая ему славу «дохтура», изменила эту отрицательную психологическую установку членов местной крестьянской общины [32, с.176–178].

Именно таким образом (убедившись на практике в пользу различных новаций) и произошло «хозяйственное просвещение» крестьян, принимаемое отдельными помещиками-рационализаторами [см. также: 34, с.610 и др.; 38, с.IV–VII и др.; 45]. Что же касается хозяйства Мертваго (в смоленском имении «Языково»), то оно спустя несколько лет получило общероссийскую известность в качестве «образцового имения», в котором успешно внедрялись различные аграрные новации. Такие имения существовали практически во всех губерниях пореформенной России. При этом Мертваго творчески использовал передовой аграрный опыт ведущих смоленских рационализаторов [56, с.149–150, 156 и др.].

В 1887–1893 гг. он писал о своих опытах в «Земледельческой Газете» и «Журнале Сельского Хозяйства и Лесоводства», а с 1894 по 1905 гг. редактировал популярный среди «сельских хозяев» (в основном, поме-

щиков-дворян) журнал «Хозяин», который, как вспоминал сын А.Н.Энгельгардта – Н.А.Энгельгардт, «возник в эпоху мертвого застоя реакции и после 1905 года захудал, к революции приспособиться не мог, подписка пала, а Мертваго продолжал бороться "против течения" и терпел убытки ради идеи...» [64, с.569–570]. В 1907–1911 гг. «Хозяин» выходил уже под названием «Нужды деревни»; позиционировался Мертваго в рекламе в качестве «независимого, прогрессивного, беспартийного, сельскохозяйственного журнала».

Под руководством Мертваго в 1895 г. вышло во многом уникальное хозяйственно-просветительское издание – «Дневник Выставки и Съезда», приуроченное к Всероссийской сельскохозяйственной выставке и Всероссийскому съезду сельских хозяев [39, с.3]; оба эти мероприятия были организованы и проведены в том же году ИМОСХ и стали важнейшими событиями в аграрной и общественной жизни страны.

Высокую оценку трудам и личности Мертваго дал Н.А.Энгельгардт. Вспоминая совместную аграрную работу, он отмечал: «Особенно полюбили мы все Александра Петровича Мертваго, человека выдающегося во всех отношениях» [64, с.569]. По его мнению, именно знакомство с хозяйственным и культурным бытом Франции (в основе, буржуазным) сильно повлияло на Мертваго, отразившись «в умеренности его демократических взглядов» и «индивидуализме» сельского хозяина-помещика [64, с.569]. Он же ярко описал и внешний облик Мертваго: «Полный брюнет, с ясно выраженным татарским типом, с толстым, "добрым" носом, большой юморист и охотник до каламбуров, упорный холостяк...» [64, с.569].

Особенно велики заслуги Мертваго как рационализатора-аграрника в хозяйственном освоении неиспользуемых земель (пустошей) в нечерноземной полосе [см.: 29; и др.]. Он, в частности, широко пропагандировал применение извести, фосфоритов и зеленого удобрения [30; 23, с.284–302; и др.]. При этом автор подчеркивал, что применение фосфоритных удобрений *крайне выгодно*, приводя в пример собственное хозяйство [30, с.26].

Мертваго также сделал интересную попытку собрать имеющиеся в литературе статистические данные о количестве земли во всей России и ее хозяйственном употреблении, однако эта работа так и не была завершена. Впоследствии эти материалы использовал в своих трудах В.И.Ленин.

Отметим также содержательную работу Мертваго 1891 г. «Сельскохозяйственные вопросы нечерноземной России», в которой он дал

подробный анализ состояния и перспектив развития льноводства в регионе [31]. При этом он поставил задачу оказания *неотложной оперативной государственной помощи* этой важной для страны аграрной отрасли, включая создание специальной льноводческой научно-хозяйственной станции [31, №3, с. 59]. И в конце XIX в. такая станция – Энгельгардтовская сельскохозяйственная опытная станция – была создана. В настоящее время Государственное научное учреждение Смоленская государственная сельскохозяйственная станция имени А. Н. Энгельгардта является одной из немногих подобных станций в России, которая занимается одновременно льном, картофелем, зерном и травами, продолжая успешно работать, невзирая на «пренебрежительное отношение к сельскохозяйственной науке в целом» (вывод 2016 г. А. М. Коновой, директора станции; цит. по: Гостилович А. Как выживает наука? // <http://smi67.ru/7481-kak-vyzhivaet-nauka/?ysclid=ljpt85nbut821182214>; дата обращения: 5.07.2023).

Что же касается передового *зарубежного* аграрного опыта, то Мертваго на протяжении многих лет проявлял к нему самое пристальное внимание, особенно выделяя принятое в лучших западноевропейских хозяйствах «широкое использование всей совокупности естественно-научных знаний», эффективное и прагматичное соединение теории с практикой [см., напр.: 24, с. 15], но, главное, – необходимость внедрения *интенсивных* (в отличие от преобладавших в России экстенсивных) форм и методов природопользования [24, с. 27 и др.].

Общие же его выводы были далеко не в пользу отечественного «хозяйничанья»; так, обобщая свои впечатления от посещения Франции, он подчеркивал: «Чисто внешняя разница между нами и Европой так велика, что в течение месяца получаешь только впечатления, благоприятные для Западной Европы, и только в ужас приходишь от нашей некультурности и невежественности, которые грозят нам культурным поражением Западом...» [24, с. 75–76].

С 1893 г., поселившись в Санкт-Петербурге, Мертваго уделяет главное внимание уже не прикладным аспектам хозяйственной работы, а публицистике, что, возможно, было связано с его глубоким разочарованием в возможности решения ключевых аграрных проблем Центрального Нечерноземья с помощью внедрения новаций [40, с. 1331; см. также: 23, с. 339–367]. При этом как он сам, так и сотрудники возглавляемого им журнала «Хозяин» являлись идейными оппонентами ИМОСХ – ведущего сельскохозяйственного общества дореволюционной России [62, с. 18; см. также: 13].

А.П.Мертваго. Фотография. 3 мая 1909 г.
ГБУК Ростовской области «Таганрогский государственный литературный
и историко-архитектурный музей-заповедник»

**«Уважение к труду... в России...
вообще еще мало развито»**

Остановимся на работах Мертваго, посвященных общественным проблемам России. В статье «В тумане нашей намечающейся культуры», написанной в 1910 г., он ярко и образно описал общественные надежды и разочарования начала XX столетия, связанные с событиями Первой российской революции 1905–1907 гг. Признавая, как и прежде, ведущую культуртрегерскую миссию интеллигенции в процессе *эволюционного* преобразования социума, он писал: «Никогда силы русской интеллигенции не были так велики, как в конце 1905 года, когда для всех очевидно было, что новые силы, новые люди идут на смену отжившего прошлого. 17 октября упала искра в горячий материал умершего старого строя. Эта искра быстро разрослась в пламя, охватившее всю Россию, и в течение года революционный пожар очистил все прошлое, оставив для

дальнейшей нашей культурной работы загадочную гарь, таящую в себе незримую силу грядущей культуры» [23, с. 42].

Добавим, что в период Первой российской революции 1905–1907 гг. Мертваго (по мнению В.Л. Телицына, будучи идейно близок к социал-демократам) активно сотрудничал в изданиях «Товарищ» и «Без заглавия» [47, с. 1331]. В 1906 г. он даже был привлечен к суду за напечатание в редактируемом им журнале «Нужды деревни» собственной статьи «Ближайшие задачи общественной деятельности в деревне».

Обращая особое внимание на необратимость произошедших в России в этот период перемен в социокультурной обстановке (прежде всего, в кардинальном изменении характера отношений между обществом и самодержавной властью), он отмечал: «В революционном пожаре сгорела не только старая дворянская бюрократия, но и нараставшая под ее гнетом всесословная интеллигенция... Трагична судьба нашей интеллигенции. "Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано"... 1825 и 1905 годы являются яркими показателями нашей неспособности исполнить взятую на себя историческую задачу, и несомненно, что современная всесословная интеллигенция, сменившая дворянскую, уступит, в свою очередь, место народной интеллигенции, которую создаст наконец сама жизнь, а не правительство. ...Для меня несомненно, что жизнь в ближайшем будущем порвет дальнейшую связь между интеллигентом и служилым классом, и мы увидим выростание из недр нашей деревни новой интеллигенции. Мы увидим невиданные до сих пор картины: агронома, проявляющего интеллигентное творчество в своем хозяйстве, интеллигентного технолога, устраивающего техническое производство в своей деревне, интеллигентного доктора, лечащего свое село, интеллигентного юриста, обслуживающего свою волость» [23, с. 56].

Вместе с тем автор был твердо уверен в том, что социализм в условиях России *не имеет реальных перспектив*: «Слабое развитие инициативы в нашей современной жизни дает основание многим мечтать о возможности создать в России социалистический строй. Но едва ли этот последний возможен в стране с годовой продуктивностью труда в 60 рублей на душу, в стране, не доросшей еще до буржуазного, то есть индивидуалистического, строя. Социалистический строй, в противоположность индивидуалистическому, – наиболее консервативный строй, в котором отношения людей урегулированы до средних норм и в котором отклонения от средней нормы вверх и вниз являются одинаково преступными. Такой строй возможен только при условии очень высокой культуры, то есть там, где консерватизму есть что сохранять;

у нас же культурный уровень так низок, что нашей задачей должно быть создание такого строя жизни, при котором самые слабые проявления силы отдельных индивидуальностей могли бы развиваться и накапливаться в потомстве, накапливая таким путем наше культурное богатство» [23, с.64].

Эти социокультурные выводы он подтверждал конкретными примерами, в частности, касающимися развития отечественного животноводства. Отметим, что приводимая им при этом аргументация вполне созвучна выводам современных наук, прежде всего, этнологии, социологии и культурологии. Для нас важнее *синтез социокультурного и конкретно-исторического начал*; именно он и позволил автору прийти к аргументированному выводу: «Когда в человечестве накопится избыток культурного материала, то и оно, быть может, начнет организовываться на почве социализма с целью ослабить несколько благополучие чрезмерно растущих сил у отдельных индивидуальностей... Социализм – не творческое начало, а консервативное. Он имеет задачей ослабить творчество индивидуальностей, всегда ведущее к угнетению слабых вследствие борьбы за существование. Угнетение является естественным последствием противоположения силы и слабости. Социализм имеет задачей задержать развитие сильных, чтобы дать усилиться слабым» [23, с.69].

Разумеется, как опытный сельский хозяин, Мертваго прекрасно понимал, что на этой почве социальных химер, демагогии и популизма (к которым и апеллировали в этот период все леворадикальные политические силы) рассчитывать на реальный аграрный прогресс в России невозможно.

Несмотря на то, что взгляды Мертваго имели четко выраженный *почвеннический* («консервативный», согласно терминологии многих современных историков) характер, он, в то же время, отнюдь не боялся критиковать православную социальную и хозяйственную доктрину. Автор, пытаясь понять причины успеха социалистических идей в «массовом сознании» населения России и других европейских стран в начале XX в., отмечал: «Христианство почти не пыталось реформировать внешнюю жизнь человечества, но боролось против многих проявлений его индивидуальностей, обещая человеку за его победу над собой в награду "царство небесное". Пока христианство критиковало окружавшую его жизнь, оно сохраняло чистоту своего учения и путем развития в людях этики умеряло, насколько было в силах, вред, наносимый более слабым элементам общества процессом развития человеческой культуры.

Когда же христианство окрепло и сделалось более активным, оно вошло в сделку с государством для того, чтобы иметь большую возможность оказывать влияние на жизнь человека, и с тех пор сделалось орудием угнетения творческих сил человечества и оставило нам мрачные страницы истории Средних веков. В борьбе против индивидуальностей, участвовавших в создании европейской культуры, христианство не оказалось победителем, и в последнее столетие выдвинулось новое вероучение, основанное на критике современного строя, – учение, которое обещает "царство земное" за победу социализма над индивидуализмом» [23, с. 65].

Интересны и его прогнозы на ближайшую и долгосрочную историческую перспективу: «Несомненно, что социализму суждено повторить историю христианства. Во многих странах уже делаются попытки проведения в жизнь так называемого государственного социализма. Социалистическая церковь уже начинает разделяться на отдельные вероучения. Большевики уже сознают себя католическими социалистами, а меньшевики утверждают, что они сами католические. Ревизионисты готовят реформацию... Но пока социалисты разных исповеданий будут бороться между собой из-за дележа власти над верующими, человечество будет по-прежнему продолжать вековую работу над совершенствованием своей зоологической породы – путем создания новых индивидуальностей, способных к творчеству» [23, с. 88].

В этих условиях, по его мнению, особое значение приобретает исторический опыт России (как нынешний, так и будущий): «Не составляя исключения среди человечества по отношению к развитию индивидуалистического строя жизни, мы в то же время среди европейского человечества оставались единственной нацией, у которой сохранился политический строй, ставивший себе задачей всячески препятствовать развитию новых индивидуальностей. Правительство, то есть представители властвующей политической и религиозной мысли, не может не быть консервативно, а потому оно неминуемо обречено на поражение в борьбе с нарождающимися новыми культурными силами, как только их число значительно возрастет. Такой момент поражения консерватизма и успеха творческих сил Россия пережила 17 октября 1905 года. Но успех был непродолжителен, так как он оказался несоответствующим количеству накопленных творчески сил. Попытки же призвать себе на помощь некультурные силы создали лишь почву для более успешной для реакции борьбы за свое существование. Но, каковы бы ни были дальнейшие фазы борьбы новой жизни со старой, не-

сомненно, что путь для более успешной, чем прежде, культурной работы, расчищен и Россия через пятьдесят лет выдвинет в жизнь столько сильных индивидуальностей, что свобода развития их станет наконец и у нас совершившимся фактом» [23, с.90].

По его мнению, будущее зависит от множества факторов, среди которых крайне важен фактор многонациональности: «Несомненно, что в истории человеческой культуры Россия не может не оказаться сколько-нибудь оригинальной величиной, так как она несет в себе такую сложную помесь различных национальностей, что не может не создать в конце концов свою оригинальную физиономию. Но эта оригинальность едва ли может выразиться в отрицании буржуазной идеи, толкнувшей индивидуализм в сторону уважения к труду. При настоящем уровне общественной этики иное направление сил индивидуальностей немислимо. Между тем несомненно, что русские люди редко проникаются идеалами европейской буржуазии. Стоит только русскому окунуться в европейскую жизнь, чтобы первоначальное восхищение ею сменилось ненавистью к буржуазии и стремлением уйти от нее хотя бы в непроглядную тьму родной жизни» [23, с.91].

По его мнению, российские духовные и хозяйственные традиции, все же принципиально отличаются от западноевропейских, и, тем более, от североамериканских. «Что же так претит русскому человеку в Европе? – задавал вопрос автор, – и отвечал: Буржуазное уважение к труду, обусловленное сбережением. Для европейского буржуа "сбережение" – почтение "труда", и потому он охотно отдает свое уважение самому постыдному труду – труду, унижающему человеческую личность, если этот труд сопутствуется сбережением. ...Очевидно, буржуазная идея претит нам не дисгармонией между трудом и богатством, а дисгармонией между "уважением" и тем, что само по себе недостойно уважения. Не богатство, не сбережение должны руководить уважением к труду, а этические основы этого последнего. Труд, уничтожающий чье-нибудь человеческое достоинство, не может быть уважаем и, следовательно, не должен участвовать в культурной работе нации, создающей свою работоспособность. Вот та поправка в современном индивидуалистическом строе, которую внесет, по-видимому, русская культура...» [23, с.93].

Добавим, что эти выводы, в целом, находят подтверждение и в других исследованиях и сочинениях отечественных ученых, а также деятелей православной и светской культуры XX – начала XXI вв. [11; 53, с. 118–179, 265–282; и др.].

В то же время они ярко показывают нам, каковы были общенациональные «хозяйственно-ментальные» и прочие перспективы России в первой половине XX столетия, если бы не произошла очередная «Русская Смута» 1917–1921 гг., в ходе которой резко изменилось также отношение личности, общества и государства к труду: «зов» частной собственности как мощный стимул к творческой трудовой деятельности был полностью отброшен, что имело крайне отрицательные последствия, четко и трагично проявившиеся к концу XX в. [см. также: 58; 41; 37]. «Отголоски» отмеченного фактора имеют место и в наши дни: так, в российской деловой культуре по-прежнему сохраняются такие приоритеты, как «ее ориентация на краткосрочную перспективу, ...вера в возможность скачкообразного развития как реакции на заказ государства и собственников бизнеса...», подчинение «недальновидным интересам собственников капитала» [36, с.21].

Мертваго высоко оценивал хозяйственное и социокультурное значение действовавших в начале XX в. в России экономических, сельскохозяйственных и просветительских обществ. Деятельности ИВЭО он даже посвятил специальную статью, в которой, характеризуя издательскую деятельность общества, отмечал, что сохранялось «известное единство в характере "Трудов" вследствие того, что Общество традиционно очень крепко держалось за мысль, что оно является ученым обществом. Это желание быть и считаться ученым обществом охраняло "Труды" от резких изменений, и за все время существования их мы постоянно видим проявление этого стремления к репутации ученого общества в целом ряде исследований различных явлений русской жизни» [25, с.3].

Обращает на себя внимание также содержательное исследование, написанное Мертваго совместно с известным аграрником и общественным деятелем, видным членом МОСХ С.Н.Прокоповичем – «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся» (М., 1907). Впрочем, эта работа требует специального научного анализа [см. также: 47, с.1331–1332].

Остановимся подробнее на малоизвестной работе А.П.Мертваго – статье «Петербург и Москва», написанной и опубликованной в 1908 г., переизданной в 2000 г. [27]. В ней, пожалуй, впервые в отечественной литературе было подробно проанализировано как с конкретно-исторических, так и с социокультурных позиций извечное историко-культурное противостояние «двух столиц», вызывавшее повышенный интерес на рубеже XIX–XX вв. [см., напр.: 52; 57].

Мертваго подчеркнул: «Не политика, а культура создала неумирающий в течение двух столетий антагонизм Москвы и Петербурга.

Москва выросла из "земли" и поэтому имела слишком консервативный характер, чтобы позволить защищать государственные задачи сообразно с планами такой сильной индивидуальности, какою был Петр Великий. Но не одному Петру был невыносим консерватизм Москвы. С увеличением населения России и с развитием ее государственной организации, нарождавшиеся индивидуальности пытались проявлять себя уже не уходом в казачество, как было в старину, не в занятиях разбоем, а в творческой деятельности. Культ физической силы ослабевал, а консерватизм Москвы нелегко уступал почву для проявления новых нарождающихся индивидуальных качеств. Двести лет тому назад Петербург для молодых культурных русских сил уже служил питомником, в котором наращивались силы для цивилизации страны» [27, с. 320].

Отвечая на традиционные упреки москвичей о том, что «Петербург – не русский город», автор размышлял: «Конечно, метод скрещивания русского с иностранцем значительно ускорил развитие Петербурга и придал ему вид, несколько напоминающий наименее культурные страны Западной Европы. Но тем не менее не одним только путем скрещивания создались ценные культурные качества Петербурга, а главным образом путем отбора, так как Петербург, подобно Москве, растет преимущественно за счет тех сил, которые отдает ему провинция. ...Оба этих города преимущественно пользуются трудом ярославцев, тверяков, рязанцев и туляков; между тем трудоспособность Петербурга значительно выше Москвы, что, несомненно, отзывается и на различии уровней заработной платы» [27, с. 321]. При этом наблюдалась важная закономерность: «На какую бы отрасль труда ни обратили мы внимание, мы в ней заметим в Петербурге не только несколько повышенное качество труда, но и некоторое повышение его продуктивности по сравнению с Москвой», что, по его мнению, прежде всего, обусловлено «повышенной культурностью петербуржца» по сравнению со «средним» москвичом [27, с. 321]. Вместе с тем он отмечал, что оба эти города «оттягивали» к себе «лучшие культурные силы» как из города, так и из деревни; но было и различие: «Этот отбор совершается как на местах в виде родового тяготения к Петербургу, так и в этом последнем, производящем сортировку пришлого элемента, причем наиболее трудоспособные лица находят себе дело, а остальные, долгое время перебиваясь со дня на день, в конце концов уходят в Москву» [27, с. 322].

Вызывают интерес и оценки, которые сделал Мертваго о *внешнем облике* москвичей и петербуржцев. Он писал: «Повышенная культура

петербургского населения выражается не только в повышенной трудоспособности, но и, так сказать, в "экстерьере" его, употребляя термин животноводства. Вглядитесь во внешний вид воскресной толпы или в физиономию хотя бы извозчиков, и вас поразит разница рабочего типа обеих столиц. Как ни мало еще выработаны черты лица русского человека вообще, но, сравнивая улицу Петербурга и Москвы, вы увидите, что в Петербурге лицо уже начинает вырабатываться. Конечно, культурность физиономии и телосложения петербуржца не может быть характерной по отношению ко всей России, так как не следует забывать, что это не есть результат уже создавшейся породы, а лишь отбора более культурных индивидуальностей. Если Петербург представляет убежище, своего рода "Запорожскую Сечь" для современных культурных сил России, то Москву нельзя не признать точным показателем их среднего уровня. Москва отражает в себе все культурные недостатки страны, всю ее грубость, невоспитанность, наивность... Какова Россия – такова и Москва» [27, с.322].

Признавая крайнюю субъективность этих оценок, отметим вместе с тем, что они во многом опирались на объективные свидетельства, касающиеся квалификации и работоспособности московских и петербургских представителей ряда рабочих профессий: так, сравнивая работу столяров и маляров при ремонте квартир, он отмечал, что продуктивность их труда в Москве «была в четыре раза ниже такой же работы в Петербурге» [27, с.323].

Общие же выводы автора весьма нелицеприятны для уроженцев Москвы: «Бесполезная затрата, или, вернее, растрата сил в Москве поражает не только иностранца, но даже петербуржца. Там, где требуется работа одного человека, в Москве, несомненно, в большинстве случаев будут стоять два. ...Уважение к труду у нас, в России, вообще еще мало развито, но в Москве этот недостаток русской культуры еще более бросается в глаза. Здесь дворник не работающий, кухарка, не убирающая посуду, называются "белыми", в отличие от дворников и кухарок, исполняющих более работы, носящие за это название "черных". Сообразно трудоспособности москвича незначительна и оплата его труда, а по оплате, – невысоки и потребности. В Петербурге, например, дворники не стали бы жить в таких помещениях, как в Москве, да и полиция не допустила бы даже возможности отведения таких помещений для служащих. В Москве масса населения непривередлива по отношению к комфорту, и, глядя на гуляющих даже по Тверскому бульвару, по степени чистоты лиц можно полагать, что еще неболь-

шой процент москвичей испытывает уже потребность менять наволочки на подушке» [27, с. 323].

По его мнению, «некультурность москвича по отношению к развитию вкуса отражается и на малом разнообразии огородных культур»: «В Москве потребитель еще не подозревает, что вкус разных сортов моркови, репы и других овощей очень различен. Москвич выбирает на рынке товар покрупнее, а потому и огородники принуждены культивировать чуть не кормовые сорта овощей, которым место не в огороде, а в поле» [27, с. 323].

Интересны и его выводы, касающиеся такого явления, как нищенство, которое он четко связывает с «низким уровнем трудоспособности в Москве»: «Свежего человека Москва поражает числом просящих милостыню или "на чаек". "На чай" – это жизненный девиз всей рабочей Москвы. Не думаю, чтобы этот девиз мог уживаться с чувством собственного достоинства» [27, с. 323].

Однако общие заключения Мертваго по этой социокультурной проблеме, все же, оказались вполне взвешенными: «Москва, получая от России менее культурный материал, ниже Петербурга по среднему культурному уровню, но, благодаря своей долголетней исторической жизни, она далеко оставляет за собою Петербург в отборе творческих сил намечающейся русской культуры. Петербург представляет собой только собрание людей, культурно выдвинувшихся из среднего уровня российского обывателя. Москва же сама выдвигает из своего нутра творческие силы. Москвич обладает смелостью, которой у петербуржца нет. ...Москва, являясь культурным центром России, не только отражала уровень русской культуры, но и сама создавала и выдвигала новые индивидуальности, участвовавшие в историческом творчестве. Творчество всегда ново, и потому оно нарушает старое и, по отношению к нему, является преступлением. Инициатива в творчестве, без которой нет нарастания индивидуальностей, нет культуры, редко совпадает с добродетелью» [27, с. 324].

Итак, по его мнению, разница в «культурном облике» москвичей и петербуржцев во многом была связана и с разной исторической и культурной судьбой двух великих российских городов, и с отличиями в «пассионарности» (в современной терминологии): «Москвич творил Москву, но в то же время сознание греха, борьба консерватизма с инициативой заставляли его строить и заполнять колоколами свои "сорок сороков" в наивной надежде замолить греховные проявления своей индивидуальности. И в святую ночь, когда раздается гармонический звон "сорока

сороков", этот звон говорит не только о тысячах преступлений жертвователей колоколов, но говорит и о культурной мощи, о культурной породе коренного москвича» [27, с. 324].

Памятный знак «Историческая и духовная связь Москвы и Санкт-Петербурга».
Санкт-Петербург. Московское шоссе. Авторы: Э.П.Соловьёва, А.Г.Раскин, О.С.Романов

Примечательно, что и в наши дни «региональная ментальность» москвичей и петербуржцев имеет существенные различия: так, в современной научной литературе отмечается: «Создается ощущение, что в связи с тем, что Москва имеет статус столицы, то и требования, предъявляемые к представителям школьной среды, завышенные. В связи с "завышенными требованиями" общее отношение школьников к любым окружающим их процессам – поверхностны или скрываются... В свою очередь, петербуржцы... стоят даже в некоторой степени в оппозиции к тому, что происходит в Москве, поэтому и подростки ведут себя иначе» [19, с. 93].

Перу А.П.Мертваго принадлежит и ряд других содержательных работ о проблемах российской культуры. Он долгие годы поддерживал дружеские отношения с Л.Н.Толстым, которому даже посвятил небольшую статью [26]; после смерти великого писателя помогал разбирать его архив.

Выделим следующий важный вывод автора. Он отмечал: «Труд у нас в настоящем, ни тем более в прошедшем, не пользуется уважением... мы теряем громадные массы кристаллизованного труда вследствие отсутствия общественной идеи в том деле, которое делаем... ..всякий хочет возможно менее сделать и возможно более получить» [28, с. 3, 4]. В решении этой проблемы он видел главный общенациональный резерв в контексте масштабной российской аграрно-промышленной модернизации начала XX в. Именно личный многолетний опыт хозяина-практика помог Мертваго и добиться весомых аграрных результатов, и понять главное: для эффективного синтеза аграрных традиций и новаций необходимо, прежде всего, найти оптимальное соотношение Теории и Практики: «Теперь, хозяйничая, я понял, что, прежде чем браться за хозяйство, надо уметь понимать его, а когда достигнешь этого понимания, и книги в пользу будут, так как без справок обойтись нельзя...» [28, с. 12].

Выделим еще одну интереснейшую работу Мертваго – позже названную А.А.Блоком «пророческой» его статью «Близость большой войны», опубликованную 25 октября 1911 г. в московской газете «Утро России» и переизданную в 2005 г. [22]. В ней говорилось о неизбежности масштабной будущей войны Германии с Великобританией, Францией и славянскими странами. При этом он рассматривал «войны и революции» в качестве мощных «напряжений народной энергии» и «могущественных культурных факторов» [22, с. 186]. Доказывая неизбежность войны России с Германией, Мертваго выделял в истории России сорокалетний и столетний периодические циклы, относящиеся как к войнам, так и к массовым народным движениям. На наш взгляд, его оригинальный подход (касающийся передачи «деятельной энергии» от поколения к поколению россиян [22, с. 188–189]) отчасти предвосхитил «теорию пассионарности» Л.Н.Гумилева.

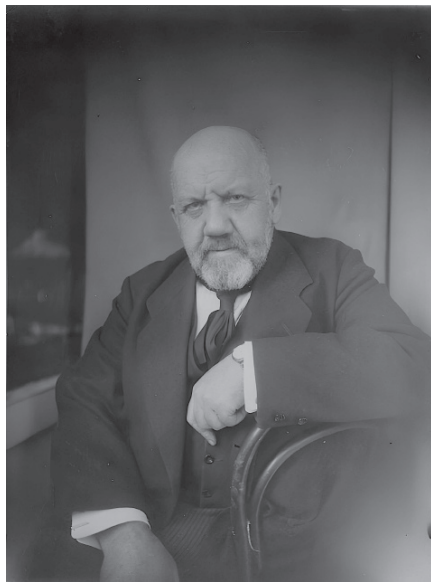
Общие же его выводы были довольно оптимистичны: «Нам предстоит самооборона, т.е. усиленное напряжение энергии, которое оставляет в наследство ускорение роста культуры» [22, с. 190]; при этом, по его мнению, славяне, заметно уступая германцам «по продуктивности труда», «втрое выше их по числу населения», обладают «значительно высшей устойчивостью коллективов в борьбе» [22, с. 190].

Мертваго активно сотрудничал с газетой «Утро России», пользовавшейся большой популярностью среди интеллигенции. На наш взгляд, это было вполне закономерно. В первом же номере новой газеты в сентябре 1907 г. П.П.Рябушинский подчеркивал, что ее создатели твердо верят, что «только мощная культурная работа закрепит все наши полити-

ческие завоевания... Политическая работа должна идти в органической связи с общекультурной и, влияя на нее, черпать в ней основы своей базы...» [цит. по: <https://yablor.ru/blogs/tipografiya-pp-ryabushinskogo-utro-6021205?ysclid=ljwz0xloxn610851484>; дата обращения: 10.07.2023]. Такого же мнения придерживался и герой нашего очерка.

Вызывает интерес трактовка Мертваго самого понятия «культура». Он, в частности, отмечал: «Уровень культуры есть уровень накопленных и закрепленных породю национальных свойств, выработанных деятельной исторической жизнью. Без свободы нет деятельной народной истории – нет и интенсивного роста культуры...» [24, с. 75].

Александр Петрович Мертваго скончался в конце 1918 г. (по другим данным, в 1917 г.), причем, не в своем имении «Языково» Дорогобужского у. Смоленской губ. (которое, как уже отмечалось, благодаря ему по праву признавалось современниками «образцовым» [см. также: 18, с. 126–135]), а, вероятнее всего, в Москве. К сожалению, о последних годах его жизни на сегодняшний день почти ничего не известно; к тому же, с 1911 г. он отошел от публицистической деятельности из-за тяжелой болезни.

А.П.Мертваго. Фотография. Время неизвестно.
ГБУК Ростовской области «Таганрогский государственный литературный
и историко-архитектурный музей-заповедник»

Сочинения, написанные А.П.Мертваго в начале XX в., позволяют оценить его вклад в развитие отечественного сельского хозяйства и культуры как весомый и при этом весьма впечатляющий, учитывая все разнообразие экономических и социокультурных проблем, которые он творчески и, как правило, нестандартно проанализировал.

Подведем итоги. Значимость хозяйственной и просветительской деятельности А.П.Мертваго необходимо рассматривать в контексте ключевых проблем аграрно-промышленной и социокультурной модернизации России конца XIX – начала XX вв. К этому времени был достигнут ряд крупных успехов в деле аграрной рационализации Центрального Нечерноземья. Огромную работу провели члены местных сельскохозяйственных обществ, отдельные рационализаторы и ученые. Среди них выделим деятельность И.Н.Шатилова, кн. А.Г.Щербатова [см.: 14], А.И.Кошелева, А.И.Васильчикова и других рационализаторов, а также группы отечественных исследователей-аграрников – М.В.Неручева, А.А.Стебута, и других. Они внесли большой вклад как в процесс изучения культурно-хозяйственного быта отдельных губерний региона, так и в выработку конкретных научно-практических рекомендаций в области аграрной рационализации. Решению этих задач способствовала и деятельность местных земств; не случайно в публикациях возглавляемого Мертваго журнала «Хозяин» позитивным сторонам хозяйственно-просветительской деятельности земств уделялось повышенное внимание [62, с.22–25].

Из конкретных результатов модернизационного процесса, прежде всего, отметим внедрение передовой аграрной техники и технологии в крестьянских и помещичьих хозяйствах Центральной России, что особенно заметно проявилось к началу XX в.

На протяжении 60-х – середины 90-х гг. XIX столетия изменяется отношение и русского общества в целом, и отдельных категорий сельского населения региона к проблемам аграрных усовершенствований. Если вначале они оставались уделом лишь незначительной группы рационализаторов и ученых, то к концу столетия становятся объектом пристального внимания всего общества.

М.О.Меньшиков, ведущий публицист самой влиятельной русской газеты начала XX в. «Новое время», писал в статье «Как работать» 17 июля 1914 г.: «Гибельный предрассудок, будто труд подл, а праздность благородна, остановил прогресс нашего труда народного... помещики сбросили свое и народное хозяйство на приказчиков и бурмистров. От земледелия и скотоводства... брезгливо отвернулось хотя и напудренное,

но все же более талантливое и образованное сословие. ...Отвыкшие от труда дворяне... потянулись целыми полчищами из деревни и рассеялись кто куда – по городам и заграничным эмпиреям. ...Народ наш, потерявший культурное руководство, естественно, не мог ни догнать народы Запада, ни идти с ними нога в ногу. Только в самые последние десятилетия... народ наш приступает к азбуке культурной промышленности и хозяйства» [21, с. 484]. Разумеется, со всеми положениями такого вывода трудно согласиться. Как показывают результаты исследования, в пореформенный период землевладельцы, рационализаторы и ученые региона провели большую научно-практическую работу, направленную на модернизацию основных отраслей сельского хозяйства. Однако основная масса сельского населения, как и в дореформенную эпоху, по-прежнему оказалась в стороне от этой созидательной работы.

Драматичная история пореформенной аграрной рационализации Центрального Нечерноземья наглядно показала усиление роли самобытной хозяйственной культуры сельского населения региона, необходимость творческого использования могучей силы многолетней традиции. Вместе с тем в ходе модернизационного процесса шла решительная борьба с издержками «закрытости» феодального общества, включая вытеснение «обломовского» хозяйственно-бытового уклада помещичьей жизни.

В решение всех этих проблем, как мы убедились, внес значительный вклад Александр Петрович Мертваго. Его неутомимая культуртрегерская работа (трудолюбие, дисциплинированность и целеустремленность отличали и эту пассионарную личность, и ее наставника А. Н. Энгельгардта), конкретный вклад в решение важнейших рационализаторских вопросов главных аграрных отраслей, – земледелия и животноводства, а также активная пропаганда аграрных новаций в печати вызвали заметный общественный резонанс, став одним из главных факторов, подготовивших российское общественное мнение к столыпинским аграрным реформам начала XX столетия. Новатор пользовался заслуженным авторитетом в качестве аграрника и просветителя; активно сотрудничал с ИВЭО, а в 1902 г. был избран членом Совета ИВЭО «на будущее трехлетие» [10, с. 16]

Таким образом, многолетняя хозяйственная и просветительская деятельность А. П. Мертваго стала важным фактором развития как сельского хозяйства Центрально-Нечерноземной России конца XIX – начала XX вв., так и всей отечественной экономической и гуманитарной культуры.

Список сокращений

- ВРСХ – «Вестник русского сельского хозяйства»
га – гектар
губ. – губерния
ЗГ – «Земледельческая газета»
ИВЭО – Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства
ИМОСХ – Императорское Московское общество сельского хозяйства
Стлб. – столбец
Тр. ИВЭО – Труды Императорского Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства
у. – уезд
ЦИА г. Москвы – Центральный исторический архив г. Москвы

Библиографический список

1. Агарин Е.В. Трудами рук своих: Толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России. М.: Common place, 2019. 384 с.
2. Алтунян А.Г. Александр Мертваго: Жизнь. Идеи. Книги // Мертваго А.П. «В тумане нашей намечающейся культуры». Книга эссе и воспоминаний. М., 2015. С.5–25.
3. Алтунян А.Г. Из истории дворянского рода Мертваго // Мертваго А.П. «В тумане нашей намечающейся культуры». Книга эссе и воспоминаний. М., 2015. С.26–28.
4. Алфавитный список родоначальникам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии с 1787 по 1895 г. Казань: Скоропечатня Л.П.Антонова, 1896. 100 с.
5. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в I-ом отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния, в занимаемых должностях. М.: Тип. С.Селивановского, 1853. 498 с.
6. Будаев Д.И., Будаева О.Д. Письма «Из деревни» как исторический источник // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887 / Издание подготовила А.В.Тихонова; отв. ред. Б.Ф.Егоров. СПб., 1999. С.582–596.
7. Гордеева И.А. «Забытые люди»: История российского коммунитарного движения. М.: «АИРО-XX», 2003. 240 с.
8. Гостилович А. Как выживает наука? // <http://smi67.ru/7481-kak-vyzhivaet-nauka/?yclid=ljpt85nbut821182214>; дата обращения: 5.07.2023).
9. Есафов В.И. Александр Николаевич Энгельгардт, 1832–1893 / Под общ. ред. В.В.Молчановой. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 190 с.

10. Журнал Общего Собрания ИВЭО 8 апреля 1902 г. // Тр. ИВЭО. 1902. Т. 1. Кн.3. С. 16–17.
11. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 285–330.
12. Клинген И. Н. Иван Александрович Стебут (Биографическая заметка) // ВРСХ. 1889. № 21 (1 нояб.). С. 1764–1772.
13. Козлов С. А. Аграрная печать в период Первой российской революции 1905–1907 гг.: ключевые проблемы // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Вып. 21. Калининград, 2015. С. 121–138.
14. Козлов С. А. Князь А. Г. Щербатов (1850–1915) – выдающийся российский аграрник-просветитель конца XIX – начала XX в. Ч. I // Манускрипт. Тамбов, 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 11–19; Ч. II // Там же. Вып. 2. С. 84–95.
15. Козлов С. А. Рационализаторская деятельность А. Н. Энгельгардта в области земледелия: социально-хозяйственные аспекты // Землеведение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / Отв. ред. Л. В. Милов. Калуга, 2003. С. 184–193.
16. Козлов С. А. Энгельгардт Александр Николаевич // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 тт. / Отв. ред. Ю. А. Петров. Т. II. М., 2009. С. 1255–1257.
17. Лазарев В. К вопросу о современных нуждах русского сельского хозяйства // ВРСХ. 1890. № 8 (15 апр.). С. 580–585.
18. Лапикова А. Дворянские гнезда Смоленщины. Смоленск: Универсум, 2010. 352 с.
19. Малафеева М. А. Гражданская идентичность и этнорелигиозные различия школьников Москвы и Петербурга: сравнительно-сопоставительный анализ // Acta Eruditorum. 2015. № 18. С. 90–93.
20. Медведева З. А., Васькина О. Э. Ценность труда в массовом сознании аграрного населения России конца XIX в. // Вопросы культурологии. 2011. № 1. С. 37–41.
21. Меньшиков М. О. Письма к русской нации / Сост., вступ. ст. и примеч. М. Б. Смолина. 3-е изд. М.: Журнал «Москва», 2002. 555 с.
22. Мертваго А. П. Близость большой войны // Россия и современный мир. 2005. № 3 (48). С. 182–190.
23. Мертваго А. П. «В тумане нашей намечающейся культуры». Книга эссе и воспоминаний / Сост., автор предисл. и прим. А. Г. Алтунян. 2-е изд. М.: Изд-во Международного университета в Москве, 2015. 395 с.
24. Мертваго А. П. В чужих краях. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1901. 76 с.
25. Мертваго А. П. К 150-летию сельско-хозяйственной прессы в России // Труды Московского общества сельского хозяйства. Вып. 61. М., 1916. С. 3–26.
26. Мертваго А. П. Первая любовь Л. Н. Толстого // Утро России. М., 1911. 12 июня. С. 3–4.

27. Мертваго А.П. Петербург и Москва // Москва – Петербург. Pro et contra: диалог культур в истории национального самосознания: антология / [Сост.: К.Г.Исупов]. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 2000. С.320–324.
28. Мертваго А.П. Не по торному пути: Из воспоминаний (1878–1888 г). 3-е изд. СПб.: Типография товарищества «Народная польза», 1900. 260 с.
29. Мертваго А.П. О разработке пустошей во Франции и у нас. М.: Товарищество добычи и обработки фосфоритов и других минеральных туков, 1892. 45 с.
30. Мертваго А.П. Опыты удобрения фосфоритною мукой разных заводов в с. Букове, Дорогобужского у., Смоленской губ. // ЗГ. 1891. №2 (12 янв.). С.25–26.
31. Мертваго А.П. Сельскохозяйственные вопросы нечерноземной России // Сельское хозяйство и лесоводство. СПб., 1891. № №2, 3.
32. Мертваго А.П. Сельскохозяйственные воспоминания (1879–1893 г). СПб.: Журнал «Хозяин», б.г. [1897]. 292 с.
33. Мертваго А. Хозяйство без навоза // ЗГ. 1892. №13 (28 марта.). С.247.
34. Мещерский А.П. Письма деревенского хозяина. СПб.: А.С.Суворин, 1896. 395 с.
35. Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского Дворянского Депутатского Собрания. М.: Тип. Л.В.Пожидаевой, 1910. 614 с.
36. Назарова О.В., Шевцов В.В. Перспективная российская деловая культура как базовый элемент современных систем образования и управления // Вестник ИМСИТ. Краснодар, 2016. №1 (65). С.21–23.
37. Наухацкий В.В. Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX в.: противоречия и тенденции / Наухацкий В.В., Денисов Ю.П. Ростов-н/Д.: РИНХ, 2009. 247 с.
38. О хозяйстве в северной России и применении в нем фосфоритов: Сб. сельскохозяйственных статей А.Н.Энгельгардта из Батищева. 1872–1888. СПб.: А.С.Суворин, 1888. 523 с.
39. Празднование семидесятилетия ИМОСХ в декабре 1895 г. / Сост. почетный член общества А.П.Перепелкин. М.: Товарищество скоропечатня А.А.Левенсон, 1895. 239 с.
40. Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М.: Сельхозгиз, 1957. 336 с.
41. Распутин В.Г. Эти двадцать убийственных лет: преступления без наказания. М.: Алгоритм, 2013. 318 с.
42. Романов Б.М. Традиции в земледелии и животноводстве (на материалах помещичьих имений Смоленской губернии 1830–1850-х гг.) // Известия Смоленского государственного университета. 2018. №2 (42). С.319–329.
43. Романов Б.М. Традиции и новации в помещичьем хозяйстве 1830–1850-х гг.: на материалах Смоленской губернии: Дис. ... канд. исторических наук. Брянск, 2022. 237 с.

44. Савельев А. О причинах современного экономического положения крестьян // Хозяин. 1903. №32–36 (11 сент.). Стлб. 1563–1580.
45. Смоленские мужики поверили учению А.Н.Энгельгардта // ВРСХ. 1893. №7 (13 февр.). С. 123.
46. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / Сост. Александр Барсуков, чл. Археографической комиссии. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1902. 611 с.
47. Телицын В.Л. Мертваго Александр Петрович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 тт. / Отв. ред. Ю.А.Петров. Т.1. М., 2008. С.1331–1332.
48. Тихонова А.В. Батицево в судьбе А.Н.Энгельгардта и его семьи // Культурные традиции Сафоновской земли: от прошлого к современности: сб. докладов краеведческой конференции. Смоленск, 2003. С.25–36.
49. Тихонова А.В. «Батищевское дело» – социальный эксперимент 1870–1880-х гг. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.А.Веременико, В.Н.Шайдуров. СПб., 2020. С.34–40.
50. Тихонова А.В. Смоленские поместья в творчестве А.П.Мертваго // Усадьбы Смоленщины, соседних и приграничных территорий как центры хозяйственной и культурной жизни. Сб. материалов. Смоленск, 2021. С.129–135.
51. Тихонова А.В. Энгельгардты и их смоленские имения // Русская усадьба. Вып.12 (28). М., 2006. С.315–326.
52. Хайлова Н.Б. Почему «Петербургская Россия» так и не победила «Московскую Русь»? (М.М.Ковалевский о проблеме заимствования зарубежного опыта) // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т.5. №3. С.73–83.
53. Харсеева Н.В. Духовно-нравственные основы российского предпринимательства: социально-философский анализ. Дис. ... д-ра философских наук. Краснодар, 2015. 336 с.
54. Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.
55. Шарапов С.Ф. А.Н.Энгельгардт и его значение для русской культуры и науки. СПб.: М.М.Ледерле и К°, 1893. 62 с.
56. Шарапов С.Ф. Русский сельский хозяин: Несколько мыслей об устройстве хозяйства в России на новых началах. СПб.: Издание М.Ремезовой, 1894. 168 с.
57. Шахматова Е.В. Мифологема «Восток» в философско-эзотерическом контексте культуры Серебряного века. М.: Изд-во «Академический проект», 2020. 413 с.
58. Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX в. М.: 2000.
59. Шорин Ю.Н. Суткинская волость Дорогобужского уезда. (Опыт культурно-исторического исследования) // Культурные традиции Сафоновской земли: от прошлого к современности: сб. докладов краеведческой конференции. Смоленск, 2003. С.37–146.

60. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887 // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887 / Издание подготовила А.В.Тихонова; отв. ред. Б.Ф.Егоров. СПб., 1999. С.7–478.

61. Энгельгардт А.Н. Письма 1863 г. // Энгельгардт А.Н.Из деревни. 12 писем: 1872–1887 / Издание подготовила А.В.Тихонова; отв. ред. Б.Ф.Егоров. СПб., 1999. Дополнения. С.479–509.

62. Энгельгардт М.А. Русская агрономия за истекшее десятилетие // Хозяин. 1904. №1. С.1–25.

63. Энгельгардт Н.А. Александр Николаевич Энгельгардт и Батищевское дело (биографический очерк) // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887 / Издание подготовила А.В.Тихонова; отв. ред. Б.Ф.Егоров. СПб., 1999. Дополнения. С.510–557.

64. Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни. (Отрывки) // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887 / Издание подготовила А.В.Тихонова; отв. ред. Б.Ф.Егоров. СПб., 1999. Дополнения. С.558–574.

Марина Попова

**НИКОЛАЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ШЕЛГУНОВ
И ЕГО РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЛЕСОВОДСТВЕ**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
93/94

Статья посвящена анализу биографии и публицистики Н.В.Шелгунова в 1850-е годы. В центре внимания находятся его публицистические статьи по вопросам лесоводства и лесного управления. Статьи Н.В.Шелгунова и дискуссия вокруг них иллюстрируют представления лесничих о своей профессиональной юрисдикции, о значении и статусе лесной науки.

The article is devoted to the analysis of the biography and journalism of N.V.Shelgunov in the 1850s. His journalistic articles on forestry and forest management are the focus of this research. N.V.Shelgunov's articles and the discussion around them illustrate the ideas of Russian foresters about their professional jurisdiction, about the meaning and status of forest science.

Ключевые слова: история лесной науки; лесоводство; Н.В.Шелгунов; лесничие; «Газета лесоводства и охоты».

Key words: history of forest science; forestry; Nikolay Shelgunov; foresters; “Newspaper of forestry and hunting”.

E-mail: mapopova@eu.spb.ru

Одной из особенностей советской исторической науки была фокусировка внимания на событиях, связанных с революционно-освободительным движением в России. Соответственно, в биографиях представителей демократической общественности акцент делался на революционных заслугах, в то время как другие обстоятельства жизненного пути человека (в том числе повлиявшие на радикализацию его взглядов) нередко оказывались в тени. Именно так произошло с Николаем Васильевичем Шелгуновым (1824–1891). По справочным изданиям можно проследить, как менялось восприятие этой личности в разное время. Если в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1903) он, прежде всего, «известный писатель» прогрессивного направления [37], то на страницах Большой советской энциклопедии Шелгунов характеризовался, в первую очередь, как «революционер-демократ», и лишь затем – как «публицист и литературный критик». Там же сообщалось о его социальном происхождении («из дворян»), образовании («в 1841 году окончил Лесной институт») и профессиональной деятельности («служил в Лесном департаменте Министерства государственных имуществ») [21]. В 2020-е гг. произошел очередной «разворот», о чем свидетельствует, в частности, статья в Википедии, согласно которой Шелгунов – «русский публицист и литературный критик, учёный-лесовод, участник революционно-демократического движения 1850–1860-х годов» [36]. По нашему мнению, специальный интерес

Портрет Н.В.Шелгунова в форме офицера Корпуса лесничих

представляет «лесоводственный период» жизни Н.В.Шелгунова, до сих пор слабо изученный [10; 15; 18; 23]. А между тем именно тогда не только успешно развивалась его профессиональная карьера, но и формировались оппозиционные взгляды.

В 1841 г. Н.В.Шелгунов окончил Санкт-Петербургский лесной и межевой институт¹ и вместе с другими выпускниками был назначен таксатором² при Лесном департаменте. 1840-е годы были временем активного лесоустройства (организации лесного хозяйства в соответствии с принципами тогдашней науки) и картографирования лесов. Н.В.Шелгунов лично познакомился с состоянием лесного хозяйства в разных губерниях.

В 1850-е гг. ему пришлось совмещать должности управляющего Саратовской палатой государственных имуществ и губернского лесничего [2, л. 53]. Согласно служебным обязанностям последнего, Шелгунову следовало разъезжать по губернии, инспектировать леса, а деятельность управляющего Палатой была, напротив, сопряжена с пребыванием в городе. Столь причудливая чиновничья конфигурация объяснялась острой нехваткой квалифицированных кадров, характерной для лесного управления середины XIX века.

В 1856 г. для подготовки к должности ученого лесничего (преподавателя лесоводства) в Лисинском лесничестве³ Н.В.Шелгунов был отправлен в заграничную командировку. По возвращении из Германии он отправился в Лисино, успел получить денег на эксперименты с добычей торфа [4, л. 4–7 об.], однако спустя полгода был вызван в Санкт-Петербург и в лесничество уже не возвращался. Вторую половину 1857 г. он провел в качестве представителя Лесного департамента при министре М.Н.Муравьеве, организовавшем ревизию управления государственными имуществами в разных губерниях. [27, с.86–90]. В конце 1857 г. Шелгунов был назначен начальником IV отделения Лесного департамента [1, л. 1 об.]. Ему было поручено заниматься введением «правильного лесного хозяйства»⁴, однако в этой должности он пребывал меньше года, причем значительную часть времени провел в отпуске по состоянию здоровья.

В своих воспоминаниях Н.В.Шелгунов писал, не вдаваясь в подробности, что тогда его отношения с руководителем Лесного департамента

¹ В настоящее время это – Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М.Кирова.

² Таксатор – специалист по оценке и устройству лесов.

³ В Лисинском лесничестве выпускники Лесного института проходили обязательную практическую подготовку.

⁴ «Правильное лесное хозяйство» – хозяйство, основанное на научных принципах.

серьезно ухудшились [27, с.91–92]. Тем не менее в конце 1858 г. он, по решению министра, снова был отправлен в зарубежную командировку.

Согласно служебным документам, в конце 1860 г. подполковник Корпуса лесничих Н.В.Шелгунов получил назначение губернским лесничим в Астраханскую губернию [2, л.154]. Формально это не было понижением по службе, ведь губернский лесничий – это главный представитель лесного управления в губернии, но герой нашей статьи однозначно воспринял это как высылку из Петербурга [2, л.209–209об.]. Это была довольно распространенная административная практика, когда провинившегося или неугодного чиновника переводили из столицы в провинцию. Прежде Н.В.Шелгунов был вовлечен в различные столичные лесонаучные мероприятия: он читал лекции в Лесном институте, состоял членом Ученого комитета по лесной части и активно принимал участие в его деятельности. Новое назначение лишало его возможности непосредственно влиять на принятие решений. «Ссылка» в Архангельскую губернию стала одной из ключевых причин, побудившей Н.В.Шелгунова подать прошение об отставке. В начале 1862 года он был уволен от службы с повышением чина до полковника, правом на ношение мундира и пенсией [2, л.192].

О взглядах Н.В.Шелгунова на лесной вопрос можно судить по многочисленным источникам. Это его воспоминания, а также официальные отчеты и прошения, отложившиеся в фондах Лесного департамента, и, наконец, многочисленные статьи о лесном хозяйстве. Документальная база позволяет воссоздать картину динамично развивавшихся представлений молодого лесничего.

Одна из важнейших тем в «лесной» публицистике Н.В.Шелгунова – это германское лесное хозяйство. Соответствующая теоретическая мысль и практика в России на протяжении всего XIX в. находились под сильным влиянием научного лесоводства, зародившегося и развивавшегося в Германии [40]. Эта тенденция прослеживалась и прежде [16], но именно в первой половине XIX века характер заимствований стал интенсивным и охватил разные сферы лесоводства. Само понятие «научного лесоводства» ассоциировалось, в первую очередь, с германским лесным хозяйством, и обвинения лесной науки в уничтожении лесов, звучавшие в России в середине XIX в., были тесно связаны с осмыслением природы этого лесонаучного трансфера. Некоторые авторы прямо писали о том, что идеи, разработанные в Германии, по ряду причин неприменимы в России [12].

Н. В. Шелгунов принимал самое активное участие в этой дискуссии. В целом, его отношение к германским лесохозяйственным идеям было неоднозначным. Он неоднократно писал о засилье германских идей и общественном недовольстве по этому поводу. Для примера приведу выразительный отрывок из статьи 1855 г., рекламирующей новое периодическое издание – «Газету лесоводства и охоты». «Такое неестественное направление науки (количественное преимущество переводных текстов над российскими. – М.П.) <...> не могло возбуждать к ней доверия большинства, понимавшего несостоятельность теории лесного хозяйства Германии в применении к лесам России...» [25]. Рассказывая о подготовке к заграничной командировке, Н. В. Шелгунов писал о том, что для его коллег «немецкое и непрактичное, неприменимое <...> сделались синонимами» [35, №21, с. 164], и они не верили в пользу знакомства с немецкими лесохозяйственными практиками для российского лесничего⁵. В то же время, согласно воспоминаниям Н. В. Шелгунова, сам он проявлял горячую заинтересованность в посещении Германии, отмечал трудности получения права поездки в эту страну, подчеркивая, что добился этого только благодаря личному вмешательству министра государственных имуществ П. Д. Киселева [27, с.79]. Чем объяснить непоследовательность позиции Н. В. Шелгунова?

В этом противоречии (с одной стороны, утверждение о том, что лесничество не верило в применимость германской науки в российских реалиях, а, с другой – организация Лесным департаментом зарубежной командировки и стремление самого Шелгунова к непосредственному знакомству с опытом немецких коллег) отражается динамика развития профессии. Авторитет германского лесоводства в России был связан с отсутствием

⁵ В 1857 году в «Морском сборнике» было опубликовано письмо в редакцию. Анонимный автор («Деревенский житель Зарайского уезда») привлекал внимание к стремительному истреблению лесов вокруг Москвы, обвинял в этом промышленность, использующую древесину в качестве топлива вместо каменного угля или торфа, и даже критиковал беспечность правительства в этом вопросе [8]. В этом же номере «Морского сборника» был напечатан отклик на письмо «Деревенского жителя», в котором виновницей российского истребления лесов признавалась лесная наука, «юная дочь честных, но бедных родителей из Немцев» [12, с.129]. Заявлялось о полном несоответствии ее идей особенностям лесного хозяйства в России: «Наука лесоводства в полной немецкой, неудобноисполнимой, и даже неудобопонятной многосложности, идет своим бумажным путем, даже случайно не совпадая с натурой: проекты и описания – сами по себе, а хозяйство, лес и рубка сама по себе» [12, с.129–130]. Подчеркивался также высокий уровень недоверия по отношению к лесоводству в России: «Наконец, у нас в обществе эта наука имеет незавидную репутацию; все видят, что она очень прилична и благоразумна в публике – на бумаге, – и все знают, как она нехороша дома, т.е. в лесу. И потому никто ей не верит и никто из частных людей и лесовладельцев, зная ее не хочет, видя в натуре пример ее несостоятельности» [12, с.130].

каких-либо российских наработок на эту тему, а также наглядностью и убедительностью немецких примеров. Чтобы проверить успешность какого-либо лесохозяйственного мероприятия следует подождать в течение долгого времени, порой превышающего срок жизни инициатора. В Германии такие мероприятия начались раньше и они демонстрировали свой успех. К 1850-м годам реализованные по немецким правилам лесохозяйственные проекты начинали давать результаты. Это побуждало профессионалов в сфере лесного хозяйства переосмысливать характер заимствования, осознанной адаптировать зарубежные практики.

Газета лесоводства и охоты

Официальная переписка свидетельствует о том, что вопрос о необходимости заграничной командировки для будущего ученого-лесничего в Лисино возник в недрах Лесного департамента еще до того, как главный претендент на эту должность, Н.В.Шелгунов, подал соответствующее прошение. Предполагалось, что будущему преподавателю следовало быть знакомым с передовыми лесохозяйственными практиками не через книги, а через личный опыт, так как только в таком случае он смог бы «не затрудняться в точном объяснении всех вопросов, возбуждаемых учащимися» [3, л. 1 об.]. Н.В.Шелгунов в своем прошении о командировке не только подобным образом ссылался на важность

сохранения авторитета перед слушателями курса, но и прямо писал о том, что леса Германии – «места наивысшего развития лесного хозяйства» [2, л. 8 об.].

Заграничная командировка сильно повлияла на Н. В. Шелгунова. В воспоминаниях он подчеркивал ее важность для становления собственных убеждений. Кроме того, личный опыт знакомства с немецким лесоводством выделял Н. В. Шелгунова в среде коллег-лесничих, позволял ему авторитетно рассуждать о различных лесохозяйственных вопросах, сравнивать соответствующие практики в России и Германии. Именно зарубежная поездка дала старт активной публицистической деятельности Н. В. Шелгунова. По материалам этой командировки вышла серия статей в «Газете лесоводства и охоты» [35]. В них автор анализировал российское и германское лесоводство, рассуждал о недостатках российского лесного управления. Н. В. Шелгунов много писал о системе образования, быте и материальной обеспеченности лесных чиновников, а также рядовых работников. Прежде эти вопросы редко поднимались в профессиональной периодике. Сравнение с немецким опытом зачастую оказывалось не в пользу России. В последнем «Письме...» из первой заграничной поездки Н. В. Шелгунов обращался с призывом ко всем российским лесничим посетить Германию [35, №17, с. 136]. В это время автор еще был очарован достижениями немецкой лесной науки и практики лесоводства.

И спустя год после возвращения из заграничного путешествия Н. В. Шелгунов, участвуя в дискуссии о лесной науке, значении взаимодействия немецкого опыта, продолжал вести ту же «линию». Он был на пике своей карьеры, находился при министре, ревизовавшем управление государственными имуществами, был назначен управляющим IV-го отделения Лесного департамента. Это отделение можно считать самым «научным» в системе лесного управления, так как в его ведении находилась организация «научного» («правильного») лесоводства в государственных лесах империи. Во время министерской ревизии Н. В. Шелгунов лично познакомился с особенностями лесного управления в разных губерниях. Этот опыт, как и зарубежная командировка, стал основой его экспертного мнения о практиках лесного управления. Действительно, в середине XIX в. Н. В. Шелгунов был одним из наиболее осведомленных лесничих. Его коллеги обычно не имели возможности выезжать за пределы подведомственных им лесов; о положении дел в лесном хозяйстве соседних губерний они могли узнать лишь благодаря личным связям или редким статьям в профессиональной периодике.

В этот период Н.В.Шелгунов опубликовал серию статей в «Газете лесоводства и охоты» [26]. Примечательно, что выступая яростным защитником лесной науки, обвиняя оппонентов в нечестности и незнании предмета, автор все больше внимания уделял анализу недостатков в лесном управлении, предлагал пути решения проблем. Одна из таких статей была опубликована в журнале «Русское слово» [30]. Впоследствии Н.В.Шелгунов считал именно этот текст началом своей публицистической деятельности [27, с.129], несмотря на то, что он был посвящен изменению лесного законодательства России в XVII в., а критика существующего управления уместилась всего в несколько строчек.

Основная идея выступлений Н.В.Шелгунова в печати: развитие лесной науки и повышение компетентности чиновников – основной залог успеха в лесном хозяйстве. Главные пороки российского лесоводства, по его мнению, заключались в избыточности обязанностей, возложенных на лесничих (особенно он критикует огромное количество бумажной работы), в косности и некомпетентности многих представителей старшего поколения лесничих. Также он отмечал трудности взаимодействия с местным населением, которое не верило в пользу нововведений. Иначе говоря, ядро лесной профессии – лесоводственную теорию – автор защищал, а его критика в большей степени была направлена на организацию службы лесничих. Эту позицию разделяли и другие авторы, печатавшиеся в «Газете лесоводства и охоты». Непосредственно связанные с лесной службой, они рассуждали о ее правовых и организационных недостатках, не ставя под сомнение пользу научного лесоводства. Подобные критические высказывания по отношению к существующему порядку, лишённые какой-либо политической подоплеки, были характерны и для публицистики других профессиональных групп (например, учителей) [22].

Рассуждая о сущности лесной науки, Н.В.Шелгунов акцентировал внимание на ее «специальном» характере, на том, что это «знание исключительное, не составляющее общего достояния по примеру четырех правил арифметики, грамматики и истории, которые от этого и называются предметами общего образования» [26, №2, с.17]. Его статьи о немецких лесах подтверждали мысль о важности региональных особенностей в этой области. По мысли автора, упомянутые публикации призваны были также продемонстрировать несостоятельность критики лесохозяйственных идей Германии (он указывал на высокую доходность лесов и неистощимость лесного хозяйства). Кроме того, Н.В.Шелгунов

подчеркивал, что развитие науки и образования способны за небольшой срок принципиально улучшить лесное хозяйство.

Для него была очень важна идея о том, что хорошее образование является движущей силой прогрессивных изменений общества. Он развивал ее на протяжении всей своей литературной деятельности [17]. Рассуждая об этом применительно к лесному хозяйству, Н.В.Шелгунов апеллировал к опыту Саксонии, где за 30 лет благодаря «образованию нового поколения грамотных, любящих свое дело лесничих» [25, №2, с.19] появилось прогрессивное, доходное хозяйство. Автор уповал и на подобное развитие событий в России, так как «старое поколение лесничих <...> выросло в других убеждениях и не в состоянии усвоить начал новой жизни» [26, №16, с.197]. Этот нарратив о противостоянии «отцов и детей» был характерен для публицистики конца 1850-х–1860-х гг. как иллюстрация конфликта интересов молодого («прогрессивного») поколения с «дореформенным» [7, 20]. Да и сам Н.В.Шелгунов в скором времени стал известен как автор прокламации «К молодому поколению» [29]. Пока же в его текстах поколенческий вопрос выступал в качестве объяснения, почему лесная наука, преподаваемая в России уже более полувека, не дала ожидаемых результатов.

По своей сути статьи Н.В.Шелгунова – это ода науке и образованию, надежда на светлое будущее, которое наступит благодаря приходу в лесное управление молодого прогрессивного поколения, вооруженного научным знанием, способного противостоять косности системы, ошибочным представлениям местного населения. Эта надежда в значительной степени была основана на впечатлениях, полученных автором во время путешествия в Германию. Он признал справедливость критики российских практик лесного хозяйства, отметив негативное влияние «старого поколения» на развитие отрасли. Тексты Н.В.Шелгунова этого периода можно рассматривать как попытку пересмотреть профессиональную юрисдикцию лесничих – расширить ее, подчеркнув необходимость движения от «примитивного» копирования германских образцов к самостоятельному развитию.

Во второй половине 1858 г. по решению нового министра государственных имуществ М.Н.Муравьева он снова отправился в заграничную командировку и по ее материалам опубликовал серию статей в «Газете лесоводства и охоты» [31–34]. Тогда он впервые высказался о лесничих Германии как о «касте», чья закрытость поддерживалась, с одной стороны, государством, обеспечивавшим правовую рамку, высокий доход лесничих и их значимое общественное положение, а, с другой стороны, –

теоретиками лесоводства, отмежевавшимися от остальных научных дисциплин. От уважительного отношения к достижениям и положению немецких коллег не осталось и следа. Теперь Н.В.Шелгунов на первый план выдвигал порочность подобной системы. «Одним словом, лесничие хотели жить своим отдельным миром, иметь свою литературу, свою лесную науку, своих ученых, своих великих людей, <...> и нужно отдать полную справедливость немецким лесничим, они достигли своей цели – развили какое-то специальное уродство, чуждое общим оснований и общего человеческого образования» [28, №37, с.440]. Таким образом, Н.В.Шелгунов обвинял немецких лесничих в создании закрытой привилегированной группы, и, как следствии, узости взглядов, отсутствии широкого образования. По его мнению, основная причина такого положения в Германии заключалась в государственном контроле над лесами. Немецкие лесничие, главная цель деятельности которых сводилась к извлечению максимального дохода из лесов, стали важными членами государственного управления. Правительство, со своей стороны, оказалось заинтересованным в поддержании высокого статуса лесничих в обмен на их лояльность и высокий доход от лесного хозяйства. Н.В.Шелгунов обращал внимание на проявления «кастовости» и у российских лесничих [28, №39, с.460].

Идея о «касте лесничих» кажется новой для российской лесной литературы конца 1850-х гг., но если обратиться к прежним статьям Н.В.Шелгунова, то можно увидеть предпосылки этой идеи, а также проследить динамику изменений его взглядов. Если прежде Н.В.Шелгунов полагал, что пороки косной системы, созданной стараниями «старого поколения», можно легко преодолеть через подготовку хорошо образованных, уверенных в себе лесничих, то теперь он убеждал читателей, что ситуация гораздо сложнее. По его мнению, лесоводство – это не поиск научных истин, законов природы, а набор отдельных знаний и навыков, необходимых для экономически выгодного хозяйства. Эти знания междисциплинарны, они не должны были принадлежать исключительно лесоводству. В то же время, подчеркивал публицист, такие направления, как лесная математика, лесная химия, лесная политическая экономия, стали вредными порождениями замкнутости немецких лесничих как особой «касты». А в результате, заключал он, способ организации лесоводства в России по немецкому образцу «не создал ни хороших граждан, ни хороших лесничих» [28, №37, с.440].

Н.В.Шелгунов не просто оказался на одной стороне с теми, кто обвинял лесную науку в бесполезности и даже вреде для российских лесов

(и с кем он еще недавно яростно спорил), но пошел еще дальше. Он изобличал саму систему немецкого лесного хозяйства в узости взглядов и «вырождении» в интересах закрытой касты лесничих.

Чтобы предотвратить развитие ситуации в России по подобному сценарию, Н.В.Шелгунов предлагал передать государственные леса частным лицам [28, №39, с.457–460]. Эта идея была провокационна и шла вразрез с представлениями, характерными для лесничих и чиновников Министерства государственных имуществ [19]. Однако Н.В.Шелгунов считал, что наибольшую экономическую пользу от лесного хозяйства, а, следовательно, и выгоду для государства, смогут получить частные владельцы, лично заинтересованные в деле. Кроме того, отказ от государственной поддержки лесничих должен был поставить заслон на пути формирования их профессиональной «касты». Этой же цели должна была послужить реформа образования [28, №39, с.457–460]. Он считал, что для большинства лесничих нет необходимости глубоко погружаться в лесоводственную теорию. Все, что им нужно, это овладение ограниченным числом навыков, которые легко изучить на практике. Такие «лесничие-приказчики», по мнению Н.В.Шелгунова, за небольшое содержание смогли бы управлять частными лесами, обеспечивая владельцам стабильный доход. Для серьезных задач (составление плана хозяйства, восстановления лесов на значительных территориях и при сложных условиях) требовалось ограниченное число «лесничих-управленцев», подробно изучивших лесоводственную теорию и практику ведения хозяйства на разных территориях. Чтобы последние не образовали касту, Н.В.Шелгунов предлагал принимать на обучение только выпускников университетов. Широта образования должна была стать защитой от чрезмерной специализации. В текстах автора можно увидеть призыв выстраивать свою собственную профессиональную субъектность, независимую от авторитета зарубежных коллег.

Можно только строить догадки о том, почему так радикально изменились взгляды Н.В.Шелгунова. От защитника научного лесоводства он за небольшой срок (менее 5 лет) трансформировался в его яростного критика. Тем не менее в его публикациях не оспаривались возможности лесоводства, а скорее предлагалось очистить последнее от порочных порождений «кастовости». Можно предположить, что столь острая критика «закрытости» лесного дела в какой-то мере была связана с собственными карьерными перипетиями автора. В воспоминаниях он туманно упоминал о недовольстве руководством Лесного департамента, которое чинило препятствия его деятельности.

Критические выступления одного из самых известных лесничих своего времени вызвали реакцию со стороны его коллег. В «Газете лесоводства и охоты» появились два отклика: лесничего А. Доливо-Добровольского и редактора газеты Н. М. Зобова. Лесничий Александр Доливо-Добровольский, выпускник Лесного института 1850 г., как раз являлся представителем того самого «нового поколения», с которым были связаны надежды Н. В. Шелгунова. В своей статье [9] он соглашался с основными идеями авторитетного автора, не оспаривал утверждения о кастовости, ограниченности образования лесничих, однако выступил против предложения продать государственные леса частным лицам. По его убеждению, «...только само Правительство может выполнить эту мудреную задачу бережливого пользования лесом, с целью обеспечения нужд как настоящего, так и будущего поколения» [9, с.523]. Аргументы А. Доливо-Добровольского сводились к неспособности частных лиц (из-за их корысти или некомпетентности) сохранить леса и обеспечить потребности населения страны.

С протестом против продажи лесов частным лицам выступил и редактор «Газеты лесоводства и охоты» Н. М. Зобов. Он критиковал Н. В. Шелгунова за неаргументированные обвинения лесничих и отсутствие у него конкретных и реалистичных предложений [13]. В ответ Н. В. Шелгунов опубликовал еще один текст из серии своих заграничных писем с ответами критикам [28, №47]. Продолжая дискуссию по вопросу собственности на леса, он внезапно перешел к аргументам в пользу социализма и общей свободы распоряжения имуществом. Если прежде о народнических взглядах Н. В. Шелгунова можно было догадываться по его высказываниям, в которых осуждались лесничье-чиновники и проводилась мысль о желательности выведения леса из-под государственного контроля, то в заключительной части «Заграничных писем» его высказывания становятся весьма откровенными. Н. М. Зобов, указывая на неуместность «тирады о социализме» в «Газете лесоводства и охоты», предлагал Н. В. Шелгунову развить свои аргументы о пользе передачи лесов частным лицам, опираясь в первую очередь на лесохозяйственные аргументы [14]. Никаких свидетельств продолжения этой дискуссии обнаружилось не удалось.

В официальных документах Н. В. Шелгунов высказывался не столь радикально, но также указывал на необходимость ограничить влияние опыта германских лесничих на развитие лесного хозяйства в России. В конце 1859 г. он представил собственную программу зарубежных командировок для выпускников Лесного института [6, л. 11–16 об.]. Важ-

ной составляющей документа было сокращение пребывания в Германии в пользу путешествия по Франции. В сопроводительной записке он писал о неких абстрактных «русских лесничих», которые видели в Германии страну «далекого от нас идеала, к которому мы должны стремиться», а неудачные попытки воплотить этот идеал привели к «протесту против немецкой теории, против мертвого учения немецко-русских ученых лесничих и против немецко-русских образцов лесного хозяйства» [6, л. 13].

Во время непродолжительной преподавательской деятельности Н.В.Шелгунов стремился показать учащимся альтернативу следования за немецкими образцами. В 1859 г. он писал своей жене: «Раскрыть глаза юнцам, показать им, что лесоводство – знание очень простое, не составляющее науки, как понимают это тупоумные немецкие и русско-немецкие лесничие <...> вот задача моя и вот что я буду проводить во всех своих лекциях» [24, с. 113]. Он критиковал других своих коллег, которые «убивают способности юношей <...>, заставляя задалбливать специальную дичь и творят лесничего за счет человека» [24, с. 113]. Один из учеников Н.В.Шелгунова, лесничий Павел Иванович Жудра, впоследствии вспоминал своего преподавателя лесных наук, не называя прямо его имени: «Он был бесспорно человек очень умный, талантливый, с горячим сердцем и головой <...>; его ум не мог удовлетвориться лесоведением и служебной карьерой <...> На лекциях его шла речь обо всем, – меньше же всего о технологии и лесных законах, учебники которых мы редко раскрывали» [11, с.338].

Исследуя взгляды Н.В.Шелгунова на лесоводство, сложно абстрагироваться от его дальнейшей биографии и не воспринимать тексты «лесного периода» исключительно как предтечу его последующей литературной и оппозиционной деятельности. Действительно опыт службы в Лесном департаменте, командировки за границу не могли не сказаться на формировании его взглядов. Однако тексты Н.В.Шелгунова интересны и с точки зрения внутренней динамики профессиональной юрисдикции лесничих⁶.

⁶ В этом вопросе я буду опираться на концепцию социолога Эндрю Эббота [38] о том, что существование (развитие) профессиональных групп связано с закреплением за ними определенной сферы деятельности (профессиональной юрисдикции). Профессиональная юрисдикция находится в постоянной динамике: представители профессиональных групп открывают для себя новые экспертные поля, отстаивают свои права на экспертное суждение и т.д. Историки небезуспешно используют эту концепцию в рамках исследований по истории той или иной профессии для анализа процессов, привлекавших к законодательному утверждению особого статуса экспертов [41; 42]. Типичные признаки сложившейся профессии, предлагаемые классиками социологии, это – общепризнанное социальное положение, профессиональный авторитет и профессиональная культура [39].

Обратим еще раз внимание на проблемы, которые автор поднимал в своих публикациях. Это и образование лесничих (какими знаниями должен обладать лесничий? Должен он быть человеком с широким кругозором или специалистом в узкой сфере; теоретиком, способным принимать самостоятельные лесохозяйственные решения, или умелым практиком, следующим инструкциям?), и попытки определить экспертное поле (какие задачи должны стоять перед лесничими: сохранение лесов, благосостояние местных жителей и максимальная польза для казны? Кто эти задачи должен формулировать и кто вправе контролировать их выполнение?). Анализ текстов Н.В.Шелгунова позволяет судить о важности для него и вопроса о научном лесоводстве. Несмотря на ряд радикальных высказываний о том, что эта отрасль знания – не более, чем искусственный конструкт, созданный немецкими лесничими для обоснования своего особенного («кастового») положения, публицист все же воспринимал лесную науку в качестве ядра профессии, ее главной ценности. Не обесценивая лесонаучное знание как таковое, Н.В.Шелгунов предлагал расширять знания о лесах, не замыкаясь в рамках идей, выработанных германскими лесничими.

Библиографический список

1. РГИА. Ф.381. Оп.2. Д.2241. По изданию «Журнала Министерства государственных имуществ» в 1859 году.
2. РГИА. Ф.387. Оп.1. Д.2087. О службе прапорщика Шелгунова.
3. РГИА. Ф.387. Оп.2. Д.20661. Об определении в Лисинское учебное лесничество ученого лесничего капитана Шелгунова.
4. РГИА. Ф.387. Оп.2. Д.21151. О разработке в Лисинском учебном лесничестве капитаном Шелгуновым торфа и о выдаче ему на означенный предмет денег.
5. РГИА. Ф.387. Оп.2. Д.21390. О назначении капитана Шелгунова начальником IV отделения Лесного департамента
6. РГИА. Ф.387. Оп.2. Д.22280. О командировании офицеров Корпуса лесничих за границу.
7. Бик-Булатов А.Ш. Общественно-политический нигилизм в русской журналистике и публицистике второй половины XIX века: 1860-е годы: автореф. дис. ... к.и.н. Казань, 2005. 21 с.
8. Деревенский житель Зарайского уезда. О значении лесов в России и их истреблении // Морской сборник. 1857. №8 (Т.XXX). С.119–126.
9. Доливо-Добровольский А. О продаже казенных лесов // Газета лесоводства и охоты. 1859. №44. С.520–523.

10. Есин Б.И. Н.В.Шелгунов. М.: «Мысль», 1977. 176 с.
11. Жудра П. [И.] Воспоминания о Лесном институте кадета предпоследнего выпуска. (Окончание) // Лесной журнал. 1889. №3. С.331–343.
12. Замечания на статью «О значении лесов в России» // Морской сборник. 1857. №8 (Т.XXX). С.127–130.
13. Зобов Н.М. Библиография // Газета лесоводства и охоты. 1859. №42. С.500–504.
14. Зобов Н.М. К вопросу о продаже казенных лесов // Газета лесоводства и охоты. 1859. №51. С.604–607.
15. Колокольцев М.Г. Народник Н.В.Шелгунов о структуре лесного хозяйства России // Аграрная наука – сельскому хозяйству: Сборник материалов XVII Международной науч.-практич. конференции. Барнаул: Алтайский гос. аграрный ун-т, 2022. С.254–256.
16. Лупанова Е.М. Импорт в Россию немецких идей в сфере лесоохраны в XVIII в. // Немцы в Санкт-Петербурге. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. С.37–45.
17. Никулина Н.Н. Воспитание и образование как факторы социального прогресса в концепции Н.В.Шелгунова // Вестник Мурманского гос. технического ун-та. 2002. №3 (5). С.411–426.
18. Пеунова М.Н. Общественно-политические и философские взгляды Н.В.Шелгунова. М.: Изд-во Академии Наук, 1954. 112 с.
19. Правилова Е. Империя в поисках общего блага. Собственность в дореволюционной России. М.: НЛО, 2022.
20. Родигина Н.Н. «Шестидесятые» как пристанище: дискурс о поколениях в текстах сибирских областников второй половины XIX в. // Уральский исторический вестник. 2017. №1 (54). С.21–29.
21. Ройтберг Л.И. Шелгунов Николай Васильевич // Большая советская энциклопедия. Т.29. М.: Советская энциклопедия, 1978. С.371.
22. Сергеев Т.С. Обсуждение педагогических проблем в Российской печати середины XIX века // Вестник Марийского гос. ун-та. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. №1. С.49–54.
23. Слабкий А.С. Мироззрение Н.В.Шелгунова. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1960. 194 с.
24. Шелгунова Л.П. Из далекого прошлого. Переписка Н.В.Шелгунова с женой // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов Л.М. Воспоминания. Т.2. М.: Худ. лит-ра, 1967. С.113.
25. Шелгунов Н.В. Газета лесоводства и охоты // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. №218. С.1.
26. Шелгунов Н.В. Заметки о лесничих и лесоводстве в России // Газета лесоводства и охоты. 1858. №2. С.16–20; №5. С.62–63; №16. С.191–197.

27. Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов Л.М. Воспоминания. Т.1. М.: Худ. лит-ра, 1967. С.49–230.
28. Шелгунов Н.В. К заграничным письмам (Заключение) // Газета лесоводства и охоты. 1859. №37. С.436–441; №39. С.457–460; №47. С.553–558.
29. Шелгунов Н.В. «К молодому поколению» // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов Л.М. Воспоминания. Т.1. М.: Худ. лит-ра, 1967. С.332–350.
30. Шелгунов Н.В. Одна из административных каст. Статья первая // Русское слово. 1860. №1. С.260–304.
31. Шелгунов Н.В. Письма из Пруссии // Газета лесоводства и охоты. 1858. №47. С.565; №49. С.589; №50. С.601; №51. С.613.
32. Шелгунов Н.В. Письма из Саксонии // Газета лесоводства и охоты. 1858. №28. С.339; №52. С.625.
33. Шелгунов Н.В. Письма из Франции // Газета лесоводства и охоты. 1858. №34. С.411; №35. С.421; №36. С.434; №38. С.457; №40. С.481; №41. С.497.
34. Шелгунов Н.В. Письма из Швеции // Газета лесоводства и охоты. №43. 1858. С.517; №44. С.536; №45. С.541, №46. С.556.
35. Шелгунов Н.В. Письма русского лесничего из Германии // Газета лесоводства и охоты. 1856. №21. С.163–165, №22. С.169–171, №23. С.177–180, №25. С.193–197, №26. С.201–205, №38. С.297–299, №46. С.364–367, №47. С.369–373; 1857. №1. С.1–5, №2. С.11–12, №6. С.41–44, №17. С.133–137.
36. Шелгунов Николай Васильевич // Википедия. [электронный ресурс] Дата обновления: 01.03.2023. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=1215614&oldid=128841977> (дата обращения: 30.03.2023).
37. Щеголев П. Шелгунов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.39. СПб.: Типография Акц. о-ва Брокгауз–Ефрон, 1903. С.401–404.
38. Abbot A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor, Chicago; London: The University of Chicago Press, 1988. 435 p.
39. Greenwood E. Attributes of a Profession // Social Work. 1957. №3 (2). P.45–55.
40. Hölzl R. Historicizing Sustainability: German Scientific Forestry in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Science as Culture. 2010. №4 (19). P.431–460.
41. Takabayashi A. Surviving the Lunacy Act of 1890: English Psychiatrists and Professional Development during the Early Twentieth Century // Medical History. 2017. №2 (61). P.246–269.
42. Zajicek B. Soviet Madness: Nervousness, Mild Schizophrenia, and the Professional Jurisdiction of Psychiatry in the USSR, 1918–1936 // Ab Imperio. 2014. №4. P.167–194.

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие.

Александр Пушкин

Только в государственной службе познаёшь истину.

Козьма Прутков

Любуясь, как реформа преобразала русскую старину, не доглядели, как русская старина преобразала реформу.

Василий Ключевский

А вот вам и основа всему:
страх Божий имейте
превыше всего.

*Владимир Мономах
(«Поучение»)*

Правительство предполагает,
а бюрократия располагает.

Патрик О'Рурк

Великий реформатор
приходит не с тем, чтобы
рушить, а с тем, чтобы
создать, разрушая...

Виссарион Белинский

Светлана Архипова

**РИТОРИКА
«ПОУЧЕНИЯ»
ВЛАДИМИРА
МОНОМАХА:**

**ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
303/378/929

В статье рассматривается «Поучение» Владимира Мономаха через призму использованных в источнике индивидуальных речевых средств. Анализируются риторические и стилистические приемы, а также позднейшие искажения, позволяющие раскрыть мотивы, цели и задачи составления текста, выделить через словесный ряд оригинальные смыслы, позволяющие пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды. Сделаны выводы о политическом ориентировании Мономахичей на поддержание наследственного закрепления киевского престола по линии старшего сына князя, Мстислава Владимировича, отходе от лестничного порядка наследования княжеских престолов.

The article examines the "Pouchenje" of Vladimir Monomakh through the prism of the individual speech means used. The author analyzes rhetorical and stylistic techniques, as well as later distortions, that allow revealing the motives, goals and objectives of composing the text and highlighting original meanings through a verbal series, allowing to revise some well-established views. Conclusions are drawn about the political orientation of the Monomashichs to maintain the hereditary consolidation of the Kiev throne through the eldest son of the prince, Mstislav Vladimirovich, with the factor of departure from the traditional lestvich order of princely thrones succession.

Ключевые слова: Владимир Мономах; Поучение; Киевская Русь; порядок наследования княжеских столов; текстовые данные; риторические и стилистические приемы.

Key words: Vladimir Monomakh; Pouchenie; Kievan Rus; the order of princely tables' succession; text data; rhetorical and stylistic techniques.

E-mail: vostok@shpl.ru

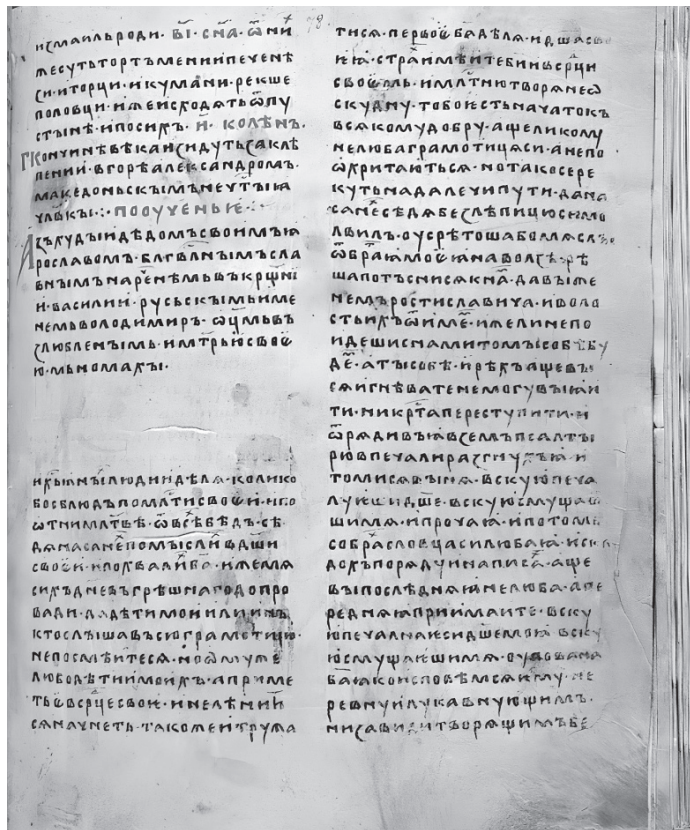
**Источники в курсе истории:
проблемы преподавания**

Работа с материалом источников на уроках истории является важной частью процесса становления гражданственности школьников, поэтому от точности трактовки информации, содержащейся в учебниках,

во многом зависит конечный результат обучения. Между тем события отечественной истории в учебниках часто представлены тем схематичнее, чем дальше они отстоят от наших дней. К этому добавляется некоторая «лакировка» исторических лиц, которая придает еще больше условности образам и событиям далекого прошлого. Все это ведет к опрошению истории в восприятии учащихся, создавая у них впечатление безжизненности и имплицативности исторического процесса.

Эффективность обучения повышается за счет педагогической речи учителя, который создает яркие словесные портреты и образы, используя их целевым образом в практике преподавания. Для этого он должен уметь работать с источниками, то есть выделять в них ключевые средства выразительности, коммуникативности и убеждения для раскрытия через словесный ряд целей, задач и мировоззрения создателей текстов. Этими умениями будущий учитель начинает овладевать во время обучения в вузе в ходе освоения таких программных курсов, как «Текстология», «Источниковедение», «Риторика», в рамках которых осваиваются и принципы построения педагогической речи.

Педагогическая речь, направленная на передачу обучающей информации, имеет дидактическую основу: это означает, что с передачей тех или иных сведений актуализируется решение определенных практических задач. Такое положение является универсальным для любого образовательного процесса, к какой бы эпохе он ни относился. Применительно к средневековью педагогическая речь закреплялась в дидактических текстах – зафиксированные на материальном носителе, они пользовались большой популярностью и часто становились хранителями и образцами дидактической мысли и образовательной риторики и стилистики. В жанровом отношении эти тексты традиционно воплощались в форме поучений. Но со временем первоначальные идеи теряли в них свою актуальность и получали иные интерпретации, созвучные ценностям других эпох. Попытки соотнесения языка этих текстов с позднейшими нормами также приводили (случайно или намеренно) к искажениям оригинальных смыслов. Сравнение разных редакций, которые используются в актуальной учебно-научной литературе, позволяет выявить множественные расхождения, и лишь обращение к языку оригинала может дать ключ к пониманию исходных текстовых смыслов.

Начало «Поучения» Владимира Мономаха. Лаврентьевская летопись (1377 г.)

«Поучение» Владимира Мономаха: ускользящий мир текста

его детям. «Поучение» сохранилось в единственном списке, в составе Лаврентьевской летописи под 1096 г. (т.е. еще при жизни князя), где оно помещено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюратой Роговичем, разрывая логическую последовательность летописного повествования. В Ипатьевской, Радзивилловской и др. летописях это место читается без разрыва. Считается, что вставка могла быть сделана либо игуменом Выдубицкого мона-

«Поучение» Владимира Мономаха (1053–1125 гг.) представляет собой монологический текст, составленный от лица князя и адресованный

стыря Сильвестром в Киеве, либо самим монахом Лаврентием в 1377 г. в Нижнем Новгороде – путем извлечения из источника (оригинала?), которым переписчик распорядился «не должным образом» [17, с.25].

Композиционно текст распадается на преамбулу, свод изречений, учительную часть («грамотицу»), автобиографию князя и его письмо двоюродному брату и политическому противнику Олегу Святославиичу Черниговскому. На основе текстологического анализа установлено, что заключительная часть «Поучения», Молитва Богородице, Владимиру Мономаху не принадлежит (Н.Н.Воронин, Д.С.Лихачев, Р.Матъесен и др.). Существует мнение, что автором Молитвы являлся Андрей Боголюбский, и ее текст оказался присоединен к «Поучению» в силу случайных причин [5, с.266]. Все фрагменты объединяет общая риторическая организация текста, но в жанровом и тематическом отношении каждый из них представляет собой самостоятельное произведение – отсюда представление о «Поучении» как о собрании сочинений князя, причем автобиография и письмо не имеют аналогов в XI–XII вв.

Исследователи отмечали языковую разницу фрагментов: большая их часть написана на древнерусском языке со старославянизмами, но автобиография – воспоминания о «путях» и «ловах» – на разговорном языке киевлян привилегированных слоев, так называемом «киевском койнэ» [30]. На киевском койнэ – чистом или со старославянизмами – писались и летописи, начиная с Древнейшего киевского свода (1039 г.), на нем же Владимир Мономах произнес свою речь на Долобском съезде князей [30, с.55].

В преамбуле по аналогии с жанром духовных грамот [14] использованы риторические приемы «аренги» – сообщения о причинах и обстоятельствах составления документа, и «промульгации» – перформативного высказывания, обращенного к тем, кто увидит или услышит содержащийся в документе текст. Такая форма преамбулы сближает «Поучение» с жанром завещания: именно так воспринимал документ его первый издатель А.И.Мусин-Пушкин, отразивший это в заголовке своей публикации [18].

В стилистике большинства фрагментов (кроме автобиографии) выделяются уничижительные тропы, которыми автор наделяет себя: «худый», «грешный», «грешный и худой». Эти слова коррелируют с эпитетами древнерусских авторов-монахов – «худой», «недостойный», «смирный», «многогрешный», но в данном случае сравнение не бесспорно: ведь как указывал еще В.В.Сиповский, «авторами русских произведений киевского периода были лица духовные, "книжные" по своей

специальности. В лице Мономаха мы встречаем писателя светского – князя, любимого народом правителя, удачливого полководца и крупного исторического деятеля» [25, I-2, с.73]. В ходе работы над этой статьей удалось обнаружить только один пример использования светским правителем подобного тропа в свой адрес: преамбула совместной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила об учреждении епископии в Смоленске (1150 г.) начинается со слов: «Се азъ грешный сын Мстиславль, надеяся на Матерь Божию на святую Богородицу, уставляю сию епископию»; «се азъ худый и грешный и недостойный епископ Маноил...» [28, с.215]. В этом парном высказывании Ростислав Мстиславич наделяет себя одним уничижительным тропом против трех подобных духовного лица, но смоленский князь приходился внуком Владимиру Мономаху и мог применить к себе монашеский троп в подражание риторике своего авторитетного деда.

Стилевые и логические искажения

Однако представляется очевидным, что великому князю Киевскому все же требовались не «монашеские», а иные описательные средства. Но на рубеже XI–XII вв. они могли еще не войти в литературный обиход, поэтому автору «Поучения» приходилось приспосабливать свои риторические фигуры к устоявшимся литературным нормам, а жанровая недостаточность вынуждала его использовать средства, получившие распространение в других жанрах, главным образом в летописях. Отсюда в тексте документа элементы монашеской риторики. Но в результате жанрово-стилевого смешения возникали логические нестыковки. Например, Л.Г.Дорофеева отметила соединение в качестве подлежащего и сказуемого слов, относящихся к разным предложениям и возникшее вследствие этого смысловое противоречие: «[1] Я, худый... [2] (христианских людей) соблюл по милости своей» [7, с.196–197]. По мнению исследовательницы, такой текст рисует образ Владимира Мономаха как человека «эгоцентрического типа сознания», который может «по своей милости» сохранять, то есть «соблюдать» других людей, но «как этот человек, осознающий в начале фразы свою "худость", в конце предложения вдруг говорит о своей добродетельности, являя образец гордыни?» [7, с.197].

Основная идея автора состоит в соотношении «Поучения» с концепцией религиозно-символического мировоззрения писателей XI–XIII вв. (А.Н.Ужанков) и выделении на ее основе концепта христианского сми-

Владимир Всеволодович Мономах. «Царский Титулярник» (1672 г.)

рения, который Л.Г.Дорофеева прилагает к Владимиру Мономаху. Но именно указанный концепт, соответствующий монашеской книжности, и создает ощущение несоответствия. А если его не применять, то никакого несоответствия нет: киевский князь в то время обладал всей силой властных полномочий и в естественном осознании этого факта для него не было ни морально-этических, ни каких-либо иных составляющих.

Однако основным источником логических нестыковок являются языковые искажения, возникавшие по вине переписчика или позднейших редакторов и переводчиков. Явное извращение смысла обнаруживается, например, в высказывании о пользе ночной молитвы: «Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнете не мочи, а трижды...» [4, I, с.462]. Получается, что если человек здоров, ему нужно совершить один земной поклон, а если болен, то три. Как такое возможно? Очевидно, изначальный смысл раскрывается в продолжении этой фразы: «...тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ чловѣкъ побѣждаетъ дьявола» [4, I, с. 462]. Поэтому «поклонитися» в оригинале, видимо, относилось к «аще можете», а «пѣньемъ» – к «а ли вы ся

начнет не мочи». Тогда смысл высказывания получается другой: если вы здоровы, то положите один земной поклон, чтобы победить дьявола и избавиться от содеянных за день грехов, а если больны, то трижды пропойте (определенную молитву). Культура пения была широко распространена в Киевской Руси уже в XI в., притом учили пению не только лиц, готовившихся к принятию духовного звания, но также мирян и даже князей [10, с.113–114]. А ночной молитве вообще придавалось особое значение по сравнению с другими суточными ритмами (Антоний Великий, Афанасий Великий, Иоанн Златоуст и др.). О том, что сам Мономах владел культурой пения, свидетельствует митрополит Никифор, который в своем послании к нему говорит: «возьми третий псалом первого часа, который является сотым, и *внимательно пой его* (курсив мой. – С.А.): "Милость и суд воспою Тебе, Господи". Он есть истинный пример царского и княжеского образа» [21, с.268].

В некоторых случаях ясность повествования нарушается из-за путаницы с однородными членами предложения. Такой пример обнаруживается в высказывании Мономаха о его ранних походах: «и паки к Смоленьску со Ставкомъ с Гордятичемъ, той паки и отъиде к Берестию со Изяславомъ, а мене посла Смоленьску» [4, I, с.464]. Парные сказуемые в этом высказывании «отъиде» – «посла», но из-за их перемещения внутри фразы возникло нарушение субъектно-объектной связи. Получается, что Мономах [«ходил»] (военным походом) к Смоленску со Ставком (который, кстати, нигде больше в источниках не упоминается), который затем «отошел» (воевать) к Бресту вместе с князем Изяславом Ярославичем, а Мономаха «послал» (воевать) к Смоленску. Главным носителем действия выступает Ставко, князь Изяслав Ярославич, дядя Мономаха по отцу и, кстати, великий князь Киевский (1054–1068 гг.), представлен в пассивной роли, а сам Мономах оказывается исполнителем распоряжений Ставко, чего не могло быть никак. Ставко – боярин, воевода или старший дружинник – не мог отдавать никаких распоряжений ни князю, ни княжичу (Мономаху на тот момент было 15 лет), как не мог самостоятельно принимать никаких стратегических решений. Поэтому «отъиде», вероятно, относится к Ставку, а «посла» – к Изяславу. Тогда фраза должна была складываться следующим образом: ходил я (т.е. Мономах) к Смоленску со Ставком и Изяславом, затем Ставко отошел к Бресту, а Изяслав послал меня снова к Смоленску. Стилистический прием повтора предлога, который в «Поучении» встречается еще дважды в словосочетании «с половци с читѣвичи», коррелирует с языком былинных текстов и является элементом поэтики древнерусского языка и литературы.

Искажения в тексте появлялись и вследствие перестановки однородных членов предложения, изначально относившихся к разным словам. Например, в высказывании об очередном столкновении с половцами «наши онѣхъ боле избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти» [4, I, с.466] такими однородными членами являются «избиша», «изымаша» и «не смѣша». Но как это победители чего-то «не смели»? Истинный смысл фразы состоял в том, что «наши» в той битве «избили» половцев, «изъяли» у них коней, и побежденные ни одного коня «не смели» у победителей потребовать назад.

Битва Владимира Мономаха с половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи (XV в.)

Смысловую нестыковку можно было бы усмотреть в авторской интерпретации герменевтического круга «кровь» > «убийство» > «погибель души» > «беззаконие»: суждения, высказанные князем в автобиографии, противоречат христианским принципам, которые приводятся в своде изречений. Но не все так просто.

Общий эмоциональный настрой в этом ряду наставлений задает библейская цитата в своде изречений, которая содержит молитвенное воззвание к Богу: «Избави мя от творящих беззаконье, и от мужа крови спаси мя» [4, I, с.458]. Продолжение цитаты, которое, как подразумевалось, было хорошо известно реципиентам монолога, гласит: «Яко се уловиша душу мою, нападаша на мя крепцыи, ниже беззаконие мое,

ниже грех мой, Господи» (Пс. 58:2–3). «Муж крови» – метафорическое обозначение коварного, кровожадного и льстивого человека (Ср.: Пс. 5:7). Сближение лексем «беззаконие» и «муж крови» создает между ними эффект синонимии, а вся цитата риторически направлена против недругов князя, которые покушаются на него без вины с его стороны (без его «греха» и «беззакония»). В этом высказывании через прием цитирования поднята тема личной безопасности правителя, которая восходит уже не к христианской литературе, а к правовой области обеспечения государственной стабильности. Через риторический прием и «опосредованность» библейского текста выражена нормативная идея преступности («беззакония») любого выступления против системы власти и ее законного представителя.

«Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повинень смерти, а душа не погубляйте никакаяже хрестьяны» [4, I, с.462]. Это риторическое обращение с отрицанием содержится в грамотице как одно из главных личных наставлений монарха. Настрой речи передает крайне негативное отношение говорящего к предмету высказывания – убийству христиан; для эмоционального усиления речи использована риторическая фигура отрицания. Важно, что сдерживающий фактор в данном случае направлен не против системы княжеского судопроизводства, как можно было бы думать, а против распространенных фактов феодального самоуправства, характерный пример которого приводится в Патерике Киево-Печерского монастыря [13, с.98–100]. В 1093 г. младший брат Мономаха Ростислав Всеволодович со свитой направлялся в монастырь, чтобы получить благословение перед походом на половцев. На берегу Днепра им встретился монах Григорий, вышедший за водой: «Случилось въ монастырѣ, что осквернился сосудъ отъ паденія в него какого-то животнаго; и по этому случаю преподобный Григорій пошелъ къ Днѣпру за водой...» [13, с.98]. Отроки, младшие дружинники князя, грубо надругались над ним, а тот в отместку предсказал им и их князю смерть от воды. Разгневавшись, Ростислав приказал утопить монаха, что и было выполнено, после чего битву с половцами князь проиграл и отступая, утонул в реке Стугне вместе со всей своей уцелевшей дружиной. Детям Владимира Мономаха, реципиентам его монолога-«Поучения», эта история была хорошо известна, так как в той битве Мономах участвовал вместе с братом и на похоронах старца Григория присутствовал, «молитвы ради» – то есть ради загробной молитвы Григория за Мономаха перед Святым Престолом. Цель этого высказывания князя состояла в предостережении своих детей, на момент создания текста уже зани-

мавших разные княжеские престолы, против актов немотивированного насилия, которые автор монолога приравнивал к преступлению против религии (погубление христианской души).

Топосы грамотицы – поведенческие паттерны средневековья

Наставления, содержащиеся в грамотице, как речевые формы убеждения хорошо структурируются в виде топосов [2] – устойчивых

смысловых тематических блоков, которые «как форма отражения нашим сознанием действительности являются инструментом наращивания, уточнения и дифференциации мыслей» [2, с.71]. То есть топосы представляют собой «нечто похожее на топики английского языка» [2, с.37]. Каждый топос составляет насыщенный смысловой блок, который можно рассматривать в разных аспектах и в педагогической речи выделять в отдельные подтемы:

«слезы своя испустите о грѣсѣх своих» [4, I, с.462] – слезы связывались с покаянием и мольбой об отпущении грехов; «испустити слезы» сравнимо с фразеологизмом «испустити молитву», означавшем «молиться, усердно просить»: возможно, «испустити слезы» означало покаянную молитву;

«всего же паче убогих не забываете» [4, I, с.462] – «убогими» называли нищих и больных [8, с.746]: по распространенным верованиям, они могли наслать сильное проклятие на тех, кто просто не подал им милостыню;

«не кленитесь Богомъ, ни хреститесья» [4, I, с. 462] – слово «клятва» в первом значении обозначало «присягу», во втором – «заклятие, проклятие»; нарушивший клятву Богом обманывал Его и получал «проклятие свыше»: душа клятвопреступника лишалась вечной жизни;

«гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ» [4, I, с.462] – «гордость» ассоциировалась с надменностью, корыстолюбием [8, с.128] и хвастливостью [28, I,1, с.613–614]; «гордый» правитель не мог считаться благочестивым и обрести популярность у подданных; «сердце» и «ум» мыслились двумя началами человеческой личности, «вместилищем» всех человеческих качеств;

«старыя чти яко отца, а молодыя яко братью» [4, I, с.462] – парафраза из Послания к Тимофею апостола Павла: «старцу не твори пакости, но утѣшай, якоже отца, юноши, якожу братію» (1Тим: 5.1); этим высказыванием Мономах очерчивал нормы взаимоотношений между поколениями;

«не дайте пакости дѣяти отрокомъ» [4, I, с.462] – «отроки», выезжая куда-либо с князем, имели обыкновение грабить «своих» и «чужих» – «творити пакости»;

«страхъ Божий имѣйте выше всего» [4, I, с.462] – «страхъ иногда в писаниі значить почтение и надобен благочестивым людям» [8, с.672].

Перечисляя поведенческие схемы, которые, судя по краткости и четкости описания, представляли собой набор устойчивых действий, князь делился с детьми собственным онтологическим опытом. Как наиболее типические, повторяющиеся реакции на коммуникативно ориентированные ситуации, элементы этого опыта могут быть отнесены к паттернам. Иначе говоря, в грамотице князь обозначил поведенческие шаблоны древнерусского князя в рамках социума XI–XII вв., которые характеризовали правителя с наилучшей стороны и встречали наиболее положительный отклик у населения.

Война в картине мира XI–XII вв.: христианство и язычество

В автобиографической части при описании непрерывных междоусобных и внешних войн радикально меняется авторский стиль: на смену назидательно-благочестивому тону приходит собранный, деловой, лаконично-событийный характер повествования. С позиций Мономаха и других князей XI–XII вв. война для государства – явление неизбежное и фактически непрерывное. Но как же сочеталось в «Поучении» это представление с религиозным пониманием человека и его ответственностью (греховностью) перед Богом?

Вот пример из текста, где с использованием приема гиперболы Мономах повествует о походе против одного из мятежных городов: «И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изъѣххом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины» [4, I, с.466]. Такая «зачистка» не являлась чем-то особенным, выходящим из ряда вон, но в этом высказывании примечательно то, что христианский город впервые был захвачен и razoren дотла с помощью наемников-половцев: используя их, Мономах открыл другим князьям наемничество как важный ресурс феодальных междоусобиц [10, с.157]. Где уж тут «душа не погубляйте никакаяже хрестьяны»? Однако автор не видит никаких противоречий со своей христианской риторикой.

Стилевая лаконичность в его описаниях часто принимает вид почти списочного перечисления: «И Всеславъ Смоленскъ ожже... Тем же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожь-

ска, та на Дрьютъскъ воюя...»; «И потом Олегъ на мя приде с Половчъскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с ним 8 дний о малу греблю (т.е. за малый вал. – С.А.) ...»; «И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по три зимы ходихом Смолинску. И Смолинъска идох Ростову» [4, I, с.466-468]. За этим кратким перечнем стояли кровавые будни, но в тексте полностью отсутствуют оценочные суждения. Как же ощущались онтологические корни категорийного ряда «смерть» > «убийство» > «грех» в представлениях Мономаха о природе войн?

В картину мира людей XI–XII вв. война представляла собой фактор, формировавший устойчивые стереотипы восприятия и социального поведения. В рамках стратегии адаптации к нему даже образованная часть общества закрывала глаза на то, что постоянные междоусобные конфликты, разъедавшие и разделявшие феодальное государство изнутри, выступали точкой прерывания связи человека с Церковью, то есть с Богом. Любой князь, отправляясь в поход, воспринимал войну как неизбежность, но не как событие, требовавшее церковной исповеди. Поэтому у Мономаха в этом фрагменте отсутствует христианская риторика, а эмоциональное «настроение текста» создается внутренней убежденностью, переходящей в универсальную уверенность, что смерть на поле боя не является убийством и не нуждается в покаянии. Эта мысль, в частности, выражена с помощью риторического вопроса: «Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши» [4, I, с.474]. Если смерть в бою («в полку») не диво и так умирали лучшие из предков, то значит, она обыденна и потому в ее восприятии нет никакой морально-этической составляющей. Следовательно, гибель противника в битве не имела ничего общего с убийством: это явления разного порядка. Таким образом, в мировоззрении Владимира Мономаха пространство войны выпадало из пространства Церкви и выводило его в другую систему координат, где он, как и другие князья, не придерживался принципов христианской жизни. Такое разделение имело следствием временное обращение к древним языческим традициям, по крайней мере к некоторым, связанным с войной. В мирное время князь находился в пространстве Церкви и стремился соответствовать ее предписаниям, а в походе он чувствовал себя в ином, полуязыческом, пространстве и молился не Богу, а собственными предкам.

Поэтому в его понятийной интерпретации «кровь» > «убийство» > «погибель души» > «беззаконие» не было логической нестыковки: в мирное время князь придерживался христианского требования «ни права, ни крива не убивайте», а в периоды конфликтов с другими князьями, ко-

гда по его вине гибло много народу, в том числе мирного, для него резко менялся уровень трансцендентной реальности и христианские заповеди теряли сдерживающий эффект. Поэтому Мономах не видел преступления ни в использовании половецких наемников, ни в уничтожении с их помощью христианского города: истребление мирного населения наряду с реальным противником не ассоциировалось у него ни с гибелью христианских душ, ни с погибелью собственной души.

К.Мирошник. Владимир Мономах у Золотых ворот в Киеве. Фрагмент (2000 г.)

Речевой образ Владимира Мономаха

В каком же речевом образе желал предстать Мономах перед реципиентами своего монолога? Об этом можно судить уже по преамбуле.

После первых четырех с половиной утраченных строк «Поучение» начинается с самопрезентации, которая является ключом ко всему последующему тексту: «Азь худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, нареченый... русьскимъ именемъ Володимиръ...» [4, I, с.456]. Противопоставляя себя Ярославу Мудрому, Владимир Мономах, великий князь киевский, риторически декларирует свое несовершенство (как правителя? как христианина?) по сравнению с великим предком. По словарю И.И.Срезневского, слово «худый» (хоудый) означало не только «дурной» и «слабый», но также «не обладающий достоинствами», «ничтожный» и употреблялось для выражения самоуничтожения [27, III-2, стб.1417–1419]. Определение этого слова у В. Даля – «неладный, негодный; в чем или в ком недостатки, пороки, порча» [6, IV, с.568–569]. Еще более отрицательное значение приводит Словарь

русского языка XI–XVII вв.: «предосудительный, безнравственный» [26, IV, с.377–378]. Но как же это великий князь Киевский перед собственными детьми называет себя слабым и безнравственным? Последующий текст решительно опровергает такую характеристику: «Поучение» рисует «положительный, даже можно сказать, идеальный образ князя, в котором отнюдь не механически, а органично и иерархически соединены церковные добродетели: вера, покаяние, молитвенность, стремление жить по заповедям – все, что включает в себя смирение перед волей Бога, и идея княжеского – светского – служения с чертами, ему присущими: храбростью, доблестью, политической волей и мудростью государственного правителя, нацеленного на сохранение единства Русской земли» [7, с.209].

Риторическое самоуничижение соответствовало литературным требованиям к описанию монашеского подвига [3, с.112], но для повествования о светском герое, сочетавшем в себе общехристианский и феодальный идеалы, оно не годилось и скорее являлось следствием поиска подходящей литературной формы, чем реальным отражением «смирения как идеи и способа жизни» (Л.Г.Дорофеева). Однако в результате жанрового смешения такая фраза изначально задает тон неуверенности и нерешительности автора в отношении последующего текста, по крайней мере если судить по подбору речевых средств, и это при том, что любая нерешительность была несовместима с геральдичностью и церемониальностью образа средневекового князя в летописях, где любые его колебания изображались как проявления политических убеждений, но не черт характера [16, с.30].

«... и хрестьяных людей дѣля, колико бо сблюдѣ по милости своей и по отни молитвѣ от всѣх бѣд!» Связь этой фразы с предыдущей в силу ее неполноты не совсем ясна, но она как будто подтверждает высказанное выше предположение о поиске индивидуальных авторских речевых средств. Однако данное высказывание выпадает из предыдущего и последующего текста, тонально приближаясь к оправданию (перед Богом? перед своими детьми?). Полуязыческая молитва предка, отца или деда, встречается в летописях вплоть до XIV–XV вв.: в трудных жизненных ситуациях, особенно в походах, люди молили о помощи воинственных предков. Так, в Лаврентьевской летописи под 1171 г. указано, что переяславскому князю Михаилу Юрьевичу и его брату Всеволоду Юрьевичу в битве «помогает молитва дедня и отня» (ПСРЛ: I, стб.363). Однако, расширяя освященное традицией охранительное действие отцовской молитвы, Владимир Мономах уточняет, что просил не за себя,

а за других «христианских людей», которых он «соблюл», то есть спас, по загробному заступничеству своего отца. В этом высказывании нет эгоцентричности (Л.Г.Дорофеева) – напротив, в нем отразилось высокое сознание долга сюзерена перед своими подданными, в рамках мировоззрения XI–XII веков допускавшего действительность вербальных средств защиты от всяческих негативных эгрегоров.

Со следами язычества в мировоззрении Владимира Мономаха связано еще одно высказывание, в основе которого лежит прием опосредованного цитирования: «Епископы, и попы, и игумены (чтите), с любовью взимайте от них благословенье, и не устраняйтесь от них, и по силѣ любите и набдите, да примете от них молитву... от Бога» [4, I, с.462]. Источником цитирования, возможно, является Изборник 1076 года, где содержится близкое по содержанию наставление: «Епископомъ и пастухомъ Христова стада словесныхъ овецъ главу свою покланяй и припадай къ ногама ихъ, и моли да дасть ти ся благословение ихъ. Прозвутеры ерея Христовы, предъстателя таинѣй его трапезѣ и дробителя тѣлу его всякую чѣстью почѣсти и съ страхъмъ възирай на ня. Таже дияконы, иподьякони, анагносты и акы служителя Божия съ вѣрою помышляй, и тѣшися ниединомуже ихъ ни въ чемъ же прѣгрѣшити» [4, II, с.432].

В условиях незавершенной переориентации святости с материально-физического на идеально-духовное остатки язычества исчезали очень медленно, и на рубеже XI–XII вв., когда создавалось «Поучение», языческое представление о вознаграждении богоугодных людей земным изобилием только начинает вытесняться нравственной христианской идеей божественной любви и милосердия [30, с.455]. В рамках уходящих языческих представлений нравственная оценка человеческих действий определялась всего по двум критериям: любимцы богов становились «богатыми», отверженцы богов – «убогими». В риторике Мономаха этот дохристианский субстрат тоже присутствует, хотя и не в чистом виде. Наслаиваясь на христианские требования уважать священников, он переплотился в идею ожидания награды свыше за почитание духовных лиц. Идея земного воздаяния по молитве епископов, попов и игуменов коррелировала с загробной молитвой старца Григория, убитого по приказу Ростислава Всеволодовича, и с советом детям «проводить покойника» (в последний путь) (надъ мертвеця идѣте): за присутствие на похоронах следовало ожидать награду в земной жизни.

Прием аренги раскрывает мотивы создания текста: «Сѣдя на санех, помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго

допровода» [4, I, с.456]. В связи с ритуальной функцией саней в похоронном обряде Древней Руси, выражение «сѣдя на санех» интерпретируется как «будучи в преклонных годах», «на пороге смерти», «стоя одной ногой в могиле». Обычно эту фразу толкуют в том смысле, что князь чувствовал близость смерти – покойников для отпевания везли в храм на санях, как, например, Владимира Святославича (ПСРЛ: I, стб.130) или Ярослава Мудрого, тело которого доставили из Вышгорода в киевскую Софию, «возложив на сани... в первую субботу поста святого Федора» (ПСРЛ: I, стб.162).

Но данное выражение связано также, а может быть и в первую очередь, с транспортной культурой Киевской Руси: в XI–XII вв. мужчины, даже монахи, ездили только верхом, а сани употреблялись круглогодично для перевозки больных, раненых, калек, стариков, а также женщин и детей, с переменной зимних и летних полозьев [1, с.30]. Таким образом, базовая оппозиция представлений о средствах передвижения принимала следующий вид: молодость/здоровье/сила/ехать верхом > старость/болезни/немощность/ехать на санях. Но декларируя собственную старость, Владимир Мономах отходил от принятого в летописях вневозрастного образа правителя, когда каждый князь увекочивался в своем идеальном, вневременном состоянии. Читателю летописи возраст князя (детство, старость) становился ясен только тогда, когда этот самый возраст, как и болезнь, препятствовал его действиям [16, с.30].

Выражение «Богъ мя сихъ днєвъ... допровода» в отношении времени восходит, очевидно, к индивидуальной авторской речи князя. Глагол «допроводити/допроводити» означал «проводить до уреченного места», «доставить», «доставить» (или, в переводе Д.С.Лихачева – «сохранить») и употреблялся в связи с пространственными перемещениями. Например, в летописях: «отходяче со словь царства нашего да допроводать къ вел. кн. русскому Игореву» (ПСРЛ: I, стб.34); «Рогъволодь же изъ Половѣска допровода (Святослава) до Смоленьска» (ПСРЛ: II, стб.350); «Ярославъ... допровода ю (жену Изяслава) до Гомѣя» (ПСРЛ: II, стб.344) и пр. В данном случае выражение семантически связано с представлением о том, что перемещение в другую точку времени, как и пространства – процесс длительный, трудный и непредсказуемый. Смысловая ассоциация с глаголом «добираться/добраться» в значении «перемещаться, преодолевая трудности в физическом или каком-либо ином смысле», очевидна и предполагает соотнесение с языковыми выражениями, включающими идею препятствия [9, с.46], а также сочетаемость с выражениями Божья воля и Божья милость. Не случайно учительная

часть – грамотица – предваряется призывом: «... дѣти моя, похвалите Бога, давшаго нам милость свою...» [4, I, с.460]. Общий смысл аренги состоит в том, что Мономах представлял свою жизнь, как исполненную больших трудностей и препятствий на всем ее протяжении, а себя – как неоднократно избежавшего смерти.

Промульгация резюмирует предыдущий текст: «Да дѣти мои, или инь кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но емуже любя дѣтий моихъ, а приметь е в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, такоже и тружати... Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвиль» [4, I, с.456]. В этих высказываниях соединились основные риторические элементы предыдущего текста: декларация старости и близости смерти, к которым добавились сомнения в коммуникативном признании своего речевого образа и адресация детям. Выражение «на далечи пути» коррелирует с выражением «на санех сѣдя»: оба восходили к представлениям о скорой кончине. «Со смертью, говорит Котляревский, душа отправляется в иную, далекую область; потому переход в вечность, как в старину, так и ныне, обозначается описательным выражением далекого пути. В этом смысле говорил Владимир Мономах своим детям, что он стоит "на далечи пути". По малорусской поговорке: смерть – неминующая дорога; русское областное (арханг.) странствовать значит хворать, удорожить – довести кого-нибудь побоями до смерти» [10, с.75].

Вероятность непонимания или даже неприятия монолога выражена в тексте супплетивными формами «не посмейтеся» > «[д]а не поохритаются» (у Д.С.Лихачева) или «не подсмеются» > да не насмеются» (у И.И.Срезневского). Еще один вариант, предложенный Л.Г.Дорофеевой, «не посмейтеся» > «[д]а не погневаются/не подосадают» [7, с.199] – также возможен. Предположение Мономаха о том, что его «Почтение» кому-то из детей окажется «не любо», или не все они «примут его в сердце свое», может свидетельствовать о размолвках, которые часто случались в феодальных семьях между детьми от разных матерей, но, с другой стороны, родительское отношение подразумевало абсолютный авторитет отца, исключавший любые сомнения и критику, да и грамотица могла попасть в чужие руки лишь случайно («или инь кто»). Так что соотнесение последующего текста с «безлепицей» следует считать скорее фигурой речи, чем отражением реальных сомнений автора.

Объективный смысл преамбулы состоит в том, что в ней риторически сформулированы дальние политические цели Владимира Мономаха и мотивы создания «Почтения». Исполнителями этих целей он видел

своих детей, но сомневался, что они безусловно разделят и верно осуществят его надежды. Выстраивая свою родословную по схеме «дед > отец» и «мать > старший сын», в нарушение действующей на Руси лестничной схемы «дядя > отец > следующий по старшинству брат», он провозглашал новый принцип киевского престолонаследования. По обычаю, наследные права передавались сначала от брата к брату до конца поколения, а потом к старшему из братьев следующего поколения. Но по схеме, предложенной Мономахом, преимущественное право на киевский престол, который занимал он сам на момент создания «Поучения», должно было перейти к его старшему сыну Мстиславу Владимировичу (что и произошло), а дальше, по европейскому образцу, к потомкам Мстислава Владимировича по старшинству.

Исходя из религиозно-нравственной концепции текста, принято считать, что он был адресован будущим правителям Руси (Д.С. Лихачев, В.В. Сиповский и мн.др.), но преамбула этого не подтверждает. «Поучение» создавалось в качестве духовно-политического наставления исключительно для сыновей князя. «Аще забываете сего», – говорит он, – «а часто прочитаюче: и мнѣ будетъ бе-сорома (т.е. не стыдно. – С.А.), и вамъ будетъ добро» [4, I, с.464]. Форма «прочитаюче» относится к настоящему времени: прочитывая, или перечитывая, то есть подразумевалось, что «Поучение» будет востребовано в скором времени именно сыновьями князя, а не неизвестными лицами в неопределенном будущем, как представлено в современной учебно-научной литературе. И, кстати, перечитать возможно только имея под рукой текст, а он ни в южных, ни в северных памятниках древнерусской литературы нигде не отразился и оставался неизвестен вплоть до публикации 1793 г. [10, с.28].

И далее: «Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома съдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земель» [4, I, с.464]. Пример Всеволода Ярославича, выучившего пять иностранных языков «дома съдя», не мог получить широкого признания в XI–XII вв., когда образ жизни древнерусских князей был неразрывно связан с разъездами и войнами, а образованных людей среди них было крайне мало¹. Адресация детям все расставляет по своим местам: Ярослав Мудрый, Всеволод Ярославич и Владимир Всеволодович – для них они были не просто прадедом,

¹ Лишь много позже близкого уровня достиг император Священной Римской империи Карл V (1500–1558), считавший, что «Испанским языком с богом, Французским – с друзьями, Немецким – с неприятельми, Италиянским – с женским полом говорить прилично» // Ломоносов М.В. *Российская грамматика*. СПб., 1755. С. 6–7.

дедом и отцом, но в силу высоких личных качеств служили главными примерами для подражания. Происхождением от византийского императора Константина IX Мономаха (1000–1055 гг.) и от нескольких поколений удачливых и, главное, образованных и мудрых правителей, Владимир Мономах обосновывает правомерность нового принципа. Тому же призван был соответствовать и его собственный речевой образ в тексте, и пример «отней молитвы», риторически объединявший его с пращурами. Но князь сознавал, что новый принцип вызовет сильное противодействие, поэтому призывал своих детей «трудиться» и разъяснял им механику «труда», а элементы сомнения в его речи отражали скорее терзания отцовских чувств, чем колебания в отношении избранной цели.

Мудрый правитель, согласно «Поучению», должен в первую очередь следовать нормам вероучения православия и разделять христианские ценности. Этому посвящен свод изречений, который начинается с цитат из Псалтыри, «вынувшихся» князю во время гадания, и расширяется за счет привлечения других христианских авторов. Троп «мудрость» в этой части текста распадается в дихотомии «мудрость Творца > несовершенство человека» и, как продолжение, – на «Божье творение > творчество человека». В эту схему вовлекается и «Поучение»: «Велий еси, Господи, и чудна дѣла твоя, никак же разумъ челоувѣчскъ не можетъ исповѣдати чудес твоихъ... устроены на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣт, и земля на водах положена, Господи, твоимъ промыслом... И сему ся подивуемы, како птица небесныя из ирья идут... Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите Бога, давшаго нам милость свою, а се от худаго моего безумья наказанье» [4, I, с.460]. Разводя «словца божественные» и «свое худое безумье» (слабый разум), Мономах акцентирует контраст упоминанием о рае («ирий, вырий»), как недостижимой области идеального, куда, по некоторым славянским представлениям, на зиму удаляются звери и птицы, но который недоступен для человека. Таким приемом подчеркивается тщетность человеческих усилий, не обретших поддержки высших сил – милости Бога.

В то же время следует отметить, что декларируя христианские ценности, Мономах, именовавший себя на печатях на византийский манер «благороднейшим архонтом земли русской», не принимал христианство как норму жизни в абсолютной полноте: продолжал верить в отцовскую молитву и не скрывал отрицательного отношения к институту монашества, противопоставляя келейной созерцательности активную практическую деятельность: «ни одиночество, ни чернечество, ни голодь, яко

инии добрии терпят, но малым дѣлом уллучити милость Божью». Однако в XI–XII вв. такая установка могла и не восприниматься как отход от религиозных норм, а скорее как естественное и самоочевидное условие повседневности привилегированных сословий [12, с.22], которых летописи прославляли «литературными героями» – летописца не интересовали люди, низко стоящие в иерархии общественных отношений. Но читательский круг у летописей был очень узок, поэтому именно жизнь, а не литература, не литературная традиция вырабатывала идеалы той эпохи, которые и в действительности, и в литературе служили «мерилами людей» [16, с.29].

Негативные примеры поведенческих моделей

В «Поучении» одна из центральных тем – «лень» и пагубность ее воздействия на человека. В этой части монолога использован риторический прием апелляции с привлечением примера из личного опыта князя:

«Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви... А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт» [4, I, с.464]. Труд (трудъ=трждъ) для древнерусского князя – это битвы (пути и сечи) и охота (ловы). Отсюда однокоренное существительное трудоположьникъ=трждоположьник, означавшее «боец», «защитник». Основной антитезой «лени», помимо «труда», в тексте объявлена «мудрость», которая представляет фигуру контраста активной жизни с освоением новых знаний бездействию как форме пассивной жизни и бесплодного невежества: «Лѣность бо всему мати: еже умѣть, то забыть, а егоже не умѣть, а тому ся не учить» [4, I, с.464]. Чему же должен был учиться древнерусский князь? В «Поучении» выделено три сферы, где от него требовалось разумное отношение и грамотное поведение: дом, война и церковь. «В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящи к вам ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣдению не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже ляжите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не разглядавшѣ лѣнощами, внезапно бо человекъ погыбаеть...» [4, I, с. 462].

Тема внезапной смерти еще не раз прозвучит в «Поучении», но здесь важно отметить наставление не снимать оружия, «по лености» не оглядевшись, и не предаваться в походе ни хмельному питью, ни обильной еде, ни долгому сну, что контекстно также связано с топосом «лень» (вот

И.Я.Билибин. Владимир Мономах (1926 г.)

если бы накануне битвы при Калке вспомнили эти советы!). Недогляд, недосмотр оборачивался для князя позором и смертью: смерть могла его настигнуть, если он не обнаружил притаившегося врага (=поленился осмотреться и погиб), а «обеда» в его доме служили показателем статуса: чем больше людей садилось за стол и чем обильнее было выставленное для них угощение, тем почетнее. Если же гости находили какое-либо несоответствие, они смеялись, и это считалось позором (=поленился распорядиться и осрамился). Такой трактовки больше нет нигде, ни в русской, ни в европейской литературе.

Тема застолья у самого Мономаха раскрывается в посланиях к нему митрополита Никифора. Послания церковных иерархов светским властителям как речевой жанр религиозной коммуникации содержали письменные наставления, охватывавшие не только вопросы духовности. Грек Никифор сохранил нравственный портрет Владимира Мономаха, риторически дополнив его характеристику. При этом их отношения не могли быть ни теплыми, ни доверительными, как принято считать: Никифор являлся выдвигенцем князя Святополка Изяславича (1050–1113 гг.), предшественника на киевском престоле Владимира Мономаха и его политического противника. Кроме того, уже в период своего великого княжения Мономах поддержал притязания на византийский престол самозванца Льва Диогена, а затем его сына Василия, что привело к русско-византийской войне 1116–1122 гг. Косвенным свидетельством

сдержанного отношения самого князя к церковному иерарху считается то, что рекомендуя своим детям «любить епископов, попов и игуменов», он пропустил митрополита [24, с.173].

А Никифор, комплиментарно превознося Мономаха, оставался чужд его образу жизни и устремлениям, но не мог говорить об этом прямо. Однако в отношении княжеских застолий ничто не могло скрыть его сарказма, выраженного посредством распространенного в образованных кругах Византии приема опосредованного цитирования: «Знаем, что другим на пирах вкусно готовишь и бываешь "для всех всем, чтобы приобрести всех – и законных, и незаконных", ради княжеского величества... Делаешь это ради княжения и власти, и [когда] обедаются и упиваются другие, сам остаешься, сидя и наблюдая едящих и упивающихся, и по малому вкушению и малой воде кажется – и ты с ними ешь и пьешь» [21, с. 266].

Смысл высказывания раскрывается через корреляцию с Посланием апостола Павла: «Для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных. Для чуждых закона – как чуждый закона... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1Кор 9: 20–22). Лестное сравнение с речью апостола можно было бы истолковать, как неявное наделение Мономаха равноапостольным достоинством, но истинная суть высказывания раскрывается в разнице мотиваций. Апостол говорил: «Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его» (1Кор 9:23) и подчеркивал свое бескорыстие: «благовествую о Христе безмездно». Мономах же устраивал пышные застолья «ради княжения и власти и княжеского величия». Обвинение в стремлении «приобрести всех – законных и незаконных» контекстно далеко от первоначального смысла цитаты, а из уст митрополита равнозначно упреку в двуличии. Этот неявный выговор – еще один штрих в пользу неоднозначности образа Мономаха-христианина, на которую обращал внимание еще М.Д.Приселков, подчеркивая, что князь «остается глухим к заданиям Русской церкви» [24, с.182].

Ценностные ориентации

В «Поучении» широко используются риторические приемы, направленные на согласование оценочных суждений говорящего со слушателями. На первый взгляд, предметом согласования выступают ценностные ориентации, основанные на приоритетах христианина в соединении с онтологическим и аксиологическим опытом автора монолога. Однако

преобладание рационального над эмоциональным в его речи не только сдвигает акценты, но и выводит некоторые ее элементы за пределы христианских ценностей. Так, Мономах говорит: «Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или соль; аще не можете даромъ – брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человекъ ка по всѣмъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ» [4, I, с.462]. Значение слова «унеинъ» (отсутствует в большинстве словарей) – «просящий», «алчущий» [8, с.757] – в переводе Д.С.Лихачева «нищий». Первая часть высказывания коррелирует со средневековыми компилятивными «беседами», то есть дидактическими сборниками XI в., в которых в качестве одного из основных мотивов фигурирует метаниями бедности, развернутая по трехкомпонентной схеме «голодный–жаждущий–голый»: «Чядо, алчнааго накърми, якоже ти самъ Господь повелѣлъ, жаднааго напои, странна въведи, больна присѣти, къ тъмъници доиди, виждь бѣду ихъ и въздъхни» [4, II, с.410]. Метаниями бедности восходила к библейским текстам (Ис. 14:30, Пс. 40:2–3, Втор. 15:7–11 и др.) и сопровождалась рекомендациями проявлять милосердие к «нищим», то есть к беднякам. Но вторая часть высказывания Мономаха не только переносит акценты с безвозмездной помощи на «помощь с отдачей», но и, по-видимому, подразумевает другую социальную категорию «окормляемых». Сближение слов «унеин» > «гость» формирует синонимичность смыслового кода, но «гость» в древнерусском языке – это вовсе не нищий и не бедняк, а «приезжий или любой купец», то есть человек, который разъезжает по городам и весям, акцептирует и распространяет информацию и может повлиять на формирование или изменение имиджа. Значение слова «унеин» раскрывается через лексемы, связанные с передвижением: унеинъ > [(п)у(т)неин] > путьны/пътъны > путьткъ/пътъткъ – то есть относящийся к путешествию, путник. Поэтому под словом «унеинъ», очевидно, нужно понимать «алчущего» не в смысле «голодного бедняка», а в смысле «проголодавшегося в дороге путника». Именно такого человека Мономах советует угощать и одаривать особо, чтобы он потом «прославил по всемъ землямъ» оказанное ему гостеприимство. Интересно, что в числе пользовавшихся княжеским гостеприимством не упоминались паломники, хотя паломничество к Святым Местам в XI–XII вв. приобрело такой размах, что Церковь даже вынуждена была принимать меры для его ограничения [20, с.22]. Сам термин «паломник» появился только во второй половине XII в., а в более раннее время употреблялись его аналоги: «странник»/«сторонник», то есть путешественник по чужим

краям, и «поклонник» – калька с греческого *προσκυνητής*, производного от *προσκυνω*, *προσκυνησις*, обозначающего молитвенное преклонение колен или земной поклон [19, с.17].

Дорожный дискурс

С сюжетом дороги в «Поучении» связан риторический прием унаследованных от язычества охранительных заговоров и примет для путников, видоизмененных у Мономаха в обережную молитву. Сложившиеся в глубокую старину, эти устные тексты актуализировались на определенных этапах пути, в определенных обычае ситуациях. Сюжет дороги лежал в основе древних традиций, некоторые из которых впоследствии нашли отражение в жанровых формах хождений и паломнических рассказов: в них воплотились представления о непредсказуемости далеких перемещений и страх перед незнакомым пространством. Поэтому с целью избежать любой непредвиденности, на каждом этапе дороги люди стремились соблюдать приметы и ритуалы, в рамках которых символическим смыслом наделялись определенные действия, жесты, положения тела, элементы природного окружения, а также нахождение в той или иной точке дорожной сети: на повороте, на подъеме, на спуске с горы, у реки, переправы, болота, в лесу, пр. «Вербальные формы вписывались в невербальный контекст, актуализируя пространственный, предметный и телесный коды и вовлекая их в орбиту сюжета дороги» [31, с.15].

В «Поучении» сюжет дороги сопряжен с семантическим полем «путь» и распадается на «далекий путь» (= преддверие смерти), «пути князя» (= войны) и собственно пространственные перемещения, переданные глаголами семантических групп «ходить», «бежать» и «ездить». Однако группы «ходить» и «бежать», в основном, относятся к понятийному ряду «пути»: «ходить + N(города)» = ходить походом, «бежать от...» = отступать с поля боя. И лишь глаголы группы «ездить» принадлежат, по большей части, к сюжету дороги, как, например в рассказе Мономаха о посещении отца, который правил в Киеве, когда «стол» самого Мономаха находился в Чернигове: «а и-Щернигова до Києва нестишьды (т.е. около ста раз. – С.А.) Ъздих ко отцю, днемь есмь переѣздиль до вечерни» [4, I, с.468].

Утверждение, что из Чернигова до Киева можно было «доехать» за один световой день «до вечерни», если судить по контекстному нарративу, казалось современникам подвигом. Время в ту эпоху определялось по солнечному циклу: день начинался от условного восхода солнца,

примерно с шести часов утра, а вечерня, по действовавшему Студийскому уставу², отправлялась приблизительно с семнадцати часов [22, с.54]. То есть весь путь занимал около одиннадцати часов. При этом на Руси, не унаследовавшей дорожной системы Древнего Рима, «ездить» приходилось по бездорожью, через леса и разливавшиеся притоки Днепра. В лесах водились дикие звери и лихие люди, так что всякое путешествие ассоциировалось с опасностью: уйти и не вернуться. Недаром строгая мать не пустила в паломничество юношу Феодосия, будущего настоятеля Печерского монастыря в Киеве [20, с.21]. Она боялась, что удалившись от дома, он попадет в беду и погибнет.

Человек в XI–XII вв. страшился не только диких зверей и разбойников, но и вредных воздействий нематериальных сил, подстерегавших его как дома, так и особенно вне дома: на открытом пространстве, в лесу, на переправе, у болота, и пр. Риторический прием предупреждения от чего-то подобного присутствует у Мономаха: «Аще и на кони ѳздяче не будет ни с кым орудья, аще инѳх молитвъ не умѳете молвити, а "Господи помилуй" зовѳте беспрестани, втайнѳ: та бо есть молитва всѳх лѳпши, нежели мыслити безлѳпицю ѳздя» [4, I, с.462]. То есть князь советовал на всем протяжении дальнего пути повторять про себя «Господи, помилуй» вместо того, чтобы думать о «безлепице», под которой, очевидно, подразумевались дорожные традиции. Читать молитву – это «труд», по контрасту древняя обрядность оказывалась сродни «лени». Но в XI–XII вв. вопросы безопасности имели огромное значение: в рамках своего мировоззрения люди искали ее прежде всего в вербальных текстах и христианскому слову ожидаемо нашлось среди них место.

«О многострастный и печалны азъ!»

В последнем фрагменте «Поучения», Письме Олегу Святославичу («Гориславичу»), вновь меняется тональный настрой повествования.

Усиливается самоуничижительная риторика, весь текст пронизывают горькие раскаяния о «грехах», князь мучается сознанием невысказанной вины: «О многострастный и печалны азъ! Много борещися сердцемъ, и одолѳвши, душе, сердцю моему, зане, тлѳньнѳ сущи, помышляю, како стати пред страшным судьюю, кающья и смѳренья не приемшим межю

² *Студийский устав – набор правил, регламентировавших порядок церковных служб и использование текстов в византийской литургической традиции XI–XIV вв., разработанный Федором Студитом (759–826), настоятелем Студийского монастыря в Константинополе. На Руси Студийский устав был введен около 1070 г. и использовался до конца XIV в.*

собою» [4, I, с.470]. В этом изречении соединилось несколько сюжетных линий: топос «борьбы сердца с душой», то есть духовного с физическим началом, страх перед Страшным Судом и признание в своем раскаянии и смирении. В чем же каялся князь?

Литературе той эпохи была неведома внутренняя жизнь человека, ее не описывали ни в одном жанре. Более того: литературных праведников отличало состояние внутренней гармонии, а душевный разлад считался признаком дьявольского наваждения. Страстные желания ассоциировались с внутренним «адским» пламенем, а прекращение горения – с победой над нечестивыми помыслами [3, с.122]. В рамках этих представлений лексема «страсть» соотносилась с «сильным желанием чего-либо запрещенного» и по большей части означала «страдание», «мучение» [8, с.671]. В то же время эпитет «многострастный», который князь прилагает к себе, в христианской литературе применялся к мученикам и мученицам, формируя понятийный ряд «многострастный» > «многострадальный». Например, святую Феклу называли «първомученце многострастьна», а Иова – «многострастьни Иов», и пр. Прилагательное «печальный» в основном значении означало «скорбящий, траурный» [28, II-2, стб.924], а в более широком смысле – «тревожимый, возмущаемый нападающими» [8, с.421]. Словесный ряд позволяет уточнить высказывание Мономаха, которое передает сильные душевные муки. Сопоставимые с физическими (наподобие тех, что претерпевали святые), эти муки были причинены ему «нападающими» и обернулись для него «трауром».

Письмо было написано в 1096 г. после гибели сына Мономаха, Изяслава Владимировича, и адресовано его убийце (и крестному отцу!), Олегу Святославичу. В 1095 г. Изяслав отнял у Олега Муром и в 1096 г. пал в битве с ним за исход территориального спора. Но конфликт возник не случайно: Изяслав оказался вовлечен в многоходовую комбинацию отца по перемещению князей в волостях Смоленск – Новгород – Курск – Муром, задуманную и осуществленную им в союзе с киевским князем Святополком и направленную против Олега (РБС: 8, 72). Олег в частности Мономаха был уверен: «И посла Олегъ слы своѣ (т.е. своих послов) къ Изяславу, глаголя: "иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего (Муром); да хочю ту съдя порядъ створити со отцемъ твоимъ, се бо мя выгналъ из города отца моего; а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хочещи ми дати?"» (ПСРЛ: I, стб.237).

Курск и Муром после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) находились во владении князей черниговских, то есть на момент описываемых со-

Курская крепость. Первый детинец возведен в X–XI вв.

бытий принадлежали Олегу, и когда позднее сын Владимира Мономаха Юрий Владимирович Долгорукий захватил Курск, сын Олега, Святослав Ольгович, справедливо укорял его, говоря «держиши отчину мою» (ПСРЛ: II, стб.268). Это притом, что сам Мономах в Курске никогда не «сидел»: но передал Курск, а затем и Муром своему сыну, он сделал их частью владений князей переяславских – в этом состояла суть конфликта с Олегом Черниговским. С Новгородом у Мономаха все получилось – там надолго укрепился Мстислав Владимирович, Смоленск отошел к брату Олега – Давыду Святославичу, но уже через год (в 1097 г.) там утвердились – соправителями или сменяя друг друга – сыновья Мономаха Святослав, Ярополк и Вячеслав Владимировичи. А Олег, вернув себе Муром, захватил Суздаль и Ростов, и Мстиславу Владимировичу лишь с большим трудом удалось его остановить (ПСРЛ: I, стб.236–240). Святополк же на этапе открытых военных действий от конфликта устранился.

Вовлекая сына в политику междоусобиц, Мономах оказался причастен к его гибели. Этим обусловлена риторика печали в Письме, написать которое ему предложил Мстислав Владимирович – принуди мя сынъ мой, его же еси хрестиль [4, I, с.472] – он тоже был крестником Олега, как и Изяслав. Так что инициатива замирения принадлежала Мстиславу, а вовсе не Мономаху, который как опытный политик больше заботился о субъективной стороне дела. Его высказывание «судь от

Бога ему пришель, а не от тебе» [4, I, с.474] снимало вину с Олега и перекладывало ее на Изяслава. Но тот, очевидно, в своих действиях руководствовался, в первую очередь, геополитическими интересами отца. Таким образом, в историческом контексте риторика Мономаха предстает в ином свете, чем принято считать. И, кстати, не отец забирал тело Изяслава для похорон, а Мстислав Владимирович, который похоронил брата в новгородском Софийском соборе (ПСРЛ: I, стб.237).

В связи с этим показательно, что в историографии образ Мономаха в Письме, как и во всем «Поучении», представлен исключительно в рамках его миротворческой риторики. Идея князя-миротворца является общепризнанной и не оспаривается: «Мономах находит в себе нравственные силы выступить не как "ворожбит и местник" (то есть противник и мститель)... Он не оправдывает погибшего сына, а лишь сетует, что не надо было ему слушаться "паробков" (видимо, молодых дружинников) и "выискивати... чюжего". Мономах стремится к тому, чтобы распри прекратились» [11, с.98–99]. Скрытый смысл Письма, не совпадающий с прямым значением высказываний, не имеет аналогов с речами князей в летописях, где они всегда сжато выражают одну какую-либо мысль, без подтекста: при этом говорящий может испытывать телесные, но не душевные муки. Внутренних переживаний и всего того, что можно было бы назвать «душевным разладом» или «душевным развитием», летописи не знают, причем князья в них представлены неизменными на протяжении всей своей жизни [16, с.30]. Тем же принципам следует житийная литература XII–XIII вв., представляя князей «статичными и монументальными... ближе к геральдическим фигурам, чем к своим живым прототипам» [15, с.107].

Таким образом, анализ индивидуальных речевых средств в историческом источнике позволяет лучше понять значение как отдельных высказываний, так и текста в целом. Практической целью «Поучения», очевидно, являлось ориентирование Мономашичей на поддержание наследственного закрепления киевского престола по линии Мстислава Владимировича, в нарушение лествичного порядка наследования. С достижением этой цели связывались следующие задачи: оказание взаимной братской помощи и поддержки (текст адресован всем детям князя, без выделения одного наследника); тщательное соблюдение норм православия (ради милости Бога); активный «княжеский труд» (военная деятельность); и то, что мы бы назвали саморазвитием, повышением образовательного уровня и грамотным пиаром. Автобиография, включенная в «Поучение» отдельным фрагментом, представляла образ князя, орга-

нично сочетавшего в себе церковные и светские добродетели. В рамках мировоззрения того времени такой образ идеально подходил для основателя новой династии. То же значение придавалось своду изречений в начале текста, формировавшему религиозно-нравственное обоснование «программы действий» для детей Мономаха. Таким образом, анализ источника через словесный ряд позволяет отойти от устойчивых поздних толкований и интерпретаций и приблизиться к пониманию исходного смысла текста.

Библиографический список

1. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ, 1944. 213 с.
2. Ассуирова Л.В. Топосы как смысловые модели порождения речи. М.: Прометей, 2012. 175 с.
3. Балашова Л.В. Метафора в жанре жития древнерусской литературы // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С.112–123.
4. Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т.: [Переводы] / [РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); ред. Д.С.Лихачев и др.]. СПб.: Наука, 1997–2020.
5. Воронин Н.Н. О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. М.: Наука, 1962. С.265–271.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980.
7. Дорофеева Л.Г. Образ смиренного человека в «Поучении» Владимира Мономаха // Андрей Рублев и мир русской культуры: К 650-летию со дня рождения. Калининград: Аксис, 2011. С.184–213.
8. Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь. М.: Издательский отдел Московский Патриархии, 1993. 1120 с.
9. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 691 с.
10. Ивакин И.М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М.: Университетская типография, 1901. 326 с.
11. История русской литературы X–XVII вв.: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. язык и лит.» / Л.А.Дмитриев, Д.С.Лихачев, Я.С.Лурье и др. М.: Просвещение, 1980. 462 с.
12. Ищенко А.С. «Поучение» Владимира Мономаха как источник для характеристики князя // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып.56. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный ун-т, 2010. С.22–26.

13. Киевопечерский патерик по древним рукописям. В переложении на совр. рус. язык Марии Викторовой. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1911. 159 с.
14. Литвина А. Ф. Жанр автобиографической преемблы: «Поучение» Владимира Мономаха как духовная грамота // *Славяноведение*. 2004. №4. С. 3–27.
15. Лихачев Д. С. Изображения людей в житийной литературе XIV–XV века // *Труды Отдела Древнерусской литературы*. Т. XII. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 105–115.
16. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
17. Макарихин В. П. О причинах и цели включения Поучения Владимира Мономаха в Лаврентьевскую летопись // *Вопросы истории и права*. Межвузовский сб. науч. трудов. Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара, 2002. С. 25–30.
18. Мусин-Пушкин А. И. «Духовная великого князя Владимира Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской Поученью». СПб.: Типография Корпуса Чужеземных единоверцев, 1793. 61 с.
19. Назаренко А. В. К истории православного паломничества // *Православный паломник*. 2006. №4 (29). С. 16–18.
20. Назаренко А. В. Русские в Святой Земле // *Русская история*. 2011. №3 (17). С. 20–23.
21. Никифор (митр. Киевский). Митрополит Никифор: [исследования, древнерусские тексты, переводы, комментарии]. СПб.: Мир, 2007. 558 с.
22. Одинцов Н. Ф. Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века. Церковно-историческое исследование. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 304 с.
23. Повесть временных лет / Лихачев Д. С.; ред. Адрианова-Перетц В. П. СПб.: Наука, 1999. 667 с.
24. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. 414 с.
25. Сиповский В. В. История русской словесности. Ч. 1–3. СПб.: Я. Башмаков и К°, 1908–1912.
26. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–29 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1975–2011.
27. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. М.: Книга, 1989.
28. Сухомлинов М. И. О псевдонимах в древней Русской Словесности // *Исторические чтения о языке и словесности. 1854–1855*. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1855. С. 159–220.
29. Топоров В. Н. Понятие святости в Древней Руси (Св. Борис и Глеб) // *Slavic linguistics, poetics, cultural history*. Columbus (Ohio): Slavica, 1986. P. 451–472.
30. Черных П. Язык и письмо // *Культура домонгольской Руси*. М.: Ломоносов, 2020. С. 48–73.
31. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX веков. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Наталья Семенова

«НЕОБХОДИМОСТЬ НЕОСПОРИМАЯ»:

ЧИНОВНИКИ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ В СИСТЕМЕ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

930.2:908

В статье рассматривается генезис должности чиновников особых поручений как составной части системы губернаторской власти Российской империи в первой половине XIX в. Анализ широкого круга источников позволил автору сделать выводы, что институциональное оформление должности компенсировало чрезвычайно широкие полномочия, возложенные на губернатора, отсутствие четких механизмов и способов их эффективного и качественного исполнения. Институт губернаторства в первой половине XIX в. функционировал в условиях «размытого» правового статуса начальника, недооформленных вертикали и горизонтали исполнительной власти, постоянного кадрового голода в учреждениях местного управления.

The article considers the genesis of the position of officials for special assignments as an integral part of the system of governor power of the Russian Empire in the first half of the 19th century. Based on the analysis of a wide range of sources, the author concluded that the institutional design of the post was a compensation for the extremely broad powers vested in the governor, the lack of clear mechanisms and ways to effectively and efficiently execute them. The institute of governorship in the first half of the 19th century. functioned in the conditions of a “blurred” legal status of the chief, underformed vertical and horizontal executive power, constant staff shortages in local government institutions.

Ключевые слова: чиновники особых поручений; губернатор; Комитет министров; канцелярия губернатора; император.

Key words: officials on special assignments; governor; Committee of Ministers; governor's office; emperor.

E-mail: natalja_leonid@mail.ru

Чиновничество Российской империи продолжает находиться в фокусе исследовательских оптик современных историков. Наибольших успехов ученые добились в изучении организации и структуры вертикали власти, прежде всего, центрального аппарата и высшей губернской бюрократии. Наряду с традиционным интересом ученых к анализу правового положения, социокультурного облика, материального положения, злоупотреблений чиновников, репрезентации в литературе, предметами анализа становятся повседневные практики служащих, механизмы карьерного роста, роль протекции, способы служебных и неслужебных коммуникаций во властной среде, внеинституциональные проявления деятельности.

Вместе с тем особенно актуальным остается изучение механизмов функционирования власти, принятия управленческих решений, взаимодействия властных институтов в отдельных губерниях, структуры провинциальных элит, которые обладали реальной властью и влияли на административные процессы в регионах. В этом отношении особый интерес представляют чиновники особых поручений при губернаторах, которые являлись немногочисленной, но очень важной частью провинциальной элиты и института губернаторской власти в целом. По словам А. С. Минакова, чиновников особых поручений, наряду с правителем канцелярии губернатора, можно отнести к числу «помощников» начальника губернии, от грамотности и «расторопности» которых зависела четкость работы всей «делопроизводительной машины» [12, с. 101].

Интерес к чиновникам особых поручений в историографии обнаружился сравнительно недавно, в контексте изучения института губернаторской власти. Е. Н. Немчанинова пришла к выводам, что чиновники особых поручений «состояли при лицах высокого ранга (губернаторе, генерал-губернаторе, министре) для исполнения секретных поручений» [13, с. 13]. Они являлись представителями аристократических семейств, их служба считалась почетной, близкой к начальству и не слишком обременительной. Характер «особых поручений» напрямую зависел от специфики деятельности ведомства, в котором служил чиновник, но должностные обязанности не были четко определены. К началу XX в. в местном управлении они занимались ревизией уездных полицейских управлений, надзором за правильным сбором с «увеселительных и театральных зрелищ», расследованиями межличностных конфликтов. Автор оценивает жалованье чиновников особых поручений как довольно низкое. Тем не менее должность чиновника особых поручений «явля-

лась важной ступенью в карьере служащих, которую прошли около трети вятских губернаторов в XIX в.» [13, с. 13].

Изучая институт оренбургского военного губернатора в первой половине XIX в., автор этих строк проанализировала деятельность чиновников особых поручений в контексте генезиса структуры и функций Канцелярии оренбургского военного губернатора [28]. По имеющимся данным, военный губернатор как главный начальник края сам выбирал для себя чиновников особых поручений и определял их функции. Их обязанности были связаны с командировками в Казахскую степь, сбором сведений по тем или иным вопросам, проведением предварительного следствия, подготовкой материалов для ежегодного всеподданнейшего отчета и его составлением. Военный губернатор был заинтересован в оперативном решении дел, поэтому старался подбирать на эти должности молодых, образованных, способных чиновников, имевших опыт службы, многие из которых впоследствии стали губернаторами, вице-губернаторами и оставили заметный след в истории края.

В свою очередь, А. А. Оспанова, изучая состав и функции Канцелярии оренбургского генерал-губернатора в 1865–1881 гг., пришла к выводу, что чиновники особых поручений получали самое высокое жалование среди служащих губернии, сопоставимое с доходом правителя канцелярии [14, с. 61]. Учитывая специфику Оренбургского генерал-губернаторства, во второй половине XIX в. чиновники особых поручений часто командировались в Казахскую степь для сбора сведений о состоянии торговых путей, оценки правильности взимания кибиточного сбора и т. п. Кроме того, на них были возложены контроль над органами гражданского управления в крае и организация охраны общественного порядка и надзора за неблагонадежными лицами.

Применительно к Восточной Сибири значительный вклад в изучение деятельности чиновников особых поручений в XIX в. внесла Н. П. Матханова [11]. Она подметила, что «внешне стройная и логически выверенная структура» управления Восточной Сибирью в тот период оказывалась на деле «громоздкой и медлительной». Однако чиновники особых поручений были тесно связаны со сложившейся системой и на практике могли «компенсировать нестыковки, неувязки и несогласования» [11, с. 15]. Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г., они занимались расследованием как сложных, так и довольно «простых» дел. На основе штатного расписания и адрес-календарей Н. П. Матханова подсчитала численность чиновников особых поручений Сибири за 1822–1884 гг., заключив, что «карьерная траектория» у них была разной. Одни впо-

следствии занимали губернаторские должности, а другие уходили в «бюрократическое небытие» [11, с. 18]. При этом основными факторами карьерного роста являлись покровительство, образование, происхождение, связи в столице, материальное положение, а также способности самого человека. Таким образом, анализ современной историографии показывает, что в настоящее время чиновники особых поручений наиболее активно изучаются на региональном материале. Имеются заключения о социокультурном составе чиновников особых поручений по отдельным губерниям Российской империи в XIX – начале XX в., об основных направлениях их практической деятельности. Вместе с тем отсутствуют работы, которые бы рассматривали генезис должности чиновников особых поручений как важной составной части института губернаторской власти Российской империи в первой половине XIX в. Очевидно, что исследование данного вопроса позволит расширить наши знания о механизмах функционирования местной власти и дополнит общероссийскую картину истории государственного управления.

В методологическом плане для реализации поставленной задачи наиболее оптимальным, по нашему мнению, остается институциональный подход, основанный на структурно-функциональном анализе. Источниковую базу статьи составили законодательные документы, которые «вписывали» чиновников особых поручений в существовавшую систему органов местного управления, в институт губернаторской власти, и материалы делопроизводства, которые позволяют проследить, как происходил генезис этой должности в реальной административной практике.

Назначения чиновников особых поручений в первые десятилетия XIX в. по ходатайствам губернаторов

Формально-юридические основы функционирования института губернаторской власти в конце XVIII – начале XIX в. регулировались

«Наставлением губернаторам» 1764 г. и «Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. [17; 18]. В руках генерал-губернаторов, военных и гражданских губернаторов были сосредоточены многочисленные функции по военному, пограничному (для окраин) и гражданскому управлению губерний, по охране законности и интересов государства во всех сферах жизни, обеспечению развития промышленности, торговли, медицины, просвещения, социального призрения, сохранению общественного порядка, безопасности населения, соблюдению правосудия. Они обеспечивали координацию всех учреждений управления и осуществляли административно-судебный контроль, средствами которого

являлись ревизии, обозрения, всеподданнейшие губернаторские отчеты, утверждения всех приговоров губернских судебных мест.

Обязанности по гражданскому управлению начальник губернии осуществлял через губернское правление. Более сложная ситуация возникла с решением судебных вопросов, учитывая, что порядок судебного разбирательства в конце XVIII – первой половине XIX в. был довольно сложным и запутанным, а уровень профессиональной подготовки чиновников учреждений – низкий. Выполнить многочисленные задачи силами губернаторской канцелярии было невозможно, принимая во внимание недостаточный уровень грамотности и профессионализма чиновников.

Функционирование института губернаторской власти в первые десятилетия XIX в. осложнялось нечеткостью полномочий начальника губернии и отсутствием конкретных механизмов их эффективного выполнения. Переход от «территориального» к «отраслевому» управлению, введение министерской реформы привели к раздроблению местных учреждений, затруднили взаимодействие губернаторов с центральной властью, военными губернаторами и генерал-губернаторами, вице-губернаторами и губернскими прокурорами.

Судя по законодательству первой четверти XIX в., верховная власть хорошо понимала имеющиеся проблемы, стремилась уточнить и юридически закрепить функции губернатора; найти наиболее оптимальные формы соотношения коллегиальности и единоначалия, централизации и децентрализации; создать механизмы, способные скорректировать несовершенства системы местного управления, сделав его более эффективным.

Гражданские и военные губернаторы, генерал-губернаторы осуществляли свои обширные полномочия с помощью канцелярий. В них была сосредоточена вся переписка начальника губернии, сюда поступали указы Сената и другие распоряжения высших органов власти и управления по военным, гражданским делам, жалобы от населения губернии на медленность в решении дел, на нарушения закона. В конце XVIII в. состав канцелярии губернаторов был немногочисленным. Так, канцелярия оренбургского военного губернатора включала секретаря, столоначальника и канцелярских служащих, которые не имели классных чинов и использовались для переписывания бумаг [22]. В 1798 г., учитывая рост количества дел, поступающих к гражданским губернаторам, правительство пришло к выводу о необходимости создания их собственной канцелярии. Первой, по указу 15 марта 1798 г., была создана канцелярия Санкт-Петербургского гражданского губернатора [19]. За канцелярией

закреплялись секретарские функции, она не могла осуществлять административно-судебный контроль.

«Учреждения для губерний Всероссийской империи» 1775 г. и штаты губерний, утвержденные в 1802 г., не предусматривали специальной должности чиновников по особым поручениям при генерал-губернаторах, военных и гражданских губернаторах [18]. В результате, начиная с 1815 г., в министерство полиции стали поступать представления гражданских губернаторов о «надобности в чиновниках по особым поручениям для производства следствий» [8, д. 123, л. 6]. Одним из первых было «уважено» ходатайство таврического гражданского губернатора А.Н.Баранова, который после назначения в Крым в декабре 1819 г. столкнулся с многочисленными беспорядками в губернии, происходившими «от прежних неспособных губернаторов» [10, с. 61]. В 1820 г. Комитет министров постановил определить при таврическом губернаторе А.Н.Баранове двух чиновников для «следствий» и для «лучшего надзора с жалованьем каждому по 1000 руб. в год.» [8, д. 123, л. 6].

Реализация Александром I генерал-губернаторского проекта и назначение новых генерал-губернаторов привели к необходимости составления новых штатов канцелярий генерал-губернаторов, которые объединили под своей властью 2–3 губернии [15, с. 343]. С этой целью в феврале 1820 г. начал работу комитет в составе генерал-губернаторов (А. Д. Балашов) и военных губернаторов (граф М. А. Милорадович, П. К. Эссен, А. Ф. Клокачев) [15, с. 343]. По мнению В. В. Ефимовой, инициатором образования комитета стал главный командир Архангельского порта, военный губернатор Архангельской губернии, управляющий гражданской частью А. Ф. Клокачев, который в 1819 г., во время пребывания Александра I в Архангельске, подал императору записку с новым проектом. Он подчеркнул, что штат его канцелярии был принят еще в 1802 г. и в настоящее время совершенно не соответствует возросшему объему решаемых задач. Ситуация осложняется обширной министерской перепиской, значительной территорией Архангельской губернии, ее удаленностью и пограничным положением, необходимостью выполнения таможенных и портовых обязанностей [9, с. 157]. Клокачев предложил включить в состав канцелярии двух чиновников особых поручений с жалованьем по 1000 руб. каждому [9, с. 158]. Проект был обсужден комитетом, но не принят по финансовым причинам. Утверждение новых штатов было отложено до 1826 г.

Тем не менее оренбургский военный губернатор П. К. Эссен в октябре 1820 г. внес в Комитет министров представление о необходимости иметь

Граф, генерал от инфантерии, оренбургский военный губернатор, управляющий гражданской частью, командир отдельного Оренбургского корпуса и начальник пограничной части П.К.Эссен. Военная галерея Зимнего дворца, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

при себе чиновников для особых поручений. А. А. Аракчеев писал: он «испрашивает дозволения определить к нему двух таковых чиновников с жалованьем по 1500 руб. каждому, по примеру как подобное дозволение дано генерал-губернатору Балашеву и с назначением им, сверх того прогонных денег до 2000 руб. в год» [7, д. 129, л. 7]. Комитет согласился на определение двух чиновников для особых поручений на условиях военного губернатора, заключив: «Необходимость неоспоримая» Кроме того, Комитет постановил назначить каждому из них «прогонных 2000 руб. в год» [7, д. 129, л. 2]. 26 июля 1821 г. это заключение Комитета было утверждено императором [7, д. 129, л. 6об.].

В правительстве понимали необходимость усиления органов государственного управления на местах. Еще в 1806 г. министр внутренних дел В. П. Кочубей указывал на многочисленные трудности в местном управлении: «обременении» губернских правлений и губернаторов,

«малом уважении» начальников губернии, нехватке грамотных чиновников [6, д. 144, л. 3 об.]. К началу 1820-х гг. ситуация не изменилась. Кочубей писал: «Внутренние губернии наши более и более расстраиваются, и надобно скоро и благоразумно за исправление оных приняться» [15, с. 342]. В 1819 г. он выступил в Комитете министров с инициативой назначить во все губернские правления третьего советника (до этого входили только два). Эта мера должна была повысить эффективность работы основного административного учреждения губернии. 3 октября 1821 г. был подписан именной указ Сенату об определении во все губернские правления по третьему советнику (за исключением тех правлений, где «это число уже находится») [20]. В указе говорилось, что эта мера является ответом на «затруднения», которые испытывают начальники губерний «при исполнении разных обязанностей и особенно при производстве исследований, и исправления других поручений, благонадежных чиновников требующих» [20].

Несмотря на увеличение состава губернского правления, ходатайства губернаторов о назначении чиновников особых поручений продолжали поступать. В октябре 1823 г. главный начальник императорской канцелярии генерал от артиллерии граф А. А. Аракчеев сообщал, что император Александр «соизволил на назначение» к киевскому гражданскому губернатору двух чиновников для особых поручений [8, д. 123, л. 8]. В 1824 г. были определены по два чиновника особых поручений к херсонскому и екатеринославскому гражданским губернаторам [8, д. 123, л. 8]. В 1825 г. «вследствие представлений начальников губерний» назначены два чиновника особых поручений к вятскому губернатору; по одному – к нижегородскому, тверскому, оренбургскому, орловскому, витебскому, могилевскому, смоленскому, калужскому, владимирскому, костромскому, саратовскому, рязанскому, тульскому, воронежскому, тамбовскому губернаторам [8, д. 123, л. 9].

Как свидетельствуют архивные документы, большая часть ходатайств генерал-губернаторов, военных и гражданских губернаторов удовлетворялась. Хотя были и исключения. В 1824 г. курский гражданский губернатор А. С. Кожухов просил об определении к нему двух чиновников для особых поручений. Однако Министерство внутренних дел в представлении Комитету министров заключило, что одного чиновника будет достаточно [8, д. 123, л. 9]. Следовательно, верховная власть, принимая решения, учитывала региональную специфику. Так, по ходатайству симбирского гражданского губернатора А. Ф. Лукьяновича о назначении чиновника особых поручений от 6 февраля 1826 г., был объявлен отказ

императора Николая I, который заявил, что «не находит необходимости определять к тому губернатору чиновника, ибо таковые будут при генерал-губернаторе» [8, д. 123, л. 9].

23 февраля 1826 г. на заседании Комитета министров было объявлено отрицательное решение императора на представление новгородского гражданского губернатора «о считании постоянными» двух чиновников по особым поручениям. Николай I полагал, что нет необходимости определять таких чиновников по Новгородской губернии, поскольку дела гражданского управления в этой губернии состоят в ведомстве военных поселений и «через то занятия тамошнего губернского начальства должны участвовать» [8, д. 123, л. 9]. Было решено также «впредь до особого распоряжения императора не вносить в Комитет министров представлений об определении к гражданским губернаторам требуемых чиновников». В журнале Комитета министров было записано: при грузинском губернаторе было два чиновника («из уважения к ходатайству генерал-губернатора»); у слободско-украинского – два («по увеличению военных там поселений»); у пермского – два («по обширности губернии»); у волынского и минского – по два, а к «подольскому – три» [8, д. 123, л. 10]. Чиновники особых поручений получали «жалованьем от казны 1000 руб. в год» [23]. Таким образом, до середины 1820-х гг. чиновники по особым поручениям определялись к гражданским и военным губернаторам на основе их ходатайств, с учетом региональной специфики. Тем не менее массовый характер обращений начальников губерний свидетельствовал о необходимости системного решения существующей проблемы.

Институциональное оформление должности чиновников особых поручений

Прежде всего, вопрос был решен в отношении военных губернаторов и генерал-губернаторов. Новые штаты их канцелярий, утвержденные императором 16 февраля 1826 г., отличались значительным увеличением общей суммы на их содержание [16]. Кроме того, в штат канцелярии были включены два чиновника особых поручений с жалованьем 1 500 руб. в год [1, д. 5669, л. 11].

После утверждения штатов канцелярий генерал-губернаторов Департамент полиции исполнительной сообщил: «по таковым изменившимся обстоятельствам, не может теперь существовать в той же степени надобность в чиновниках для особых поручений при гражданских губернаторах» [8, д. 123, л. 9]. Было сделано предложение «об уменьшении таковых чиновников и у тех губернаторов, при которых они уже определены».

Предполагалось, что чиновники особых поручений останутся у начальников только тех губерний, которые не подчинены генерал-губернаторскому управлению, но и то по одному, а, «буде на месте эти чиновники уже определены, равно как и к этим гражданским губернаторам, где состоят генерал-губернаторы, дозволять им иметь дотоле, пока чиновники сии не выбудут, а новых не определять» [8, д. 123, л.9].

Складывалась довольно противоречивая ситуация, было непонятно, как «впредь» проводить назначение чиновников особых поручений при гражданских губернаторах. Управляющий Министерством внутренних дел В.С.Ланской составил записку на имя императора Николая I, в которой представил анализ сложившейся ситуации [23]. Записка была рассмотрена на заседании Комитета министров и дано заключение, что гражданским губернаторам просто «необходимо иметь при себе чиновников для исполнения разных поручений». Но вместе с тем Комитет высказался за дифференцированный подход: в тех губерниях, где нет генерал-губернатора или военного губернатора, назначать по два чиновника особых поручений, а в тех, где есть – по одному с жалованьем 1 000 руб. в год каждому [23]. Окончательное решение было принято императором, который 31 мая 1827 г. повелел: «Дозволяю везде иметь по два; а, кроме того, в нужных случаях согласен на употребление сверх комплектных штаб-офицеров внутренних гарнизонных батальонов на подобные поручения, о чем уведомить начальника штаба» [23]. Таким образом, к каждому гражданскому губернатору Российской империи определялось по два чиновника особых поручений. Император Николай I продолжил выстраивать систему местного управления с учетом задач управления на местах и тенденций централизации на основе правового усиления власти губернатора.

Реализовать указ 1827 г. в некоторых губерниях оказалась довольно затруднительно. Так, оренбургский гражданский губернатор И.Л.Дебу по итогам ревизии губернского правления составил «Записку о положении губернского правления и о мерах, которыми можно бы было отвратить по оному медленность и беспорядки» [8, д. 123, л.7 об.]. Он указал в ней, что в Оренбургской губернии нет возможности в полном объеме реализовать указ от 31 мая 1827 г. и использовать для особых поручений и следствия штаб-офицеров из внутренней стражи, поскольку ее начальник «отозвался, что во всем его округе нет способных к тому офицеров». По этой причине производство следствий поручалось не только чиновникам особых поручений, состоящим при гражданском губернаторе, губернским и уездным стряпчим, советникам губернского

правления и палат, «но даже уездным судьям и предводителям дворянства с необходимостью отвлечения их от своих занятий» [8, д. 123, л. 8].

Предложения гражданского губернатора И.Л.Дебу состояли в том, чтобы прибавить к существующим двум чиновникам особых поручений еще двух «впредь до ликвидации надобности». Он был уверен, что назначение «двух чиновников-следователей есть надобность тем более настоятельная, что из числа двух чиновников особых поручений, при гражданском губернаторе состоящих, один должен находиться при нем неотлучно, особенно во время объезда по губернии, а другой не может не ездить по 12 уездам губернии» [8, д. 123, л. 8]. Оренбургский военный губернатор П.К.Эссен, согласившись с предложениями гражданского губернатора, 25 января 1829 г. во время пребывания в столице передал «Записку» министру внутренних дел А.А.Закревскому. После рассмотрения «Записки» в журнале заседания Совета министра внутренних дел была сделана следующая запись: «Совет признал, что все предложения военного губернатора такого рода, что требуют общего для всех губернских правлений порядка, положил принять оные к общему сведению» [8, д. 123, л. 1 об.].

Начало 1830-х гг. было отмечено активной законотворческой деятельностью, направленной на закрепление за губернатором статуса «начальника» губернии и положения чиновника Министерства внутренних дел. Были подготовлены проекты «Наказа гражданским губернаторам», «Положения о порядке производства дел в губернских правлениях», которые подробно регламентировали служебную деятельность губернатора и губернского правления [25].

В этом ключе следует оценивать «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета» от 20 ноября 1835 г., в котором были законодательно уточнены обязанности чиновников особых поручений по всем ведомствам [24]. Государственный совет признал «неоспоримую необходимость» наличия чиновников особых поручений «в главных и местных управлениях как для дел, требующих особенной тайны, ... так равно для отправления по Высочайшим повелениям или по усмотрению начальника в отдаленные места, для производства следствий, для проверки распоряжений подчиненных мест, для временных обзрений» [24]. Подчеркивалось, что эти поручения должны даваться «особенно доверенным» чиновникам. Кроме того, их число не могло быть «одинаково повсюду», а должно определяться характером дел, которые им поручались. Государственный совет включил чиновников особых поручений в «общее расписание классов гражданской службы и чиновников», установил, что на эти должности чиновники могут поступать с других

должностей, а за хорошую службу они могут быть награждены только «чином выше того, в коем причислены» [24].

Чиновники особых поручений определялись и увольнялись по решению Министерства внутренних дел. Они не могли быть однофамильцами или, тем более, родственниками гражданского губернатора «по восходящей и нисходящей линии во всех степенях, а в боковых до четвертой степени включительно, или их свойственников, также до четвертой степени включительно» [27].

Вплоть до середины XIX в. при военном губернаторе, согласно штату, должно было находиться два чиновника особых поручений. Однако на практике их число менялось. Так, в 1833 г. при оренбургском военном губернаторе В.А.Перовском находились два чиновника особых поручений. В 1837 г. к нему был определен третий сверхштатный, который управлял делами канцелярии командующего Башкиро-мещерякским войском [4, д. 1129, л. 10 об.]. Помимо чиновников особых поручений по гражданским делам при В.А.Перовском, как командире Отдельного Оренбургского корпуса, объединявшем, как регулярные, так и нерегулярные войска края, находились шесть чиновников особых поручений по военному ведомству [3, д. 10653, л. 1–1 об.].

Военный губернатор имел возможность принимать сверхштатных чиновников особых поручений благодаря тому, что в его распоряжении находился «ежегодный денежный кредит для разных улучшений в тамошнем крае» [5, д. 797, л. 1–1 об.]. До февраля 1835 г. эта сумма составляла 10 000 руб. 13 февраля 1835 г. В.А.Перовский писал министру финансов Е.Ф.Канкрину, что, «управляя обширнейшим Оренбургским краем», он встречает «непреодолимые препятствия для улучшения по совершен-

Генерал от кавалерии,
генерал-адъютант, оренбургский
военный губернатор В.А.Перовский

В.И.Даль – чиновник особых поручений при оренбургском военном губернаторе В.А.Перовском. Портрет работы неизвестного художника. 1830–1840-е годы

ному недостатку средств в моем распоряжении». Он просил министра увеличить ежегодный кредит до 25 000 руб. с предоставлением обязательного отчета о расходовании денег. Министр финансов «не нашел препятствий к открытию кредита», а император Николай I поставил свою резолюцию: «Быть по сему» [5, д. 797, л. 1–1 об.].

2 января 1845 г. последовало утверждение нового штата канцелярий гражданских губернаторов, ставшее результатом принятия «Высочайше утвержденного учреждения губернских правлений» [20]. В состав канцелярии гражданского губернатора входили 11 классов чиновников, среди которых были два чиновника особых поручений. Заручившись поддержкой министра внутренних

дел, губернаторы могли определять к себе «двух чиновников особых поручений сверх состоящих при них штатных»: одного – старшего, другого – младшего, но без жалованья. Губернское правление также могло «употреблять» чиновников особых поручений для решения своих задач, если разрешал губернатор.

Конкретно-исторические исследования по отдельным губерниям Российской империи показывают, что чиновники по особым поручениям входили в круг наиболее доверенных лиц губернаторов, отличались довольно высоким уровнем образования, деловыми и личными качествами. Многие из них становились впоследствии вице-губернаторами, губернаторами, что подчеркивает значимость этой должности как кадрового трамплина.

Служба чиновником особых поручений стала началом карьеры для А. Д. Лохвицкого (с 1859 по 1861 гг. вице-губернатор Забайкальского областного правления, а с 1868 г. – енисейский губернатор), Б. В. Струве (с 1856 г. – астраханский губернатор, с 1865 г. – пермский), Ю. И. Шту-

бендорфа (с 1857 г. – якутский губернатор) [11]. Около трети вятских губернаторов XIX в. на пути к должности «начальника губернии» некоторое время служили чиновниками особых поручений при различных ведомствах: А.И.Середа (с 1830 г. при оренбургском военном губернаторе), Ф.Ф.Трепов (с 1881 г. при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе), И.М.Страховский (с 1889 по 1891 гг. при черниговском губернаторе) [13, с. 13]. Оренбургский гражданский губернатор Я.В.Ханыков после окончания в 1835 г. Царскосельского лицея поступил на службу чиновником особых поручений в статистическое отделение Министерства внутренних дел, а с 1851 г. был назначен начальником губернии [29, с. 109]. Без всякого преувеличения можно сделать вывод, что чиновники особых поручений являлись одним из важнейших кадровых резервов, роль которого стала особенно заметна с середины XIX в.

Таким образом, институциональное оформление должности чиновников особых поручений завершается в середине 1830-х г. Их практическая деятельность компенсировала нечеткий правовой статус губернатора, недооформленные вертикаль и горизонталь исполнительной власти, постоянный кадровый голод в учреждениях местного управления. Изначально назначение чиновников особых поручений было ответом на представления отдельных военных и гражданских губернаторов, генерал-губернаторов, которые были способны более точно понять специфику губернии, и правительство с этим соглашалось. К середине 1820-х гг. верховная власть пришла к пониманию необходимости системного решения проблемы, включив чиновников особых поручений в штаты канцелярий гражданских, военных губернаторов и генерал-губернаторов. При этом политика самодержавия отражала компромисс между тенденциями усиления централизации, унификации и необходимостью учета региональных особенностей в организации местного управления,

Б.В.Струве – чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н.Муравьеве. На фото: Бернгард Васильевич и Анна Федоровна Струве. Из альбома фотографий, принадлежавшего Петру Ивановичу Бартеневу

соглашаясь, что число занимающих упомянутую новую должность не может быть «одинаково повсюду».

Функции чиновников особых поручений были напрямую связаны с полномочиями губернаторов, обеспечивая полноту и качество выполнения задач в наиболее «проблемных» сферах, прежде всего, в осуществлении административно-судебного контроля. Правительство хотело видеть на этой должности «особенно доверенных» чиновников, что довольно точно исполнялось в региональной административной практике.

Библиографический список

1. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.3.
2. ОГАОО. Ф.6. Оп.4.
3. ОГАОО. Ф.6. Оп.5.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.846. Оп.16.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.560. Оп.6.
6. РГИА. Ф.660. Оп.1.
7. РГИА. Ф.1286. Оп.3.
8. РГИА. Ф.1286. Оп.4.
9. Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 832 с.
10. Кравчук А. К биографии таврического гражданского губернатора Александра Николаевича Баранова (1793–1821) // Крымское историческое обозрение. 2015. №3. С.59–73.
11. Матханова Н.П. Чиновники особых поручений в системе управления Восточной Сибири XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2022. Т.41. С.14–21.
12. Минаков А.С. «Я – хозяин губернии» // Родина. 2009. №1. С.99–103.
13. Немчианова Е.Н. Чиновник особых поручений как ступень в карьере государственного служащего дореволюционной России (на материалах по истории Вятского губернаторского корпуса) // Вестник гуманитарного научного образования. 2011. №12. С.12–14.
14. Оспанова А.А. Чиновники по особым поручениям на службе оренбургского генерал-губернатора в 1865–1881 гг. // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. №4. С.59–64.
15. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощения. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. (ПСЗ I). СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. I. №154.
17. ПСЗ I. Т.16. №12137.
18. ПСЗ I. Т.20. №14392.
19. ПСЗ I. Т.25. №18439.
20. ПСЗ I. Т.37. №28768.
21. ПСЗ I. Т.44. Ч.2. №17494.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. (ПСЗ II). СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. I. №154.
23. ПСЗ II. Т.2. №1139.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. (ПСЗ II). СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1835. Т.10. Ч.2. №8595.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. (ПСЗ II). СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. Т.12. №10303; 10304.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. (ПСЗ II). СПб.: В типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. Т.20. Ч.1. №18580.
27. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. Свод учреждений государственных и губернских. Ч.2. Учреждения губернские. СПб., 1833. Т.2. Ст. 713.
28. Семенова Н.Л. Канцелярия военного губернатора и чиновники особых поручений в системе местного управления Оренбургского края в первой половине XIX в. // Genesis: исторические исследования. 2018. №11. С.67–79.
29. Семенова Н.Л. Социокультурный облик высшего руководства Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб.: Нестор–История, 2020. 208 с.

Наталья Черникова

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ. 1881 ГОД

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47)"18":342.5

После Крестьянской реформы 1861 г. крестьянский вопрос долгое время не был объектом пристального внимания правительства, и возникающие проблемы решались паллиативными мерами. На рубеже 1870–1880 гг. ряд объективных причин привел к новой попытке комплексного решения накопившихся проблем. Перед правительством стояла двоякая задача: понизить выкупные платежи и перевести на выкуп крестьян, все еще остающихся временнообязанными. Дело рассматривалось в Государственном совете в 1881 г., причем на протяжении полугода по этому вопросу были приняты два диаметрально противоположных решения. В статье рассматриваются истоки возникшего в правительстве спора и аргументация сторон, а также причины пересмотра дела и изменения окончательного решения.

After the Peasant Reform of 1861, the peasant question was not the object of close attention of the government for a long time, and the problems that arose were resolved by palliative measures. At the turn of the 1870s and 1880s, a number of objective reasons led to a new attempt at a comprehensive solution to the accumulated problems. The government set the task of lowering redemption payments and transferring the remaining temporarily liable (vremennooobiazannye) peasants to compulsory redemption. The case was considered by the State Council in 1881, and within six months two diametrically opposed decisions were made on this issue. The article examines the origins of the dispute that arose in the government and the arguments of the parties, as well as the reasons for reviewing the case and changing the final decision.

Ключевые слова: реформа 1861 г.; крестьянский вопрос; Государственный совет; великий князь Константин Николаевич; Александр III; А.А.Абаза.

Key words: reform of 1861; the peasant question; State Council; grand duke Konstantin Nikolayevich; Alexander III; A.A.Abaza.

E-mail: ncher@inbox.ru

В истории России второй половины XIX в. сложно найти вопрос, который был бы столь же многогранен, отражался бы в стольких разных мнениях, возбуждал бы столько споров, как крестьянский. Не стал исключением и период рубежа 1870–1880 гг. Хотя, казалось бы, и правительство, и общество волновали в это время совсем иные проблемы. Тем не менее именно крестьянский вопрос оказался последней серьезной реформой, разрабатывавшейся в царствование Александра II, и первой – рассматривавшейся в правление Александра III. Речь идет о подготовке указов об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей. И в перипетиях обсуждения законопроектов, разработанных на рубеже 1870–1880 гг., как в капле воды, отразились те перемены, которые привнесла смена царствований.

Историография вопроса

Вопрос о понижении выкупных платежей неоднократно привлекал внимание исследователей. Особенно часто он затрагивался в дореволюционной историографии. Причина этого кроется в его несомненной в то время актуальности: к началу XX в. относится очередная попытка разрешить, наконец, крестьянский вопрос, привести к завершению те преобразования, которые были начаты Крестьянской реформой 1861 г. и продолжались вплоть до революции 1917 г. Кроме того, на рубеже XIX–XX вв. повышенный интерес к истории крестьянского законодательства проводился работами Редакционной комиссии министерства внутренних дел и межведомственного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Помимо массы изданий публицистического и научно-популярного характера в это время появился ряд серьезных исследований, в основу которых были положены статистические данные, а также материалы различных комиссий, Главного комитета об устройстве сельского состояния, Государственного совета [19; 21; 22; 28; 37].

В советский период вопрос о понижении выкупных платежей потерял свою актуальность и специального внимания исследователей уже не привлекал, а если и рассматривался, то вскользь [13, с. 285; 14, с. 255–256; 42, с. 240–241; 43, с. 118–121]. Более или менее подробно остановился на нем лишь П. А. Зайончковский [17, с. 344–350, 419–423]. Сходное, периферийное, его положение сохраняется и в современной исторической науке [9, с. 661; 36, с. 127–129]. Определенным исключением здесь является монография И. А. Христофорова [41, с. 317–320]. При этом, разбирая суть об-

суждавшихся предположений, исследователи почти не заостряли внимание на способах выработки решений и аргументации сторон. Между тем именно этот ракурс позволяет по-новому оценить произошедшее в 1881 г. изменение позиции правительства по отношению к крестьянству.

**Крестьянский вопрос
на рубеже 1870–1880-х гг.**

Собственно, уже сама постановка вопроса о понижении выкупных платежей означала возврат правительства к широкому рассмотрению

проблемы. Этому способствовал целый ряд обстоятельств.

Во-первых, к концу 1870-х гг. постоянно растущие недоимки выкупных платежей достигли уже 13 млн руб. [25, с. 122]. За истекшие со времени реформы 1861 г. полтора десятилетия правительством было выработано множество способов борьбы с ними. В первую очередь это понудительные меры, наиболее радикальными из которых были продажа имущества, отдавание недоимщика в работы, а с 1877 г. – и разрешение сдавать в аренду наделные земли крестьян. При этом сначала речь шла только о подворном [29, т. 52, № 57402, с. 679–680], а затем и об общинном землевладении. Правда, в последнем случае – только если недоимка образовывалась исключительно по причине уклонения от обработки наделных земель [29, т. 53, № 58342, с. 211–213].

Сбор недоимок

Широко предоставлялись и льготы – по ходатайству местного начальства в связи с чрезвычайными обстоятельствами, при этом они могли касаться крестьян отдельных селений, местностей или даже отдельных хозяйств [29, т. 52, №57402, с. 680]. Решение о льготах принимал Главный комитет об устройстве сельского состояния. Эти льготы также сложились в своеобразную систему. В 1878 г., соглашаясь передать министрам финансов и внутренних дел право, по взаимному соглашению, предоставлять льготы невольным недоимщикам, Главный комитет указывал, что по одной и той же недоимке сначала предоставляется отсрочка на срок до 5 лет, «дабы дать крестьянам возможность оправиться после постигших их случайных бедствий», по миновании отсрочки – рассрочка также на срок до 5 лет [29, т. 53, №59024, с. 238].

Все эти меры носили паллиативный характер и решить проблему недоимок не могли. Более того, попытки взыскания платежей жесткими методами приводили только к разорению крестьянских хозяйств и уменьшению их платежеспособности [6, с. 267–268; 19, с. 216–221].

Во-вторых, решения крестьянского вопроса требовала давно назревшая податная реформа, подготовка которой тянулась уже более 10 лет. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вопрос скорейшего реформирования налоговой системы снова встал на повестку дня. 23 марта 1879 г. последовал именной указ об образовании особой межведомственной Комиссии для обсуждения предложений об отмене сборов, взимаемых в пользу государственного казначейства по подушной системе, и изыскания для их замены других источников государственных доходов [29, т. 54, №59434, с. 175]. Во главе комиссии встал министр финансов. Комиссия выработала целых три проекта – подоходного, личного и усадебного налогов [5, с. 187; 21, с. 643]. Но в то же время она пришла к выводу, что полноценная реорганизация налоговой системы, а значит и отмена подушной подати, немыслимы без ликвидации категории временнообязанных крестьян, т. е. перевода их на обязательный выкуп. Комиссия (ее специальный отдел) занималась и разработкой проекта понижения выкупных платежей, правда, не с целью решения крестьянского вопроса, а через призму исключительно финансовых задач – так как «без достижения некоторой уравнительности в платежах разных категорий крестьян нельзя было приступить к отмене подушной подати» [5, с. 187].

Наконец, третья причина необходимости скорейшего решения крестьянского вопроса сводилась к тому, что в 1881 г. заканчивался 20-летний период реализации крестьянской реформы, после чего должен был последовать пересмотр повинностей – переобработка [18, с. 297–298]. Этот

вопрос обсуждался Главным комитетом 6 марта 1878 г. Однако тогда в планах правительства уже был обязательный переход на выкуп, и председатель, вел. князь Константин Николаевич, заручился поддержкой своих сотрудников, чтобы отложить переоброчку на 6 лет и в течение этого времени «стараться всеми средствами облегчить выкуп, особенно в не-размежеванных имениях» [9, с.263].

Великий князь Константин Николаевич, 1862 г.

Эти три проблемы и стали причиной возврата к широкой постановке крестьянского вопроса, рассматривались в одно время и во взаимосвязи. Первый приступ к их решению относится еще к довоенному (до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) периоду.

Деспотизм реформаторов

В самом начале 1877 г. Главный комитет, в очередной раз столкнувшись с ходатайством о льготах и признавая безрезультативность «понудительных» мер взыскания платежей, посчитал, что падение пла-

тежных сил крестьян «происходит, главным образом, вследствие оказавшейся во многих местностях несоразмерности выкупных платежей со стоимостью и доходностью выкупаемой крестьянами земли» и поручил министру финансов собрать сведения о таких местностях. Впоследствии предполагалось понизить выкупные платежи для этих территорий. 1 февраля 1877 г. Александр II утвердил этот журнал Главного комитета [25, с. 122].

При этом материалы, обосновывавшие именно такую постановку вопроса, отсутствовали. Заключение Комитета содержало два аксиоматичных утверждения. 1. Оклады платежей крестьян несоразмерны с достоинством надела, и 2. Это происходит «как известно», «вследствие того, что крестьянские оброки, послужившие основанием для исчисления выкупных платежей, взимались не с одной ценности земли, но и с личного труда крестьян» [Цит. по: 19, с. 221].

Для работы Государственного совета (а Главный комитет действовал на правах его департамента) такое предрешение пути разработки реформы крайне необычно. Поручения законодательного характера, которые Государственный совет мог дать министру, заключались в просьбе (рекомендации) рассмотреть тот или иной вопрос и представить по нему свои соображения, т.е. проект, созданный на основании собранных министерством данных. В дальнейшем, когда проект поступал на обсуждение Совета, тот мог попросить дополнить, уточнить, расширить обоснование. Четкая аргументация необходимости избранного министром решения проблемы была обязательным требованием. В 1884 г., например, ее отсутствие стало причиной возврата на доработку проекта министра внутренних дел Д.А.Толстого о семейных разделах. Тогда министр финансов Н.Х.Бунге посчитал, что представленные цифровые сведения недостаточны, чтобы на их основании сделать вывод о том, что семейные разделы ведут к упадку крестьянского хозяйства. Более того, Бунге полагал, что со временем положение разделившихся семей может даже улучшиться [26, с. 347–348; 16, с. 194]. В результате проект был возвращен министру внутренних дел, дополнен фактическими сведениями с распределением их по годам, и только после этого проекту был дан ход [26, с. 348; 30, т. 6, №3578, с. 116–117].

В решении Главного комитета 1877 г. какая-либо аргументация в пользу намеченного им пути решения вопроса вообще отсутствовала, лишь заявлялось, что несоответствие платежей стоимости земли становится «очевидным» [31, с. 212]. Но почему надо соотносить платежные силы крестьян именно со стоимостью земли, никак не объяснялось. Позже один из первых исследователей вопроса о выкупных платежах,

П. Л. Кованько, назовет такой подход «недоразумением» [19, с. 232]. Однако в 1877 г. «волюнтаристский» характер поручения заранее предопределил содержание будущего проекта. Именно эта предопределенность и составляет важную особенность попытки решения крестьянского вопроса на рубеже 1870–1880-х гг.

К тому времени проблема аграрного развития России, ее экономические и социальные составляющие прочно занимали одно из ведущих мест в общественной мысли. Работы, посвященные сельскохозяйственной тематике, появлялись регулярно на протяжении предыдущих 20 лет, а в конце 1870-х эта тема пережила даже некоторый «бум». Однако, как отмечал И. А. Христофоров, при отсутствии дифференцированного многофакторного подхода к изучению положения крестьянского хозяйства исходные посылки многих исследователей ситуации в деревне отличались противоречивостью, а выводы характеризовались «априорной заданностью». Это касалось даже таких квалифицированных экономистов как Ю. Э. Янсон [41, с. 300–301]. Между тем именно работа последнего «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (СПб., 1877) в значительной степени повлияла на распространенную в общественном мнении точку зрения об упадке платежных сил крестьян [21, с. 641–642].

Разгоравшийся в литературе спор касался способов уменьшения выкупных платежей – уравнения их с доходностью земли либо уменьшения соразмерно средствам крестьян [32, с. 96]. Вопрос носил далеко не только практический характер и требовал определения сути выкупных платежей: представляют ли они собой ренту за землю или совокупность повинностей; словами К. П. Победоносцева, являются ли выкупные платежи «арендною платою за землю» или «выражают собою и плату за землю, и так сказать, плату за освобождение крестьянского труда» [27, с. 203].

Правительство в решении этого вопроса во многом вынуждено было следовать за учеными и публицистами, поскольку его сведения о положении крестьян также не отличались полнотой. На рубеже 1870–1880-х гг. министерство внутренних дел признавало, что не располагает «адекватными сведениями» по ключевым аспектам аграрного развития – количеству и положению «дарственников», масштабам отходничества, распространению аренды и проч. [Цит. по: 41, с. 315].

Но все же правительственные структуры никогда не позволяли себе изначально сужать разрабатываемый вопрос. Между тем именно это было сделано Главным комитетом по отношению к министру финансов

в 1877 г. Позже, во время обсуждения уже готового проекта в Главном комитете в апреле 1881 г., занявший к тому времени этот пост А.А.Абаза, особенно подчеркнет это обстоятельство. «Задача, возложенная на министра финансов в 1877 году Главным комитетом, – скажет он, – была выяснена в весьма определенных рамках: восстановить соответствие выкупных платежей с получаемыми крестьянами от выкупленных ими наделов выгодами» [4, л.24об. – 25].

Эта заданность цели проекта усиливалась тем, что поручение было дано только министру финансов, а не совместно министрам финансов и внутренних дел. Таким образом, делу изначально придавался чисто финансовый (фискальный) характер. Конечно, рассмотрение экономических вопросов с точки зрения финансовых интересов в царствование Александра II было обычным явлением [10, с. 71], но в этом случае впервые финансовый эксперимент пытались провести над самым большим социальным слоем страны. В своей вступительной речи перед началом рассмотрения проекта вел. кн. Константин Николаевич открыто признал эту направленность. Целью проекта, говорил он, с самого начала должно было быть достижение «того, чтобы платежи взимались собственно с имущества, а отнюдь не с личности плательщиков», поскольку это было необходимым условием для намеченных правительством преобразований в податной и паспортной системах [31, с.212]. Подтвердил это и Абаза, которому поручение Главного комитета 1877 г. также представлялось, «именно как решительный и весьма практический приступ к податной реформе» [4, л.28–28об.].

Комиссия К.И.Домонтовича

Поручение было выполнено не сразу. Русско-турецкая война, а затем чрезвычайные обстоятельства последних лет правления Александра II несколько замедлили разработку этого проекта. Фактически работа над ним началась только в министерство А. А. Абазы, назначенного на эту должность в конце октября 1880 г. Как и в случае любой сложной проблемы, была создана специальная комиссия. Ее председателем стал сенатор Константин Иванович Домонтович, в прошлом – член Редакционных комиссий, где он примыкал к либеральному большинству. Домонтович имел репутацию «красного», был близок Абазе, и осенью 1880 г. по Петербургу даже ходили слухи, что недавно (в июне) и по настоянию императора [36, с. 112] назначенный товарищем министра финансов Бунге должен будет уступить

К.И.Домонтович

П.П.Семенов-Тян-Шанский

свое место Домонтовичу [8, с. 120]. Выбирая Домонтовича председателем комиссии, Абаза в свою очередь предопределял направление, в котором будет вестись работа.

Столь же не случаен был и подбор членов этой комиссии. В нее вошли председатель Центрального статистического комитета министерства внутренних дел П.П. Семенов-Тян-Шанский, управляющий Земским отделом того же министерства (в ведении этой структуры находилась крестьянская политика) Ф. Л. Барыков и председатель Петербургской земской управы кн. И. А. Горчаков [17, с. 345, примеч.130]. При этом надо учесть, что Семенов-Тян-Шанский был в свое время одним из активных членов Редакционных комиссий, сторонником Н. А. Милютина, а Барыков долгое время работал в Земском отделе под началом другого члена Редакционных комиссий, ближайшего соратника Н. А. Милютина, Якова Александровича Соловьева.

Свою работу комиссия завершила в кратчайшие сроки (за февраль–март 1881 г.). Этому способствовали, во-первых, узость стоявшей перед ней задачи (определить ценность земель в нечерноземных губерниях) и, во-вто-

рых, чисто бюрократические методы работы. Эксперты к разработке и оценке проекта не привлекались, новые материалы не собирались. Комиссия обошлась уже имеющимися данными: земскими оценками земли, ценами ее найма и продажи, оценками земельных банков, све-

дениями Центрального статистического комитета и местных земских статистических работ.

Для конца 1870-х гг. такой подход к разработке сложного и малоизученного вопроса был скорее исключением. Как правило, даже небольшие сроки, отведенные для разработки какой-либо проблемы, не мешали ни дополнительным изысканиям, ни консультациям со знающими людьми. Например, межведомственная комиссия «для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России» под председательством министра государственных имуществ П. А. Валуева существовала меньше года. При этом ее деятельность включила и опрос местных официальных лиц (губернаторов, предводителей дворянства, председателей земских управ и сельскохозяйственных обществ, а также отдельных лиц), и сбор статистических сведений (специальными чиновниками на протяжении 3–4 летних месяцев). Всего Комиссией было получено 958 отзывов; ее заседания начались только после сбора всех данных и продолжались 5 месяцев (с 21 ноября 1872 по 28 апреля 1873 г.), причем из 52 заседаний 36 проходили с участием экспертов (всего было заслушано мнение 181 человека, в т. ч. помещиков и крестьян). Правда, это не избавило комиссию от критики. Видный дореволюционный исследователь Лященко, например, считал, что уже из состава комиссии и быстроты ее работ, занявших менее года, «можно предполагать, какого рода и какой невысокой ценности был собранный ею материал», «как пестры и случайны были результаты и содержание» изданных Комиссией громадных томов [21, с. 634].

Комиссия же Домонтовича вообще не ставила себе задачу исследования проблемы и поиска ее решения. Ее роль была скорее технической: наполнить проект необходимыми данными, сделать расчет «правильных» выкупных платежей, исходя из стоимости земли – из 5 % дохода с нее. В полном соответствии с «заказом» комиссия обосновывала «несообразность» взимания выкупных платежей с заработков крестьян. Это столь же неправильно, считали члены комиссии, как если бы городские имущества облагались налогом не по соразмерности с доходами от них, а с учетом и других доходов владельца – от личного труда и иных источников [19, с. 221]. И это объясняло, почему разработанный комиссией проект касался только тех губерний, где стоимость земли была меньше выкупных платежей, т. е. нечерноземной полосы. Для этих территорий предполагалось понизить выкупные платежи в среднем на 35 %: от 18 % до 70 % в разных губерниях и уездах, в зависимости от стоимости земли.

А.А.Абаза

помещику от 9 и даже до 12 рублей за десятину» [31, с.214]. Поэтому и предполагалось ввести немедленный обязательный выкуп только для крестьян того региона (нечерноземной полосы), где будут понижены выкупные платежи.

Новая жизнь старых надежд

Полученные в ходе работы комиссии цифры вполне оправдали надежды реформаторов, т.к. давали возможность, говорил Великий князь Константин Николаевич, достигнуть того, «что не было, да и не могло быть достигнуто в 1861 г., при тогдашнем положении крестьянского вопроса», а именно – «значительно приблизиться к идеальному, всеми желаемому соответствию размера поземельной ренты, взимаемой с наделов, с действительным качеством земли, другими словами: требовать от нее того только, что земля может дать, и освободить крестьян от необходимости изыскивать, вне земли, всякие другие источники для уплаты лежащего на них за предоставленную им землю платежа» [31, с.213].

Оставляя в стороне некоторый утопизм таких намерений Великого князя, не учитывающих реалии экономического развития страны, надо признать искренность его стремления реализовать то, о чем мечтали еще члены Редакционных комиссий. Правда, здесь нужно отметить

Министр финансов А.А.Абаза, со своей стороны, дополнил проект предложением перевести на выкуп тех крестьян нечерноземной полосы, которые еще оставались временнообязанными: 837 тыс. душ из 1552 тыс. душ в целом по европейской России [О работе комиссии и проекте см.: 17, с.345; 19, с.221–225; 25, с.121–123]. Сама мысль об обязательном выкупе носила, таким образом, вторичный характер и диктовалась невозможностью оставлять рядом с крестьянами, платящими после понижения выкупных платежей «за землю, напр., 5 рублей, таких, которые, оставаясь временно-обязанными, платят

один нюанс. Подобные построения были актуальны только в первый, «романтический», период их работы до лета 1859 г. – до того, когда собрались все члены-эксперты, то есть, главным образом, среди членов от правительства.

Редакционные комиссии

Действительно, тогда многих занимала мысль, что приведение выкупных платежей в соответствие с оценкой стоимости земли по арендным и продажным ценам отдельно для каждой местности дало бы возможность освободить крестьянина лично, вплоть до отмены круговой поруки и реформирования паспортной системы [12, с.22–23]. Однако эта идея требовала громадной предварительной работы. Перед глазами был пример Пруссии, где незадолго до этого была проведена реформа, сразу и полностью отделившая крестьян от их бывших владельцев. Однако предварительное распутывание сложных узлов, за столетия образовавшихся между помещиками и крестьянами, заняло несколько десятилетий. Отечественные реформаторы рубежа 1850–1860-х гг., признавая освобождение крестьян в Пруссии образцом социально-аграрной реформы, не решились на повторение этой кропотливой и долгой работы [11, с.93–95].

Ю. Ф. Самарину, вспоминал П. П. Семенов-Тянь-Шанский, «не трудно было убедить всех нас как в том, что определение размеров крестьянской повинности в соответствии с качеством земель, состоящих в пользовании крестьян (т.е. предлагавшаяся попытка кадастрации

крестьянских земель), было совершенно неосуществимо, так как потребовало бы десятки лет и больших затрат и не привело бы ни к каким практическим результатам, так и в том, что при требуемой современными нуждами государства спешности разрешения аграрного вопроса необходимо остановиться на несравненно более простой и несложной системе повинностей, логически вытекающей из принятого уже нами принципа, – существующего факта»: оставляя за крестьянами существующие наделы как служащие лучшим указателем их потребностей, необходимо «принять за исходную точку и существующие в оброчных имениях денежные повинности, лучше всего указывающие на платежные средства крестьян» [35, с.236].

Таким образом, критерием для определения выкупных платежей стал оброк с души, что создало базу для перехода на выкуп путем его капитализации. Но поскольку оброк включал плату не только за землю, но и за труд крестьянина – его размер изначально был выше стоимости земли. Однако на тот момент реформаторов привлекало другое: «гениальная простота определения размера денежной повинности крестьян за навсегда и бесповоротно закрепленные за ними наделы» и возможность сразу определить размеры миллиардной выкупной операции [35, с.237]. Более того, как заключил И.А.Христофоров, на основании анализа проведенных Редакционными комиссиями расчетов величин наделов, речь здесь шла даже не столько о сохранении «существующего факта», сколько о «процедуре выравнивания обложения», которыми много лет занимался в министерстве государственных имуществ один из видных деятелей Редакционных комиссий Я.А.Соловьев [41, с.132–133]. Но в то время, при полном отсутствии каких-либо подготовительных разграничений помещичьей и крестьянской собственности, пренебрежение нюансами давало единственную возможность провести реформу в кратчайшие сроки.

И вот спустя 20 лет была сделана вторая попытка снова поставить крестьянский вопрос на наиболее удобную для дальнейшего реформирования почву. Однако за истекшее время даже подступа к кадастрации земель сделано не было. Отсутствовало и систематическое описание качества крестьянской и помещичьей земли. Расчеты комиссии Домонтовича касались уездов и губерний только нечерноземного региона, не учитывали ни особенности более мелких территорий, ни существование анклавов нечерноземных и песчаных почв в черноземных губерниях. Кроме того, проект не касался западных губерний под тем предлогом, что крестьяне этого края уже получили послабления в ходе подавления Польского вос-

стания 1863 г. В результате, несмотря на заявленные цели восстановления справедливости, комиссии Домонтовича не удалось избежать «уравниловки» в определении размеров понижения выкупных платежей.

М.Т.Лорис-Меликов

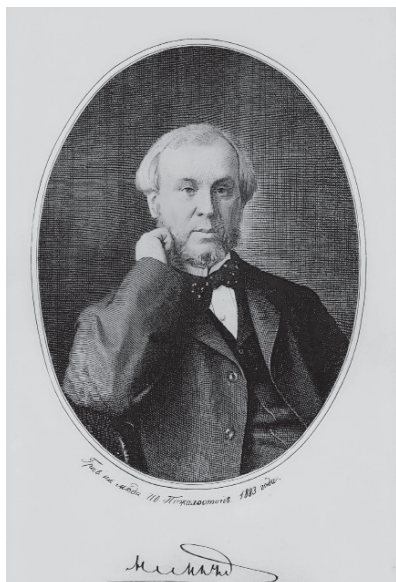
По существующим правилам готовый проект перед внесением в Государственный совет передавался на отзыв всем заинтересованным ведомствам. Министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов подошел к вопросу с политической точки зрения. В частности, в отзыве он писал о необходимости распространить планируемую меру и на черноземные губернии, поскольку после убийства Александра II 1 марта 1881 г. в народе появились «нелепые, может быть, злонамеренно распускаемые слухи, будто дарованные крестьянам в прежнее царствование права и милости будут у них отобраны». С целью успокоения умов, предотвращения волнений и укрепления в народе уверенности «о продолжении монаршего попечения о его нуждах» Лорис-Меликов и предлагал «показать одновременное попечение верховной власти о крестьянском населении всех местностей» [21, с. 646]. Но Абаза с этим мнением не согласился. Изменения в проект внесены не были.

Таким образом, поступивший 30 марта 1881 г. на обсуждение Государственного совета проект министерства финансов был выработан узким кругом единомышленников без участия экспертов и при игнорировании иных мнений. Это ставило его защитников в сложное положение.

Но председателя Главного комитета (и Государственного совета) Великого князя Константина Николаевича это не смутило. В конце концов, именно так решался крестьянский вопрос при разработке реформы 1861 г.

Бюрократы vs помещики

Уже тогда, на рубеже 1850–1860 гг., ярко проявилось недоверие бюрократии к представителям иных социальных страт (помещикам), ее опасение, что выработанный долговременными усилиями логичный проект может быть испорчен не вполне беспристрастными экспертами. В результате реформа 1861 г. буквально «продавливалась» ее создателями.

Милютин Н.А.

Уже тогда, на рубеже 1850–1860 гг., ярко проявилось недоверие бюрократии к представителям иных социальных страт (помещикам),

ее опасение, что выработанный долговременными усилиями логичный проект может быть испорчен не вполне беспристрастными экспертами. В результате реформа 1861 г. буквально «продавливалась» ее создателями.

Предубеждение реформаторов против основной массы помещиков проявилось еще в январе 1859 г., когда Главный комитет по крестьянскому делу согласился с министром внутренних дел, что члены губернских комитетов «не должны стесняться» мнением избравших их дворян [15, с. 317–318.]. Когда же были собраны Редакционные комиссии, лидерские позиции в них заняли либеральные бюрократы Н. А. Милютин и Я. А. Соловьев. При этом Милютин говорил: «Никогда, пока я стою у власти, я не допущу каких бы то ни было притязаний дворянства на роль инициаторов в делах, касающихся нужд и интересов всего народа. Забота о них принадлежит правительству; ему и только ему одному принадлежит и всякий

почин в каких бы то ни было реформах на благо страны» [38, с. 143].

Эти же настроения демонстрировала и записка министра внутренних дел С. С. Ланского, поданная императору в конце июля 1859 г., перед приездом депутатов первого призыва – представителей 21 губернского комитета в основном нечерноземных губерний (постановления этих комите-

тов были уже рассмотрены Редакционными комиссиями). Записка была инициирована и составлена Милютиным с помощью Соловьева, и суть ее сводилась к критике состава и предложений губернских комитетов, которые авторы делили на 3 части – представителей крепостников, аристократов-англофилов и небольшое число комитетов, сочувствующих видам правительства и заботящихся о крестьянах (в эту категорию вошли наиболее радикально настроенные комитеты, в т. ч. Тверской) [33, с. 1369–1373].

Конечной целью записки было предотвращение сплоченной оппозиции проекту Редакционных комиссий. Милютин опасался, что разрешение совещаний депутатов приведет к тому, что многие из них пойдут на компромисс, чтобы «потопить» нежелательный проект Редакционных комиссий, и в высших кругах найдутся люди, которые их поддержат [39, с. 78]. В записке подчеркивалось, что представители губернских комитетов вызваны «для представления правительству тех сведений и объяснений, кои оно признает нужным иметь», а не для разрешения «каких-либо законодательных вопросов» [33, с. 1376]. Записка была одобрена императором, результатом чего стала инструкция депутатам, проект которой также был составлен Милютиным и Соловьевым, обсужден в особом секретном совещании [35, с. 285–289], одобрен Редакционными комиссиями, Главным комитетом и утвержден царем 11 августа 1859 г. Ю.Ф. Самарин в письме кн. Е. А. Черкасской от 26 августа 1859 г. так охарактеризовал обращенный к депутатам смысл этой инструкции: «Вы больше ничего, как ходячие справочные книги; о чем вас просят, на то и отвечайте, но от участия в совещаниях вы избавляетесь» [39, с. 84].

На депутатов инструкция произвела ошеломляющее впечатление. Неизвестно кем составленная и поднесенная к высочайшему подписанию, писал А. И. Кошелев, она противоречила всем обещаниям правительства [20, с. 135]. Всего годом ранее сам император в речах 11 августа 1858 г. к тверскому, 16 августа 1858 г. к костромскому и еще три дня спустя – к нижегородскому дворянству обещал, что два из избранных от каждой губернии депутата будут иметь возможность участвовать в общем обсуждении в Петербурге выработанных положений реформы. В таком же духе были выдержаны и рассылавшиеся журналы общего присутствия Редакционных комиссий, и журнал Главного комитета от 26 октября 1858 г., и отношение министра внутренних дел, вызвавшее депутатов в Петербург [20, с. 134–135]. На деле же депутаты были лишены права голоса, для обсуждения им предлагался ограниченный круг вопросов и, кроме того, им было запрещено собираться на общие совещания

и подавать коллективные мнения [34, т. 1, с. 604–607]. По выражению М.А.Безобразова, они были «разбиты на единицы» [34, т. 2, с. 942].

Но больше всего депутатов поразило «такое недоверие к ним правительства, такое неуважение в них лиц, избранных губернскими комитетами, составленными выборными из дворянства, такое униженное положение депутатов в отношении к Редакционным комиссиям» и проистекающая из этого «совершенная невозможность исполнить без общего совещания назначение, им указанное государем и данное доверием губернских комитетов» [20, с. 136].

Их рациональные, основанные на опыте поправки и замечания изначально не то чтобы отвергались, но ставились под сомнение. Попытки найти поддержку в придворных кругах не оправдались. Депутаты надеялись, что проект будет переработан Главным комитетом, но ко времени его рассмотрения в комитете Орлов заболел и его заменил Вел. кн. Константин Николаевич, который еще до начала обсуждения проекта заручился согласием императора консультироваться с ведущими членами Редакционных комиссий – Н.А.Милютиным, Ю.Ф.Самариным и В.А.Черкасским [18, с.311].

Последней возможностью внести исправления оставалось обсуждение проекта в Государственном совете. Но она была пресечена лично Александром II. 28 января он специально пришел на первое заседание Совета по этому вопросу и потребовал скорейшего рассмотрения дела. Впрочем, по мнению Д.А.Оболенского, и без высочайшей поддержки проекта шансов на его исправление на этом этапе было немного. «Тут готовится сильная по численности оппозиция, но слабая по качествам ее представителей, – писал он о Государственном совете в январе 1861 г. – Можно почти с достоверностью полагать, что проект Редакционных комиссий будет утвержден государем с весьма незначительными изменениями» [24, с. 183–184]. Так и произошло. Как известно, изменения проекта Редакционных комиссий носили точечный характер. Как, например, предложение кн. П.П.Гагарина о дарственном наделе [7] или внесенный по настоянию второго председателя Редакционных комиссий В.Н.Панина пункт о переобработке – перерасчете крестьянских платежей через 20 лет после реформы.

Это, безусловно, способствовало целостности проекта, но имело и свою оборотную сторону. Как писал позже Ю.Ф.Самарин, «работая два года в зале кадетского корпуса и в кабинете Милютина, мы невольно ко многому пригляделись и прислушались, от многого отошли и создали себе условную среду; теперь, при встрече с действительностью, все недостатки Положения режут глаза» [39, с.258, примеч.1].

20 лет спустя этот разочаровывающий опыт учтен не был. И бывшие сотрудники Редакционных комиссий вместе с Вел. князем Константином Николаевичем пошли по тому же привычному им пути – всеми силами стараясь сохранить проект в первоначальной чистоте и игнорируя оппозицию. При этом великий князь заранее усвоил себе позицию авторов проекта: Домонтович и Семенов-Тянь-Шанский были его постоянными советниками [9, с.664].

Однако к началу обсуждения проекта в Государственном совете расстановка сил значительно изменилась. Гибель Александра II и смена на престоле поколебали положение Константина Николаевича. Шла речь о его скорейшем увольнении со всех постов. Тогда А.А.Абаза обратился к Александру III с просьбой отложить отъезд Великого князя из Петербурга для того, чтобы он смог председательствовать при обсуждении подготовленного в министерстве финансов проекта. При этом Абаза ссылался на знание Константином Николаевичем крестьянского дела, которым он занимался с 1857 г. и его «опытность в председательствовании» [2, л.45 об.].

Новому императору дело о понижении выкупных платежей представлялось довольно ясным. Так что при всей своей антипатии к дяде, он не посчитал нужным отбирать у Константина Николаевича главенство при окончательном разрешении этого вопроса. Александр III полагал, что Великий князь может подать просьбу об увольнении его с должностей председателя Государственного совета и главы морского ведомства осенью и не возражал, чтобы обсуждение представления министра финансов об уменьшении выкупных платежей проходило под председательством Константина Николаевича [27, с.184].

1881 год. Первое обсуждение проекта

Соединенное присутствие Главного комитета и департаментов Законов и Государственной экономии приступило к рассмотрению проекта

6 апреля 1881 г. Его обсуждение заняло два дня (6 и 7 апреля), причем в обоих случаях заседание продолжалось максимально долго, до 6 часов вечера. Константин Николаевич открыл заседание обширной речью, в которой объяснил все основания подготовленного проекта [31].

Как известно, проект был поддержан единогласно, и затем такую же поддержку получил в Общем собрании. Конечно, не обошлось без оппозиции, но и современники, и исследователи о ней или вообще не упоминают [17, с.347–348; 19, с.230], или делают это вскользь. Так, по сви-

детельству государственного секретаря Е. А. Перетца, в Соединенном присутствии «серьезных возражений по существу» ни с чьей стороны не последовало [27, с. 190]. В. Е. Воронин отмечает лишь, что замечания были высказаны Н. И. Стояновским, Е. И. Бреверном, М. Н. Островским, Н. П. Игнатьевым и Д. М. Сольским, а критика проекта свелась к сомнению в существе дела, высказанному Бреверном, и указанию Островского на слишком короткий срок, данный для изучения проекта [9, с. 666].

Крестьяне

Между тем оппозиция проекту носила гораздо более серьезный характер. Во-первых, был подвергнут критике сам принцип понижения выкупных платежей только в нечерноземных губерниях. Стояновский и Сольский указывали, что в черноземных и степных губерниях есть немало местностей с бесплодными землями, для которых, исходя из принципа, принятого министром финансов, необходимо провести понижение выкупных платежей. Например, в черноземном Воронежском уезде есть районы с песочными почвами, так что при равных выкупных платежах стоимость земли здесь может отличаться в 7 раз (11 руб. и 1,5 руб. за десятину) [4, л. 12 об. – 13, 21–21 об.]. Их поддержал Островский, который, кроме того, заметил, что проект не предполагает понижение выкупных платежей в Витебской и северо- и юго-западных губерниях под тем предлогом, что после Польского восстания 1863 г. крестьянам тех областей уже были сделаны значительные послабления. Но это не отменяет того факта, что выкупные платежи в этом крае по-прежнему выше доходности земли. Таким образом, составители проекта сами нарушают логику предложенного ими подхода [4, л. 17–17 об.].

Второе принципиальное замечание касалось отстаиваемой Абазой зависимости благосостояния крестьян от стоимости надельной земли. Приводя примеры зажиточных промысловых сел нечерноземных областей (что признавалось и проектом министра финансов), Островский призывал к ограничению предлагаемых проектом льгот «пределами действительной, а не теоретической необходимости» [4, л. 16об.].

Наконец, неоднократно отмечалась недопустимость крупных льгот для одной части крестьян и одновременное пренебрежение проблемами другой, неизбежность в этом случае волнений и «брожения умов» (Бреверн, Островский, Сольский, Игнатъев) [4, л. 14, 15об. – 16, 19, 22об., 23]. Вряд ли крестьян удовлетворит, – замечал Островский, – предусмотренное проектом разъяснение им «настоящего значения предпринимаемой меры, а именно – что платежи, вносимые для выкупа земли, должны быть в соответствии с ее стоимостью» [4, л. 16].

Конечно, Абаза не мог не чувствовать основательности всех этих замечаний, и его рассуждения о восстановлении давно нарушенной справедливости [4, л. 29об., 39] были лишь попыткой замаскировать основную задачу проекта, который должен был стать важным шагом на пути к податной реформе. Возражений по существу его оппоненты так и не услышали. Свою защиту Абаза выстроил совсем в другой плоскости, приведя в качестве главного аргумента волю покойного императора. Он начал с того, что Александр II, утвердив 1 февраля 1877 г. положение Главного комитета, таким образом прямо выразил свое желание привести качество наделов в соответствие с наложенными на них платежами [4, л. 26об.].

Далее министр финансов заявил (и в этом его поддержал его предшественник М. Х. Рейтерн), что предлагаемый отказ от расчета выкупных платежей по оброку, т.е. переход от обложения души к обложению земли, объясняется изменившимися за 20 лет обстоятельствами и является не нарушением Положения 19 февраля 1861 г., а лишь его улучшением [4, л. 27–27об., 36–36об.]. Наконец, он вспомнил свои доклады Александру II 20 и 27 февраля 1881 г. и рассказал о желании императора ввести обязательный выкуп во всей России и даже дословно привел высказывание монарха: «В прежнее время я всегда был против обязательного выкупа. Мне хотелось дать время помещикам устроиться с крестьянами домашним образом, отнюдь не входя между ними насильственно. Но я никак не ожидал, чтобы в двадцать лет дело это не могло окончиться, а потому полагаю ныне, что оно должно быть завершено» [4, л. 30об.].

Далее последовала сентиментальная пауза: «При воспоминании о Государе Императоре и словах, Его Величеством произнесенных, Вели-

кий князь Константин Николаевич поник главой и, закрыв лицо рукою, изволил горько заплакать» [4, л. 31].

Завершая свое выступление, Абаза заявил, что приведение платежей крестьян в надлежащее соответствие с качеством наделов и обязательный выкуп «является завершением, венцом всего здания Крестьянского дела» [4, л. 31 об.], которое Александр II считал важнейшим для своего царствования; и что, следуя воле покойного императора, он согласен на обязательный выкуп не только в нечерноземных, но и в остальных губерниях. Но при этом министр финансов оставлял за собой право в том, что касается выкупных платежей, остаться на «теоретической точке зрения, а именно держаться выставленного им принципа о необходимости приводить в соответствие ценность земли с платежами, на нее возложенными, и не идти далее того, что в этом отношении было указано Главным комитетом в 1877 году» [4, л. 33 об.]. Таким образом, все критические замечания были им отринуты.

Далее началось подробное рассмотрение каждой статьи проекта, которое заняло несколько часов 6 апреля и все заседание 7 апреля. Главную роль здесь играл Константин Николаевич, который, «руководя прениями, изволил согласовать противоречия; своими объяснениями устранять недоразумения и разрешать те вопросы, с которыми обращались к Его Высочеству члены Соединенного присутствия. Результатом труда сего было общее, единогласное разрешение всех вопросов, выдвинутых представлением министра финансов». Такое нивелирование разногласий при председательствовании Константина Николаевича было обычной практикой. Великий князь был малотерпим к другим мнениям, пристрастен [1, л. 664 об.], так что единогласное решение нередко принималось, по выражению Д.А. Оболенского, «по сильному настоянию великого князя» [24, с. 341]. Еще более гладко прошло обсуждение проекта Общим собранием 27 апреля, где также «с обычным своим пристрастием и горячностью» (К.П. Победоносцев) [27, с. 203] председательствовал Константин Николаевич. «Не совещание, – а представление по делу о выкупе и пр.», – записывал в дневнике П.А. Валуев [8, с. 163].

Оппозиция

Правда, отсутствие разногласий не означало еще, что все вопросы были сняты Соединенным присутствием. Внешнее согласие было результатом жесткой позиции, занятой, при поддержке великого князя, А.А. Абазой, который еще перед заседанием категорически отказался от каких-либо уступок, в том числе и от более подробного рассмотрения дела с участи-

ем экспертов [27, с.201]. В итоге никто из участников заседания не высказался против проекта. Промолчали и готовившие оппозицию Игнатъев и Островский, что не мешало им впоследствии говорить, что Великий князь «"скомкал" дело об уменьшении платежей. Дело проходит Госуд[арственный] совет не продуманное» [3, л.233]. А когда на следующий после заседания день Победоносцев попытался объяснить Перетцу позицию противников проекта, тот ответил, что после Общего собрания «ничего уже нельзя сделать», «дело уже конечно» [27, с.204].

Однако государственный секретарь ошибся. В понедельник 11 мая пришедший на последнее заседание Общего собрания Д.А.Милютин «заметил, что между некоторыми членами и статс-секретарями происходило какое-то шушукание, и вскоре узнал, что речь шла о неожиданном решении государя по делу об уменьшении выкупных платежей с бывших помещичьих крестьян: государь решил согласно с мнением трех членов соединенных департаментов (Игнатъева, Островского и Победоносцева) против большинства и вопреки единогласному мнению общего собрания!» [23, с.330]. Утвердив Положение об обязательном выкупе, император приказал пересмотреть дело о выкупных платежах в совещании министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, при участии экспертов по их выбору, после чего проект должен был снова вернуться в Государственный совет на вторичное рассмотрение.

Больше всего таким решением был возмущен Константин Николаевич, положивший немало сил на борьбу с оппозицией проекту. «Вот ты, матушка, и Юрьев день!!! – записывал он в дневнике. – Единогласное мнение Госуд[арственного] совета не утверждено! Дело неслыханное!!» [Цит. по: 9, с.676]. Императорскую резолюцию он воспринял как «глубокое оскорбление себе и Совету» [27, с.212], а виновника произошедшего видел в Победоносцеве и, не скрывая негодования, говорил Д.А.Миллю-

К.П.Победоносцев

Н.П.Игнатьев

тину: «Таким образом, внушения одного интригана переиначивают работу целой комиссии специалистов, прошедшую через соединенные департаменты и единогласно одобренную общим собранием Государственного совета! Стоит ли после того рассуждать и спорить в заседаниях!» [23, с. 330].

Особенная резкость реакции великого князя, возможно, объяснялась и тем, что решением императора дело о выкупных платежах фактически передавалось в руки противников проекта. Манифест о неизбежности самодержавия 29 апреля 1881 г. и последовавшая отставка М. Т. Лорис-Меликова и А. А. Абазы привели к их замене на министерских постах соответ-

ственно Н. П. Игнатьевым и Н. Х. Бунге, тогда как преемником Игнатьева как министра государственных имуществ стал М. Н. Островский. Это еще не предрешало результатов обсуждения, но привело к дискуссии, сама возможность которой ранее пресекалась.

1881 г. Второе обсуждение проекта

Выбор экспертов был довольно удачен. По крайней мере, даже противник пересмотра дела Е. А. Перетц писал, что в Петербург собрались «двенадцать экспертов из наиболее известных и сведущих практических деятелей разных оттенков и из разных частей государства» [27, с. 250–251]. Все они единогласно высказались за распространение выкупных платежей и сложения недоимок на всю Россию (исключая западные губернии). Разногласие произошло по вопросу о сущности выкупных платежей: представляют ли они собой ренту за землю или совокупность повинностей. При этом сторонники первой точки зрения оказались в меньшинстве [17, с. 420–422]. Большинство же посчитало необходимым уравнильное снижение выкупных платежей (рубль с душевого надела) и дополнительное специальное понижение для нуждающихся в этом

Выбор экспертов был довольно удачен. По крайней мере, даже противник пересмотра дела Е. А. Перетц писал, что в Петербург собрались

селений [25, с. 138–139]. Совещание трех министров поддержало точку зрения большинства, и в таком виде в октябре 1881 г. вопрос о выкупных платежах снова поступил на рассмотрение Государственного совета. При этом отсутствие Вел. кн. Константина Николаевича в корне изменило ситуацию.

Осенние заседания наглядно продемонстрировали то давление, которое испытали члены Совета, весной проголосовавшие единогласно. На этот раз единогласия не сложилось даже в Соединенном присутствии Главного комитета и департаментов Законов и Государственной экономии. Весеннее решение отстаивали только 4 члена соединенного присутствия, тогда как 12 (!) выступили против.

В Общем собрании вопрос рассматривался на протяжении двух заседаний, 30 ноября и 7 декабря. При этом на первом заседании за первоначальный проект Абазы (который весной прошел единогласно) выступило всего 11 членов Общего собрания, 34 оказались против. Тогда же было заявлено особое мнение – о возврате проекта в Департаменты для дополнительного обсуждения. На следующем заседании к этому особому мнению присоединилось 15 человек, так что большинство и меньшинство составили соответственно 27 и 5 человек, а 21 декабря, во время чтения журнала, меньшинство также присоединилось к особому мнению [17, с. 422–423].

В ходе обсуждения были высказаны многие аргументы, прозвучавшие еще в апреле, но проигнорированные авторами проекта: о сложном положении крестьян черноземных губерний, не имеющих иных заработков, кроме земледелия, о необходимости предотвращения недовольства в среде крестьян с помощью равномерных льгот и проч. [25, с. 142–143]. Новым был отказ большинства от сопряжения крестьянской и налоговой реформ. В соответствии с этим совсем иную трактовку получил принцип справедливости, о котором в апреле с жаром говорил Абаза. Теперь под ним подразумевалось уже не соответствие платежей ценности земли, а «уравнение податной тягости между разными разрядами крестьян», в частности, между бывшими помещичьими крестьянами и находящимися в гораздо лучшем положении бывшими государственными крестьянами [25, с. 137, 142]. Вообще справедливость и равномерность льгот при обсуждении проекта зимой 1881 г. стала объектом особой заботы Государственного совета.

Примечательно также, что министров особенно привлекла внешняя простота такой уравнительной схемы: как в свое время и члены Редакционных комиссий, они увидели в ней возможность безотлагательного

проведения задуманной меры при благоприятном впечатлении «на массы сельского населения» и без угрозы каких-либо недовольств и волнений [25, с. 141].

Таким образом, с конца 1881 г. крестьянский вопрос получает новое направление. Фискальные соображения, долгое время главенствовавшие при его разрешении, сменяются социальными подходами, а министр финансов уступает главную роль в разработке соответствующих проектов министру внутренних дел. Главным направлением в отношении правительства к крестьянству становится попечительство, стремление регулировать и, по возможности, тормозить процессы распада традиционного крестьянского быта. Это соображение неизменно присутствовало в крестьянском законодательстве второй половины 1880-х – начала 1890 гг.: законах о семейных разделах (18 марта 1886 г.), о найме сельскохозяйственных рабочих (12 июня 1886 г.), о крестьянском переселении (13 июля 1889 г.), а также в законодательных актах, касающихся общинного землевладения и общинного землепользования – законах о переделах общинной земли (8 марта 1893 г.) и ограничении купли-продажи крестьянских наделов (14 декабря 1893 г.).

Эта позиция правительства оставалась неизменной и в начале XX в. Созданная при Министерстве внутренних дел Редакционная комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах даже накануне революции 1904–1905 гг. будет отстаивать необходимость сохранения попечения над этим социальным слоем со стороны государства. С точки зрения комиссии уже наделение крестьян землей (в том числе и продолжающееся за счет переселений) «обязывает правительство к бдительному надзору за тем, чтобы этот земельный фон действительно удовлетворял той потребности, для коей он предназначен, а именно: обеспечивал существование крестьянства, взятого как сословие, т.е. в преобладающей его массе, а не только единичных его представителей». Не стесняя предприимчивость и «приобретательную способность» отдельных крестьян, закон и правительство обязаны наблюдать, чтобы «эти предприимчивость и способность не развивались за счет такого источника, который имеет особое, более обширное, общегосударственное значение – служить основой существования народных масс. Последние заключают в своей среде множество слабых элементов, не имеющих достаточно силы и прочности, чтобы устоять против натиска на них людей, одаренных большей энергией, а иногда и большей неразборчивостью в средствах к достижению намеченной ими цели». «Словом, государство и поныне продолжает свою попечительную деятельность. Но тому, кто оказывает

попечение, принадлежит и право надзора за пользующимися его попечительными заботами» [40, с. 13–15].

Таким образом, 1881 г. в решении аграрного вопроса имел двоякое значение. Закон об обязательном выкупе, как конечная цель преобразований 1861 г., формально завершал Крестьянскую реформу Александра II. А датированный тем же днем, 28 декабря, закон о понижении выкупных платежей открывал новую страницу правительственной политики по отношению к крестьянству, целью которой было постепенное, подконтрольное правительству развитие этого социального слоя при обеспечении максимальной стабильности крестьянской массы.

Библиографический список

1. Веселовский М.П. Записки // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф.550. F.IV. №861. 730 л.
2. Головнин А.В. Письмо к Д.А.Милютину от 26 декабря 1881 г. // НИОР РГБ. Ф.169. Карт. 61. Д.33. Л.44–47.
3. Киреев А.А. Дневник // Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф.126. К.8. 262 л.
4. Мемория заседаний Государственного совета по делу о переводе на выкуп временно-обязанных крестьян и о понижении выкупных платежей в нечерноземных областях. 1881 // ГА РФ. Ф.722. Оп.1. Д.533. 44 л.
5. Ананьич Н.И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. Т.94. М.: Наука, 1974. С.183–212.
6. Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История. Статистика: В 2 т. СПб., 1882. Т.2. 311 с.
7. Бурдина О.Н. К изучению истории крестьянской реформы 1861 г. («Особое мнение» кн. П.П.Гагарина) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей / отв. ред. Муравьева Л.Л. М.: ИРИ РАН, 1996. С.153–172.
8. Валуев П.А. Дневник. 1877–1884. Пг.: Былое, 1919. 311 с.
9. Воронин В.Е. Деятельность великого князя Константина Николаевича в контексте реформирования социально-политического строя России (60–70-е гг. XIX в). Дисс. докт. ист. наук. М.: МПГУ, 2009. 775 с.
10. Гиндин И.Ф. К вопросу об экономической политике царского правительства в 60–80-х гг. XIX века // Вопросы истории. 1959. №5. С.63–82.
11. Долбилов М.Д. Земельная собственность и освобождение крестьян // Собственность на землю в России: история и современность. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. С.45–152.

12. Долбилов М.Д. Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: к оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история. 2000. №2. С.15–36.
13. Дружинин Н.М. Главный комитет об устройстве сельского состояния // Исследования по социально-политической истории России. Л.: Наука, 1971. С.269–286.
14. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М.: Наука, 1978. 287 с.
15. Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу: В 2-х т. Петроград: Государственная типография, 1915. Т.1: С января 1857 года по 30 ноября 1860 года. 540 с.
16. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов. М.: Мысль, 1970. 444 с.
17. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: МГУ, 1964. 512 с.
18. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 718 с.
19. Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения: (выкупная операция: 1861 г. –1907 г.). Киев: Тип. Н.Т.Корчак-Новицкого, 1914. 569 с.
20. Кошелев А.И. Избранные труды / сост. авт. вступ. ст. и комм. П.В.Акульшин, В.А.Горнов. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с.
21. Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции в России. Т.2. Ч.1. СПб.: Типография ред. периодич. изд. Министерства финансов, 1913. 724 с.
22. Мигулин П.П. Выкупные платежи: К вопросу о их понижении. Харьков: тип. «Печ. дело» кн. К.Н.Гагарина, 1904. 59 с.
23. Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с.
24. Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб.: Нестор-История, 2005. 504 с.
25. Отчет по государственному совету за 1881 год. СПб.: Государственная типография, 1883. 665 с.
26. Отчет по Государственному совету за 1886 г. СПб.: Государственная типография, 1888. 707 с.
27. Перетц Е.А. Дневник (1880–1883). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 512 с.
28. Покровский Н.Н. О подоходном налоге. Пг.: Тип. ред период. изд. М-ва ф-сов, 1915. 127 с.
29. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1879. Т.52 [1877]. 1949 с.; 1880. Т.53 [1878]. 1631 с.; 1881. Т.54 [1879–18 февраля 1880 года]. 1738 с.
30. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. СПб.: Государственная типография, 1888 Т.6 [1886]. 1238 с.

31. Речь в. кн. Константина Николаевича 6 апреля 1881 г. // Голос минувшего. 1915. №2. С.208–216.
32. Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т.1. М.: типо-лит. Т-ва И.Н.Кушнерев и К°, 1903. 536 с.
33. Семенов Н.П. Материалы для истории упразднения крепостного права в России. Записка графа С.С.Ланского (1859) с предисловием Н.П.Семенова // Русский архив. 1869. №7 и 8. С.1362–1376.
34. Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому вопросу. СПб.: издание М.Е.Комарова, 1889. Т.1. 867 с.; 1890. Т.2. 1020 с.
35. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т.3. Пг.: издание семьи, 1915. 456 с.
36. Степанов В.Л. Н.Х.Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 397 с.
37. Страховский И.М. Крестьянский вопрос в законодательстве и в законосовещательных комиссиях после 1861 г. // Крестьянский строй. Сборник. Т.1. СПб.: Книгоиздательство «Беседа», 1905. С.371–455.
38. Стремоухов П.Д. Заметка одного из депутатов первого призыва // Русская старина. 1900. Т.102. №4. С.139–144.
39. Трубецкая О.Н. Материалы для биографии кн. В.А.Черкасского. Т.2. М.: тип. Г.Лиснера и А.Гешеля, 1904. 595 с.
40. Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т.1. Свод выработанных комиссией законопроектов. СПб.: Типография МВД, 1903. 443 с.
41. Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 367 с.
42. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. Л.: Наука, 1978. 248 с.
43. Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике. Л.: Наука, 1971. 226 с.

До чего люди любят
карты и планы! А почему?
Да потому, что там,
на картах и планах,
можно потрогать север,
юг, восток и запад рукой.

Рэй Брэдбери

...а страны и континенты на географической карте давно выцвели и дрейфуют...

Алессандро Д'Авения

Евгения Лупанова

«ЗА МОРЕМ СОКРАТЫ ДОБРОНРАВНЫ?»

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

УДК

94

Рецензия посвящена книге Т.Р.Берга «Театр мира. История картографии», удостоенной в 2017 г. норвежской премии Браги и теперь предлагаемой русскому читателю. Несмотря на соблюдение формальностей, обычно присущих научной и качественной научно-популярной литературе, внимательное чтение книги подталкивает к мысли о ее компилятивном характере. В рецензии показано, почему изложенные материалы следует воспринимать со значительной долей скепсиса. Общий вывод сводится к тому, что специалисты предпочтут более серьезную литературу, а для широких интересующихся кругов книга таит в себе целый ряд опасностей как с точки зрения распространения западной идеологии, так и с позиций искажения исторических фактов.

The review is devoted to T.R.Berg's book «Theatre of the World. The maps that made history», granted in 2017 by Brage prize in Non-fiction nomination and now translated into Russian. Though it is supplied by standard attributions of scientific or popular but well-perceived edition, close reading reveals complete and crude character. The review shows why the presented work should be comprehended with a good deal of skepticism. General conclusion is that specialists usually prefer more serious researchers and for wide readers this book contains too many traps of spread and enforcement of Western ideology, spread and enforcement mistakes and misunderstanding of historical realities.

Ключевые слова: история науки; картография; геодезия; аэрофотосъемка; территориальные притязания государств; освоение космоса; англо-американская идеология.

Key words: history of science; cartography; geodesy; aero-surveying; territorial claim, space exploration; modern Anglo-American ideology.

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

Казалось бы, история картографии с древнейших времен – нейтральная тема, а в современной исторической науке приняты объективные методы исследования и суждения, на которые не влияет политическая ситуация.

**Привлекательная форма
и опасное содержание**

В 2017 г. книга Т.Р.Берга «Театр мира: История картографии» удостоилась премии Браги в номинации «документальная проза». Вышедший недавно перевод на русский язык привлекает внимание как специалистов, так и просто интересующихся исторической тематикой.

Книга Т.Р.Берга
«Театр мира: История картографии»

За прошедшее с момента публикации время автору рецензии несколько раз задавали в беседах вопрос, какое впечатление произвела эта новинка. Интернет-магазины предлагают приобрести ее как популярное издание, написанное компетентным ученым. Впечатление научной достоверности создается благодаря изложению в тексте разных точек зрения на тот или иной процесс, а также наличию списка литературы и именного указателя. Казалось бы, очевидны все атрибуты серьезной работы исследователя. В глазах неискушенной публики этот эффект усиливается благодаря бытовым зарисовкам, граничащим с художественной прозой: «Под мышкой у него свиток папируса, взятый с одной из многочисленных книжных полок в Мусее. Он направляется к эскадре – полукруглой нише с каменной скамьей» (с. 44); «Солнце садится над ливийской пустыней и морем. В Александрийском музее время ужина для всех постояльцев. Птолемей сворачивает свиток энциклопедии Плиния и идет обратно через колоннаду. Вечером в своей комнате при колеблющемся свете свечи он записывает новые названия мест и их координаты» (с. 65); «От него веяло мужественностью, когда он подошел к ней, и она почувствовала теплый запах его кожи. Низким голосом он сказал: "Мери, мы нанесем на карту весь земной шар и весь подводный мир"» (с. 270) и т. п.

Историческая наука отличается от большинства других тем, что результаты многолетней серьезной работы специалиста могут быть представлены легким для восприятия языком, понятным широкому читателю. Интерес публики к прошлому стимулирует развитие именно такого жанра, и целый ряд уважаемых в профессиональной среде академических ученых публикует монографии, тираж которых расходится ненамного хуже беллетристики [см., например: 1; 2; 8; 13; 14; 16; 17]. Однако на волне упомянутого спроса появляется также псевдоисторическая и низкокачественная литература. Под интригующим заголовком, красивой дизайнерской обложкой, красочными иллюстрациями вкупе с доступным изложением может скрываться непроверенная и спорная информация. В результате не имеющий специального образования читатель вводится в заблуждение, а недостоверные факты получают широкое распространение.

Именно такую опасность таит в себе и «История картографии» Т. Р. Берга. По всей видимости, это компилятивная работа, в которой автор, не имеющий привычки систематизировать и анализировать материал, собрал под одной обложкой выписки из работ историков географии и разного рода журналистских заметок.

Специфика местной культуры В книге справедливо отмечается, что любая культура склонна к изображению себя в центре, а прочих народов и стран – на периферии.

Отсюда и европоцентризм, и традиционные китайские представления о том, что центром мироздания является дворец пекинского императора, и зафиксированное этнографами в разных точках земного шара поклонение священному столбу или дереву как «сердцу» вселенной. Данная закономерность влияет и на карты, и на нарративы. Неудивительно, что и текст норвежского автора «вращается» вокруг Скандинавского полуострова.

Однако, предлагая перевод, следовало бы адаптировать его к особенностям восприятия русским читателем (хотя бы посредством примечаний переводчика или же сделав необходимые разъяснения во вступительной статье). В отсутствие таковых комментариев вызывают недоумение, например, первые упоминания Туле (с. 55–58). В России это слово ассоциируется, в первую очередь, с Тулой. Но лишь в процессе чтения удается понять, что речь идет о мифическом острове. Обращаясь к сюжету о запуске первого искусственного спутника Земли, Т.Берг откровенно заявляет: в этот момент «американцам пришлось с горечью признать, что заклятый враг достиг космоса раньше их» (с. 283). При этом автор с суеверным страхом отказывается называть этого «врага» по имени в контексте достижений и пишет, что спутник был запущен из Казахстана, который за последние 30 лет уже привыкли считать независимой страной, не задумываясь об исторических реалиях относительно недавнего прошлого. Предрассудок исчезает в части, посвященной Холодной войне (с. 285–297). Впечатление бездумной компиляции, отсутствия у автора цельных логичных представлений об описываемых явлениях и процессах усиливается после знакомства с текстом, посвященным Холодной войне.

Не менее противостоительно выглядит практически полное отсутствие в книге упоминаний нашей страны в главе «С высоты птичьего полета», посвященной становлению аэрофотосъемки фотограмметрии (с. 226–251) [ср.: 6; 7; 15; 21; 22; 23; 24]. Лишь в самом конце Т.Берг пишет: «Роль самолетов как воздушных шпионов заметно уменьшилась после того, как в 1960 г. СССР сбил американский самолет-разведчик U2. Однако тремя годами ранее абсолютно новая технология покорила мир: в космос был запущен первый спутник» (с. 251). Само

собой подразумевается, что цивилизованные и миролюбивые страны НАТО никогда не опускаются до таких варварских действий, как уничтожение самолетов или подводных лодок. Все аварии русской, арабской и другой неугодной Западу техники происходят исключительно по причине безграмотности работающих в малоразвитых странах инженеров и нерадивости вороватых рабочих. Роль Североатлантического альянса может быть только созидательной и оцениваться исключительно положительно.

**Политический
и идеологический заказ?**

Т.Берг пытается рассматривать политическое соперничество и спорность некоторых территорий с исторической точки зрения. При

этом автор признает лишь сильных соперников – пишет об открытиях и связанных с ними притязаниях Дании, Голландии и Великобритании (естественно, недостаточно обоснованных с точки зрения норвежцев), но совершенно игнорирует опыт российского пребывания на Шпицбергене, Медвежьем острове и других северных землях (с.223–225) [ср.: 5; 10; 11; 9; 12; 20; 18].

Книга не выглядит откровенным политическим заказом, однако Т.Берг строго соблюдает требования западной цензуры и идеологии. Он раскрывает роль картографирования в демократизации политических режимов (с.278–281). При этом демократизация, увеличение количества карт и способов их использования, как под его пером, так и на деле, оказываются оторванными от развития образования, не только массового, но и элитарного. На с.255 Т.Берг пишет о наблюдении 1920-х гг.: «Лидеры Европы тупо смотрят на топографические карты, ... "не умея отличить гору от кротовины, речку от долины" – и для них он придумал физиографическую диаграмму, на которой горы выглядели как горы. Позднее Лобек стал консультантом по картам и атласам, предназначенным для начальной школы». С тех пор уровень географической грамотности вырос лишь на бумагах отчетности. Об этом свидетельствует, например, расхожий анекдот: «Судно терпит крушение. Члены команды: "Капитан, сколько до земли?" – "25 км". – "Ну вода теплая, доплывем". – "Так это вниз"». Неизвестно, что здесь смешнее – черный юмор автора или реакция слушателей, среди которых в редких исключениях можно встретить человека, когда-либо интересовавшегося глубиной Марианской впадины. По всему миру разошлась цитата А.Ш.Бербок про страны, существующие «за сотни тысяч километров от Германии».

Существенное внимание Т.Берг уделяет вкладу женщин в развитие картографии (с. 125–129, 253–255, 266–274), местами нарочито подчеркивая обыденные детали: «Джин, ведущий математик и физик, готовила кофе, печатала на машинке и выполняла мелкие административные поручения» (с. 269). При этом, автор, к примеру, ни разу не упомянул, что мужчины не всегда прибегали к услугам рабочих для перестановки офисной мебели. Такие пассажи оставляют единственное недоумение – по поводу отказа автора от раскрытия роли афроамериканцев в истории картографии...

О достоинствах книги

Наличие недостатков в книге не исключает выраженных достоинств. Т.Р.Берг раскрывает характерные особенности различных видов карт (наличие символических элементов; условные обозначения, изображение розы ветров и указание масштаба). В разные периоды времени одни из них оказывались более востребованными по сравнению с другими. Систематизация приведенных в издании материалов, на наш взгляд, позволяет выделить:

- план местности, доступной для непосредственного изучения составителем;
- умозрительные карты – отражения представлений об устройстве мира;
- символические карты, призванные продемонстрировать величие монарха-заказчика, процесс исторического развития в том или ином понимании (триумф христианства, достижения современной науки) и т. п.
- карты, имевшие практическое значение (составлявшиеся во время межеваний; геологические, дорожные, навигационные);
- карты мира, составленные на основе сбора разрозненных данных о точных измерениях, произведенных во время путешествий;
- современные карты, появившиеся благодаря использованию спутниковых средств.

На историческом материале Т.Р.Берг показывает, какую роль играл политический заказ в деле развития карт: картографы XVI в. предпочитали не рисковать, изображая истинные размеры Испании, но осознанно воспроизводили устоявшиеся ошибочные представле-

ния – площадь страны, примерно в два раза превосходящую реальную (с. 116); в период Реформации карты использовались в качестве орудия борьбы между католиками и протестантами (с. 117); шведский король преподнес голландцам и англичанам карты, на которых его территориальные притязания были обозначены как свершившийся факт (с. 139–140). Достоверно раскрыта тема походов викингов в Новый Свет и причины, по которым приоритет открытия Америки надолго закрепился за испанцами – многолетняя устная традиция, отраженная в письменной культуре, оказалась слабее зафиксированной на бумаге карты (с. 198–202). Знакомство с книгой позволяет выявить силы, двигавшие в Новое время развитие картографии (монархи, военные, заводчики, купцы), и силы, напротив, оказывавшие активное противодействие этому (землевладельцы, местные сообщества) (с. 159–178). Хорошо описан процесс распространения сплошной современной триангуляционной съемки. Показана роль образования и развития путешествий (как формы досуга) в деле развития картографии и роста широкого спроса на соответствующую продукцию, однако без достаточно очевидной связи этих процессов (с. 187–191).

На наш взгляд, следовало бы подчеркнуть, что во второй половине XVIII–XIX вв. люди не так охотно покидали родные места и отправлялись в дальние страны, как в XX–XXI столетиях (когда появилась возможность передвигаться в комфортабельных вагонах и самолетах). А до этого путешествия были сопряжены со значительными неудобствами и являлись частью образовательной программы, притом только для элиты, которая могла себе это позволить [4; 3]. Для широкого читателя важны напоминания о значении роста третьего сословия в Новое время, средиземноморской торговли и переориентации идеологии от спасения души к материальному обогащению (с.94).

Автор книги приводит ряд весьма любопытных сведений, например, о роли конфискации шаманских атрибутов христианинами миссионерами с целью формирования этнографических коллекций европейских музеев (с. 27); о постепенном перемещении изображения Рая на картах, закончившемся вытеснением его за пределы Земли (с. 96); о конкуренции картографов Нового времени (с. 145–159); о способах измерения расстояний на местности и распространении метода современной триангуляции (с. 161–172); о том, как отмена королевского финансирования обернулась успешным бизнес-проектом (с. 173–178). Особый интерес представляют приводимые в ряде случаев списки оборудования экспедиций (с. 196, 177–178, 181).

И о технических недостатках

В то же время местами автор противоречит сам себе. Так, на с.21 указано, что самая древняя карта была создана 38000–32500 лет назад, а на с.34 – 2600... Разница почти в 15 раз! Порой откровенное непонимание автором элементарных вещей, о которых он пишет, проявляется, например, во фразе: «нулевой меридиан – это просто точка» (с.61). Некоторые фрагменты книги могут представлять интерес с точки зрения источниковедческого анализа. Например, рассказ о восстании в Генте 1537 г. сопровождается сноской «Скорее всего, речь идет о событиях 1539 г.». Это может быть примечание переводчика, а, может быть, автор скопировал данный пассаж из другой работы, однако, опасаясь перевернуть смысл, предпочел не исправлять дату в основном тексте, а сделать уточнение в сноске. Столь же нелепо выглядят две сноски на с.180: «в 1716 г. британский астроном Эдмунд Галлей рассчитал, что ближайшие транзиты можно будет наблюдать в 1761 и 1769 годах». В качестве еще одного примера предлагаем сравнить следующее: 1) сноска: «Намного раньше, в 1627 году, Иоганн Кеплер в Праге предсказал прохождение Венеры по диску Солнца 6 июня 1761 г.»; 2) основной текст: «Тогда многие посчитали, что отмеченное явление доказывает наличие атмосферы у Венеры»; 3) сноска к предыдущему абзацу: «Ломоносов... открыл атмосферу на Венере».

Восприятие текста осложняется особенностями перевода, места-ми выглядящим откровенно «машинным», без какого-либо участия человека. Ничем иным нельзя объяснить отказ от «закавычивания» коротких цитат в тексте или же выделения их курсивом (как это принято в западной литературе). Довольно часто попадаются неотредактированные фразы: «в монументальной Истории картографии» (вместо «фундаментальной "Истории картографии"»); «Снорри вырос в книжной семье... У него... было, вероятно, немало общих книг, рассказывающих о том, как выглядит мир» (вместо более грамотной с точки зрения русского языка формулировки типа «Снорри вырос в читающей семье... У него, вероятно, было немало книг, в которых излагалась концепция мироустройства») (с.70); «Географическая широта определяется высотой Солнца в день равноденствия. На экваторе, который расположен на нулевом градусе, Солнце... у нас над головой, а на Северном полюсе оно на 90 градусов ниже, как раз там, куда указывает наш нос» (с.56); «все великолепие птолемеевской династии померкло» (в то время как речь идет о школе, а не о продолжателях

рода) (с. 66–88), «у итальянцев была традиция картографических книг, они собирали карты в одну стопку и сшивали их, беря в переплет» (вместо «традиция создания атласов») (с. 125) и т. п. Представляется также неоправданным отказ от использования общеизвестных символов для обозначения градусов, использование личных имен без учета устоявшейся в русскоязычной литературе традиции («Густав Васа» вместо «Густав Ваза») (с. 111) и написание числительных прописью. Совершенно неуместно употребляются художественные эпитеты («встретил... художника... сероглазого, с пшеничными волосами и небывалой идеей поместить весь мир под одной обложкой») (с. 121) и разговорные обороты («до европейцев тоже начинает доходить») (с. 98). Подчас подобная небрежность граничит с безграмотностью («на его карте флаги не развивались») (с. 120). Наиболее адекватно выглядят фрагменты, цитируемые по другим, сделанным ранее, переводам.

В целом автор придерживается хронологического принципа изложения, лишь изредка отклоняясь от этого – иногда обоснованно, как в главе, посвященной океанографии (с. 253–261), а иногда – нет (как, например, в случае скачка на 900(!) лет назад, а именно повествования о викингах... после рубежа XIX–XX вв. (с. 197–210)).

Заключение

Общее впечатление от книги Т. Р. Берга «Театр мира: История картографии» – озадаченность вопросом о ее целевой читательской аудитории. Специалисты явно предпочтут более серьезную литературу, а для широких интересующихся кругов требуется слишком много уточнений и пояснений.

Библиографический список

1. Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛО, 1999. 719 с.
2. Анисимов Е. В. Царь и город. Петровский Петербург. СПб.: НОРИНТ, 2004. 313 с.
3. Белякова Н. В. Grand tour или университет: образовательная альтернатива XVIII в. глазами А. Смита // Историк и его дело: межвуз. сборник науч. трудов. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2007. С. 73–77.
4. Белякова Н. Ю. Истоки английского Grand tour // Актуальные проблемы социальных наук. Герценовские чтения, 2005: сборник науч. и учебно-метод. трудов. СПб.: [б.и.], 2005. С. 154–156.

5. Бровина А.А., Филиппова Т.П. История освоения архипелага Новая Земля в конце XIX–XX в.: источники и исследования // Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми). Сыктывкар: Коми республиканская академия гос. службы и управления, 2019. С.5–11.
6. Бычкова И.А. История развития аэрометодов в России в 1880-х – 1950-х гг. // Метеорологический вестник. 2010. Т.3. №1. С.54–68.
7. Грановитов Е.А., Кривичев А.И., Хабарова И.А. История развития и анализ современных достижений в фотограмметрии и аэрофотосъемке // Новые горизонты студенческой науки в условиях глобализации. Материалы II межрегиональной науч.-практ. конференции. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2022. С.979–984.
8. Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Остров, 2012. 511 с.
9. Дадыкина М.М., Крайковский А.В. «Грумант угрюмый»: источники по истории поморских промыслов на Шпицбергене в XVIII – начале XIX века // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX веков. Материалы XVIII всерос. науч. конференции. Ниж. Новгород: Pixel-print, 2014. С.64–77.
10. Дадыкина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.В. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII – начале XIX в. Исследование, документы. М.; СПб.: Альянс-архео, 2017. 504 с.
11. Карелин В.А. Проблема эксплуатации гидроэнергетических ресурсов пограничной реки Паз в российско-норвежских приграничных отношениях: начальный период (1906–1913 гг.) // Альманах североευропейских и балтийских исследований. 2022. №7. С.117–139.
12. Карелин В.А. Шпицбергенский вопрос и судьба русских угольных предприятий на архипелаге в 1917–1925 гг. // Российская история. 2014. №6. С.142–157.
13. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.; СПб.: ЕУ СПб.; НЛО, 2010. 664 с.
14. Колоницкий Б.И. Семнадцать очерков по истории российской революции. СПб.: ЕУ СПб., 2017. 141 с.
15. Кусов В.С. История аэрофотосъемки в России // История высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 1992. №6. С.54–61.
16. Лапин В.В. Семеновская история. Л.: Лениздат, 1991. 251 с.
17. Лапин В.В. Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. 540 с.
18. Набок С.Д. Ресурсная политика России и Норвегии на архипелаге Шпицберген: становление угледобычи до Второй мировой войны // Оригинальные исследования. 2020. Т.10. №1. С.4–9.
19. Никонов С.А. Зимовки русских промышленников на архипелагах Шпицберген и Новая Земля в XVIII – начале XIX в. // Архипелаг Шпицберген. От terra nullius к территории взаимодействия. К 100-летию подписания Шпицбергенского трактата. Доклады Международной науч. конференции. М.: РОССПЭН, 2021. С.122–134.

20. Никонов С.А. Наука выживать: способы адаптации и смертность русских промышленников на Шпицбергене и Новой Земле во второй половине XVIII – начале XIX в. // Петербургский исторический журнал. 2022. №2 (34). С.48–69.

21. Саватюгин Л.М., Сократова И.Н. Открытию архипелага Северная Земля – 100 лет: история и перспективы научных работ // Проблемы Арктики и Антарктики. 2013. №3 (97). С.109–113.

22. Салемгараева Л.Р. История развития аэрофотосъемки в России // Актуальные проблемы геодезии, картографии, геоинформатики и кадастра. Материалы науч.-практ. конференции. Уфа: Башк. гос. ун-т, 2016. С.170–172.

23. Сократова И.Н. История открытия и исследований антарктических оазисов (начало XX – начало XXI вв.). Дисс. ... канд. геогр. наук. М.; СПб., 2008. 303 с.

24. Сучков Д.К. История применения дистанционных (аэрокосмических) методов в лесном хозяйстве России // Успехи современного естествознания. 2022. №10. С.46–50.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургуяна), МОФ-ЭТЦ
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2
ИНН 7703053866 КПП 770301001
ОГРН 1027700337928

ОТЧЕТ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМУЩЕСТВА ФОНДА ЗА 2023 ГОД

Источником образования средств и имущественных прав Фонда являются:

- добровольные пожертвования,
- денежные средства, поступающие от реализации издательской продукции.

Общая сумма выручки от предпринимательской деятельности составила 3077000 рублей. Добровольные пожертвования составили 7700000,00 рублей, вступительных и иных взносов не поступало. Расходы по предпринимательской деятельности составили 1986000,00 рублей.

По результатам финансово-хозяйственной деятельности в бюджет перечислен налог на прибыль в размере 202,00 тыс. рублей. В 2023 году сотрудникам Фонда регулярно начислялась и выплачивалась заработная плата.

В истекшем году Фонд не имел субвенций, субсидий, бюджетных и коммерческих кредитов, не обращался в налоговые органы с ходатайством об отсрочке или рассрочке по уплате налогов и сборов.

Финансово-хозяйственная деятельность Фонда велась в соответствии с Уставом Фонда, финансовая дисциплина соблюдалась, средства использовались по назначению, финансовое состояние признается как стабильное и устойчивое.

Ревизионная комиссия МОФ-ЭТЦ

Наши авторы

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Московского государственного
областного университета

Шелухаев Валентин Валентинович

доктор исторических наук, профессор,
руководитель Центра «История России в XIX – начале XX вв.»
Института российской истории РАН

Александров Олег Борисович

кандидат политических наук, доцент кафедры международных
отношений и внешней политики России
МГИМО Университета МИД России

Большакова Нина Георгиевна

магистрант МГИМО

Козлов Сергей Алексеевич

доктор исторических наук

Попова Марина Дмитриевна

ведущий специалист Российского государственного
исторического архива

Архипова Светлана Викторовна

главный библиотекарь Государственной публичной
исторической библиотеки России (ГПИБ России)

Семенова Наталия Николаевна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
Севастопольского государственного университета

Черникова Наталья Владимировна

доктор исторических наук,
старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Лупанова Евгения Михайловна

доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела
истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. МАЭ РАН

Our authors

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor,
Chief Researcher of the Moscow State Regional University

Shelohaev Valentin Valentinovitch

D.Sci., historian, Professor, a Chief of the Center «Russian history in
the XIX – in the beginning of XX centuries»
of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

Aleksandrov Oleg Borisovich

Ph.D. in political sciences, assistant Professor, Chair for International
Relations and Foreign Policy,
Moscow State Institute of International Relation – University

Bolshakova Nina Georgievna

master's student at MGIMO

Kozlov Sergey Alekseevich

D.Sci., historian

Popova Marina Dmitrievna

leading specialist the Russian State Historical Archive

Arkhipova Svetlana Viktorovna

Chief Librarian of the State Public Historical Library of Russia

Semenova Natal'a Nikolaevna

D.Sci., historian, Professor, Department of Russian History,
Sevastopol State University

Chernikova Natal'a Vladimirovna

D.Sci., historian, research fellow of the Institute of Russian History,
the Russian Academy of Sciences

Lupanova Evgeniya Mikhailovna

D.Sci., historian, senior researcher at Museum of Anthropology and
Ethnography, Russian Academy of Sciences

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2023 г.

Теория и практика политических игр

- Волобуев О.В., Шелохаев В.В. *О типологии политических партий.* №6. С. 6
Кургинян С.Е. *Нужен ли Америке Израиль?* №5. С. 6
Орешин С.А. *Взаимоотношения Российской Федерации и Чеченской Республики. Сентябрь 1996 – сентябрь 1999 гг.* №1. С. 6

Геоглобалистика

- Орешин С.А. *Политическое развитие Чеченской Республики в 2000–2004 гг.* №4. С. 30

Ресурсы нации

- Вербицкая О.М. *Новейшие тенденции демографического развития сельского населения Урала (2000-е гг.).* №5. С. 120
Козлов С.А. *Выдающиеся аграрники-новаторы России XIX – начала XX вв. «Каждый успех в промышленности... есть драгоценное приобретение для общества»: Ефим Степанович Карнович (1793–1855).* №3. С. 78
Козлов С.А. *«Выдающиеся аграрники-новаторы России XIX – начала XX вв.» «Настоящий путь к усовершенствованию нашего хозяйства»: Франц Христианович Майер (1783–1860).* №4. С. 172
Козлов С.А. *«Ему всегда нужна была деятельность...»: Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892).* №5. С. 90
Козлов С.А. *«Накапливая... наше культурное богатство»: Александр Петрович Мертваго (1856–1918?).* №6. С. 52
Лупанова Е.М. *«Как прочен и хорош ваш механизм открытый...» Часы с окошками для наблюдения работы механизма в собрании музея Ломоносова МАЭ (кунсткамера) РАН.* №1. С. 76
Попова М.Д. *Николай Васильевич Шелгунов и его размышления о лесоводстве.* №6. С. 80
Семенова Н.Л. *«Необходимость неоспоримая»: чиновники особых поручений в системе губернаторской власти Российской империи в первой половине XIX в.* №6. С. 90

Ярлыки и мифы

- Костырченко Г.В. *Венгрия-56 в судьбе Юрия Андропова и в свете еврейского вопроса.* №3. С. 6
Богданов А.П. *Суворов в Финляндии: мифология и история.* №4. С. 88
Бородулин В.И., Банзелюк Е.Н., Тополянский А.В. *Академики АМН СССР Мирон Семенович Вовси (1897–1960) и Борис Евгеньевич Вотчал (1897–1971), или о нравственных критериях московской терапевтической элиты (2-я половина XX века)* №1. С. 56
Маслов Д.В. *«...всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером». Что привело Владимира Ульянова в революцию: дискуссии продолжаются.* №4. С. 34
Рублев Д.И. *Анархист, дипломат, директор архива: жизнь и общественно-политическая деятельность И.М.Гейцмана.* №3. С. 40
Юрганов А.Л. *Сокрытая личная жизнь сталинского драматурга Александра Афиногенова.* №4. С. 72; №5. С. 30

Национальная доктрина

- Бахтурина А.Ю. *Варшавский генерал-губернатор Г.А.Скалон и правительственная политика в Царстве Польском начала XX в.* №3. С. 114
Исхаков С.М. *«Мы, демократия мусульманских народов России...»: Захид Шамиль.* №2. С. 154

Лапин В. В. Как служить инородцам? Представления властей о народах Российской империи в контексте воинской повинности. XIX – начало XX вв. №5. С. 128

Россия в мире

Александров О. Б., Большакова Н. В. Кинематограф как инструмент «мягкой силы» в международных отношениях: особенности советского, американского и российского подходов. №6. С. 24

Ковалев М. В. «Люди, с которыми мне приходилось встречаться, проявляли к советскому ученому очень много внимания»: визит академика Б. Д. Грекова в Будапешт в 1948 г. №1. С. 30

Пути духовных исканий

Киянская О. И. «Демон пропаганды». К истории деятельности М. П. Бестужева-Рюмина в Южном обществе декабристов. №2. С. 6

Соловьев К. А. Идеологические поиски времен контрреволюции. №2. С. 60

Юрганов А. Л. Достоевский и «Отверженные»: опыт межкультурного взаимодействия. №2. С. 50

Страницы истории

Архипова С. В. Риторика «Поучения» Владимира Мономаха: историко-педагогическое исследование. №6. С. 104

Волобуев О. В. Алука – Москва. Аспирантура. 1960–1965. №1. С. 112

Волобуев О. В. Люди и судьбы: штрихи к портретам. Симферополь. 1965–1972. №2. С. 124

Волобуев О. В. Кирановы: судьба протоиерея Димитрия и его семьи. №5. С. 46

Жбанкова Е. В. Роль и место салонного танца в воспитании детей и взрослых в дореволюционной России. №2. С. 104

Наумов О. Н. Дворянин в интерьере советской эпохи: Григорий Александрович Пушкин – внук поэта. №4. С. 146

Писарькова Л. Ф. Взаимодействие центральной власти и местной администрации.

По материалам Корочанской приказной избы. 1643–1701 гг. №2. С. 74

Рогожина А. С. Продовольственная политика России второй половины XIX в.: проблемы и решения. №3. С. 130

Рублев Д. И. Всероссийская федерация анархистской молодежи (1918–1919 гг.): идеология и эволюция организационных структур. №4. С. 126; №5. С. 68

Сазонова Д. Ю. Особенности становления кафедр русской истории в столичных университетах при Николае I. №3. С. 130

Семенова Л. Н. «Необходимость неоспоримая»: чиновники особых поручений в системе губернаторской власти Российской империи в первой половине XIX в. №6. С. 132

Соколов А. С. Отношение Романовых к бракам в Императорской фамилии: конец XIX – начало XX вв. №1. С. 90

Черникова Н. В. Второе издание Крестьянской реформы. 1881 год. №6. С. 148

Актуальный архив

Татаринев И. Е. Оккупационные органы власти на Донбассе в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивных учреждений ЛНР). №1. С. 144

Чернов О. А. Дипломат на войне: Н. В. Чарыков и русско-турецкая война 1877–1878 гг. №3. С. 168

Редакционная почта

Камари Д. М. Общественные советы и трудовые отношения. №2. С. 170

Канатбеков А. Г. Погаснут ли американские звезды на небе XXI столетия? №5. С. 156

Луанова Е. М. «За морем Сократы добронравны»? №6. С. 180

LIST OF ARTICLES, PUBLISHED IN THE MAGAZINE IN 2023

Theory and Practice of the Political Games

Kurginyan Sergey. Does America Need Israel? №5. P. 6

Oreshin Sergey. Relations Between the Russian Federation and the Chechen Republic. September 1996 – September 1999. №1. P. 6

Volobuev Oleg, Shelohaev Valentin. On the Typology of Political Parties. №6. P. 6

Geopolitics and International Policy Issues

Oreshin Sergey. Political Development of the Chechen Republic in 2000–2004. №4. P. 30

Resources of Nation

Kozlov Sergey. Outstanding Agrarian Innovators of Russia in the 19th– Early 20th Centuries.

“Every Success in Industry ... is a Precious Acquisition for Society”: Efim Stepanovich Karnovich (1793–1855). №3. P. 78

Kozlov Sergey. Outstanding Agrarian Innovators of Russia in the 19th – Early 20th Centuries.

“The real path to improving our economy”: Franz Christianovich Mayer (1783–1860). №4. P. 172

Kozlov Sergey. Outstanding Agrarian Innovators of Russia in the 19th– Early 20th Centuries.

“He Always Needed Activity...”: Afanasy Afanasyevich Fet (1820–1892). №5. P. 90

Kozlov Sergey. Outstanding Agrarian Innovators of Russia in the 19th– Early 20th Centuries.

“Accumulating... our Cultural Wealth”: Alexander Petrovich Mertvago (1856–1918?). №6. P. 52

Kozlov Sergey. Outstanding Agrarian Innovators of Russia in the 19th– Early 20th

Centuries. “Accumulating... our Cultural Wealth”: Alexander Petrovich Mertvago (1856–1918?).

№6. P. 52

Lupanova Evgeniya. “How Strong and Good is Your Open Mechanism...” Clock with Windows

for Monitoring the Operation of the Mechanism in the Collection of the Lomonosov Museum

MAE (Kunstkamera) RAS. №1. P. 76

Popova Marina. Nikolai Vasilievich Shelgunov and His Thoughts on Forestry. №6. P. 86

Semenova Natalia. “The Need is Undeniable”: Officials of Special Assignments in the System of

Gubernatorial Power of the Russian Empire. №6. P. 90

Verbitskaya Olga. Latest Trends in Demographic Development Rural Population of the Urals

(2000s). №5. P. 120

Labels and Myths

Kostyrchenko Gennadii. The Hungary-56 in the Fate of Yuri Andropov and in Light of the Jewish

Question. №3. P. 6

Bogdanov Andrey. Suvorov in Finland: Mythology and History. №4. P. 88

Borodulin Vladimir, Banzeluk Egor., Topolyansky Aleksey. Academicians of the Academy of

Medical Sciences of the USSR Miron Semenovich Vovsi (1897–1960) and Boris Evgenievich

Votchal (1897–1971), or on the Moral Criteria of the Moscow Therapeutic Elite (2nd Half of the

20th Century). №1. P. 56

Maslov Dmitriy. “...everyone is correct thinking and real a decent person should be a revolution-

ary”. What Rought Vladimir Ulyanov into the Revolution: Discussions Continue. №4. P. 34

Rublev Dmitrii. Anarchist, Diplomat, Archive Director: Life and Socio-Political Activities of

I. M. Geytsman. №3. P. 40

Yurganov Andrey. Hidden Personal Life of Stalinist Playwright Alexander Afinogenov. №4. P. 72;

№5. P. 30

National Doctrine

Bakhturina Aleksandra. Warsaw Governor-General G. A. Skalon and Government Policy in the Kingdom of Poland in the Early 20th Century. №3. P. 114

Iskhakov Salavat. “We, the Democracy of the Muslim Peoples of Russia...”: Zahid Shamil. №2.

P. 154

Lapin Vladimir. *How to Serve Foreigners? The Authorities' Ideas about the Peoples of the Russian Empire in the Context of Military Service. XIX–early XX Centuries.* №5. P. 128

Russia in the World

Aleksandrov Oleg, Bolchakova N.V. *Cinema as a Tool of “Soft Power” in International Relations: Features of the Soviet, American and Russian Approaches.* №6. P. 24

Kovalev Mikhail. “The people with whom I had to meet showed a lot of attention to the Soviet scientist”: the Visit of Academician B.D.Grekov to Budapest in 1948. №1. P. 30

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Kiyanskaya Oksana. “The Demon of Propaganda”. *To the History of M.P.Bestuzhev-Ryumin's Activities in the Southern Decembrists Society.* №2. P. 6

Solov'ev Kirill. *The Ideological Search for the Times of the Counter-Revolution.* №2. P. 60

Yurganov Andrey. *Dostoevsky and “Les Misérables”: Experience Intercultural Interaction.* №2. P. 50

Pages of History

Arkhipova Svetlana. *Rhetoric of Vladimir Monomakh's “Teaching”: Historical and Pedagogical Research.* №6. P. 104

Chernikova Natal'a. *Second Edition of the Peasant Reform. 1881.* №6. P. 148

Naumov Oleg. *Nobleman in the Interior of the Soviet Era: Grigory Alexandrovich Pushkin – Grandson of the Poet.* №4. P. 146

Pisar'kova Lyubov'. *Interaction Between Central Government and Local Administration.*

According to the Materials of the Koroichansky Order Hut. 1643–1701. №2. P. 74

Rogozhina Angelina. *Food Policy of Russia in the Second Half of the 19th Century: Problems and Solutions.* №3. P. 130

Rublev Dmitrii. *All-Russian Federation of Anarchist Youth (1918–1919): Ideology and Evolution of Organizational Structures.* №4. P. 126; №5. P. 68

Sazonova Dar'ya. *Features of the Formation of Departments of Russian History in Capital Universities Under Nicholas I.* №3. P. 130

Semenova Lyudmila. “The Need is Undeniable”: *Officials of Special Assignments in the System of Gubernatorial Power of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century.* №6. P. 132

Semenova Lyudmila. “The Necessity is Undeniable”: *Officials of Special Assignments in the System of Gubernatorial Power of the Russian Empire in the First half of the 19th Century.* №6. P. 132

Sokolov Aleksander. *The Attitude of the Romanovs to Marriages in the Imperial Family: the End of the 19th–the Beginning of the 20th Centuries.* №1. P. 90

Volobuev Oleg. *Alupka – Moscow. Postgraduate. 1960–1965.* №1. P. 112

Volobuev Oleg. *People and Destinies: Strokes for Portraits. Simferopol. 1965–1972.* №2. P. 124

Volobuev Oleg. *Kiranovs: the Fate of Archpriest Dimitri and His Family.* №5. P. 46

Zhbankova Elena. *The Role and Place of Salon Dance in the Education of Children and Adults in Pre-revolutionary Russia.* №2. P. 104

Topical Archive

Chernov Oleg. *Diplomat at War: N.V.Charykov and the Russo-Turkish War of 1877–1878.* №3. P. 168

Tatarinov Igor'. *Occupation Authorities in the Donbass During the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Archival Institutions of the LPR).* №1. P. 144

Readers' Letters

Kanatbekov Aldiyar. *Will American Stars Go Out in the 21st Century Sky?* №5. P. 156

Kamari Daniel. *Public Councils and Labour Relations.* №2. P. 170

Lupanova Evgeniya. “Across the Sea, Socrates is Kind”? №6. P. 180

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

Внимание!

**С 2024 года журнал будет выходить
4 раза в год.**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2023.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.01.2024. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,25 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 201436**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

6.2023 november-december

Theory and Practice of the Political Games

Oleg Volobuev, Valentin Shelohaev

On the Typology of Political Parties _____ 6

Russia in the World

Oleg Aleksandrov, Nina Bolshakova

Cinema as a Tool of “Soft Power” in
International Relations: Features of the Soviet,
American and Russian Approaches _____ 22

Resources of Nation

Sergey Kozlov

“Accumulating... our Cultural Wealth”:
Alexander Petrovich Mertvago (1856–1918?) _____ 48

Marina Popova

Nikolai Vasilievich Shelgunov
and his Thoughts on Forestry _____ 82

Pages of History

Svetlana Arkhipova

Rhetoric of Vladimir Monomakh's
"Teaching": Historical and Pedagogical
Research _____ 100

Natal'a Semenova

"The Need is Undeniable":
Officials of Special Assignments
in the System of Gubernatorial Power
of the Russian Empire in the First Half
of the 19th Century _____ 130

Natal'a Chernikova

Second Edition of the Peasant
Reform. 1881 _____ 146

Readers' Letters

Evgeniya Lupanova

"Across the Sea,
Socrates is Kind"? _____ 176

РОССИЯ XXI